

Петр Журавлев

Орбитами
судеб

Петр Журавлев

ОРБИТАЛИ СУДЕБ

2013 г.

Читателю предлагается роман-хроника, сюжет которого раскручивается на фоне биографии крупного градообразующего предприятия. В сложных переплетениях технических и жизненных перипетий происходит становление характеров многих персоналий прибывших для его строительства и пуска с самых различных уголков страны. Избранный автором жанр на производственную тематику сегодня «весьма редкий зверь».

Роман, в котором напряженные и драматические действия передаются на основе реальных событий и общественных потрясений поры краха социализма, с интересом воспримется читателями всех возрастов и профессий как художественно-историческая хроника.

ПРОЛОГ

В просторном зале дворца спорта на празднование пятидесятилетия предприятия организаторы собрали почти тысячу человек. Там гремели литавры, елеем лились торжественные речи. Столы пестрили мозаикой блюд. Под дружные рукоплескания раздавали правительственные награды.

А группа седовласых мужчин из пяти бывших генеральных директоров, скромно сидела за отдельным столиком и парадные речи их не касались.

Проведенный накануне юбилейный экскурс и полученное послание из доисторической теперь эпохи, глубоко взвихрило сознание почтенных старцев. Они вспоминали минувшие дни. Дни полные захватывающих событий: жестокой борьбы, незаметных и триумфальных побед, интриг в рабочие будни и лишений в быту.

Поскольку исторические события, вершившиеся на протяжении биографии крупного гиганта нефтехимии, были действительно захватывающими, мы решили отобразить их в собственном виденье. В предлагаемом повествовании в целях предостережения от проникновения в секреты частной жизни главных героев, мы изменили имена действующих лиц и внесли в сюжет малую толику художественного вымысла. Наверное, не все из описанных событий случались! Но в том, что они могли быть, автор не сомневается.

Глава вводная

ЮБИЛЕЙНЫЙ ЭКСКУРС

Как-то после обеда небольшой комфортабельный автобус с затененными стеклами остановился у центральной проходной огромного нефтехимического комплекса. Дело двигалось к осени и блеклое солнце, цепляясь космами короны за высокие трубы ТЭЦ, катилось на закат. Студеный воздух смачно пах яблоками и прелой травой.

Чуть приспустив стекло, водитель шепнул постовому вахтеру несколько слов. Лицо пожилого постового услужливо вытянулось, и он оперативно нажал кнопку механизма. Ворота автоматически раздвинулись, и автобус въехал на территорию.

– Ну, давайте диктуйте! Куда вначале поедем? – обратился к пассажирам высокий молодой человек в темно-синем костюме, увенчанном красным галстуком. Это был генеральный директор сегодняшнего дня, временно ставший гидом для почтенной свиты из бывших генеральных директоров. Хотя вырос он в семье кадрового военного, но носил простую крестьянскую фамилию Конюхов.

– Вези по главной улице Глеб Иванович, во второй, третий цехи! – попросил Кленовский. Оглянувшись, он обвел взглядом сидящих коллег, по всей вероятности ожидая поддержки.

– Ты Иван Афанасьевич видимо давно в наши края не заглядывал! – усмехнувшись, упрекнул Кленовского подвижный и лысый старикан с чуть заостренным носом. – Здесь ребята и сегодня не дремлют! Второй и третий цехи уже десяток лет как демонтировали. Давайте посмотрим цех пятидесятый. Не мало он крови нам попортил да, Прокофий?

– Вообще-то первый у меня лично больше попил, но его тоже нет, – отвечал бодрого вида престарелый мужчина в полосатой пиджачной паре. Его уложенный строгим пробором волос, отливал голубой сединой. – А все аммиачные подразделения мы вывели из эксплуатации, – продолжил он. – Расхристанную архаичную схему в единое производство свели. Новое построили, по японской технологии. Потом, в конце экскурсии тот комплекс увидим, как раз по-

лиэтилен там неподалеку вырос. Вам интересно будет посмотреть свое детище, так ведь Леонид Иокифович? – повернувшись к соседу сзади, одновременно пояснил и спросил у Осипченки Бураев.

Осипченко, не отрывая взора, внимательно рассматривал проплывающий за окном ландшафт. На лице его одновременно переменялись глубокое волнение и тоска.

– Да все в глубоком прошлом! – задумчиво произнес он. – Полиэтилен, этилен... – он помолчал, о чем-то с усилием вспоминая. – Кстати, а 16-й цех после аварии, что не восстанавливали даже? Помнится, как раз в это время меня в Москву забрали.

– Нет, что вы! Мы подумали и более мощный цех построили, – пояснил Сасин.

– Это вы подумали. А мы еще раз подумали, да построили в десяток раз мощнее, – засмеялся Бураев. – ЭП-300 теперь называется, вот что стоит посмотреть. Операторная, что тебе аэровокзал, а приборов – всего-то с десяток компьютеров.

Так, степенно переговариваясь, по территории предприятия каталась небольшая группа пожилых людей. По сути беседы и фрагментам реплик в воспоминаниях, читатель явно догадался, что в салоне находились не простые обыватели. В погожий сентябрьский день в автобусе очутились одновременно пять бывших начальников комбината. Они с упоением и ностальгией любовались промышленным пейзажем. Останавливались, вспоминали и живо обсуждали произошедшие изменения.

– Ну-ка притормози здесь. Тут где-то двести шестой объект стоял, я на нем первый выговор схлопотал, – улыбнувшись, попросил Сасин высокого сопровождающего.

Автобус притормозил и остановился, Сасин отодвинул створку окна.

– Вот оно это место, – сидящий впереди него Бураев тоже раздвинул окно. – Вон, градирня оборотного узла видишь? Тут и стоял твой объект. На огороды кирпич пустили, а металлоконструкции в металлолом сдали, – в качестве гида своей эпохи дал пояснения Бураев. Он помнил перестройку лучше других, ибо принимал одинаково активное участие в строительстве и в сносе объектов.

– На дачи что ли кирпич-то пошел? – послышалась уточняющая реплика.

– Это у вас, столоначальников, дачи! У нас огороды! У нас люд деревенский, не может без земли...

– А вон, где группа людей толкошится, там двести девятым объект стоял, – встрял в разговор Кленовский. – Там, помнится, первый несчастный случай случился. Заключенный с этажерки свалился. Давайте выйдем, промнемся немножко, заодно с народом пообщаемся.

Группа рабочих, стоящих около груды битого кирпича, что-то бурно обсуждала. При приближении высокого начальства, шумный гвалт смолк, наступила напряженная тишина. Глеб Иванович, широко шагая, вырвался вперед. Ему показалось, что в руках одного из рабочих блеснуло стекло пивной бутылки. Было бы весьма некстати, застать в такой торжественный момент групповую пьянку на рабочем месте.

– Здравствуйте, товарищи! – поприветствовал он от всей компании бывших генералов. – Кто руководитель?.. Что так эмоционально обсуждаем?

– Здравствуйте Глеб Иванович! Мастер Капитонов, группа ликвидации выведенных объектов, – лихо представился выступивший встреч молодой человек. – Любопытную находку обнаружили, вот и дискусируем.

– Любопытную?.. А нельзя взглянуть? Возможно, и нам будет занятно, – поинтересовался Кленовский. – Я в свое время строил этот объект.

– Вы?.. Не похоже, – с сомнением оглядел Кленовского Капитонов. – Находка явно зековская. Вот познакомьтесь. Фундамент стали разбирать, нашли бутылку, а в ней записка. Все точь в точь как в приключенческих фильмах!

Молодой человек улыбнулся и передал записку с интересом вслушивающемуся в его сказ Сасину. Другой парень протянул Конохову отливающую зеленью бутылку с прекрасно сохранившейся этикеткой: «Московская». Поллитровка пошла по рукам почтенных ветеранов, разглядывающих её, словно посланца веземной цивилизации. Сасин с озабоченным выражением шевеля губами, изучал клочок тетрадного листа с неразборчивой надписью простым карандашом. Наконец он улыбнулся и протянул бумажную четвертушку Кленовскому.

– Интересный документ! – задумчиво вымолвил Сасин. – Посмотрите, возможно вы что поймете?

Кленовский, взял и вслух по слогам прочел полуграмотную запись:

«Здесь работали заключенные ребят 1954 года 2-го сентября одна бригада. Вы когда-либо найти эту записку будете удивлены. Имя мое Вася. Желая вам счастья. Кто найдет, не подумайте нас плохо. Нас судили за то что мы хотели счастья народу Украины. Кто встретит человека по имени Шпильман, берегитесь его это каварный человек и совсем не Шпильман, которого он загубил. Все. Идет надзиратель, я прячу записку».

– Ну-ка дай-ка бумагу сюда! – заинтригованно протянул руку Бураев. – Очень знакомый персонаж – Шпильман. Прекрасный документ!

– Опять этот пройдоха Шпильман!.. Эту записку найти бы пару лет назад! Цены бы ей не было! – вздохнул Кленовский, – сегодня она просто памятная реликвия. Подарите её Конюхову, пусть в музее хранит.

– Ну что, друзья, поехали? – бодро объявил Конюхов, приняв подарок. – По местам!

– ...Ты Прокофий признайся, первый цех полистирола не порушил, оставил? – как ни в чем не бывало, продолжил предварявшую остановку беседу Седаев. – Я в нем немало повоевал с пусконаладкой. Полцеха в Ангарск гонял на стажировку, половину цеха в Кусково ездили, а все равно пускали почти год.

– Помню и мне приходилось пожар ликвидировать, – вступил в беседу Сасин. – Вот там вентиляция загорелась! – показал он на окна главного корпуса.

– Реконструкцию мы в нем провели. Еще в восьмидесятых переориентировали, теперь он не полистирол выпускает, более качественный пластик. АБС называется. По американской технологии самый современный пластик шпарим, – поделился информацией Бураев. – А цех ширпотреба, который ты Александр Иванович начинал осваивать, к сожалению, за забор потом вынесли. Туда мы вероятно не попадем. Вот где посмотреть и желательно и есть на что. Импортные машины, пятое поколение. Все на автоматике и механизации. Чудо 20-го века. Куда только не гонял помощников –

и в Италию и в Германию. Самые передовые технологии Европы понавезли.

– Извините, что перебиваю, – перебил Бураева Конюхов. – Я думаю, пора ребята к столу возвращаться. По соточке примем и поговорим более расковано.

На этом предложении юбилейный экскурс завершился. Автобус миновал проходную и взял курс на дворец спорта.

Часть первая

ТОЧКА СХОДА

Глава 1. ТРУДНЫЙ РАЗГОВОР

– С вами товарищ Сталин говорит, – коротко молвила трубка в руках наркома нефтяной промышленности во второй половине мартовского дня 1947 года. – Вот у меня сидят два летчика и спрашивают: почему у нас моторным топливом никто не занимается?.. – некоторое время трубка многозначительно молчала. – Что я им должен ответить?

– Иосиф Виссарионович, как это никто не занимается? Работает Новомосковский, восстановили Харьковский НПЗ, два завода в Поволжье пускаются, – начал оправдываться нарком.

– Чужие заслуги не перечисляй – это я без тебя знаю. Где перспектива? Почему не строятся заводы по гидрогенизации угля? Помните, еще до войны принимали решения!

– Иосиф Виссарионович! Ангарск частично работает. В Черногоorsk оборудование везем, но в наркомате мнения разделились. Кленовский категорически восстал против. Людских ресурсов на восток тащить много потребуется. Он предлагает поближе к нефтепромыслам его перенести, пока не начали стройку.

– У вас наркомат или ясли? Вам решения партийных съездов уже не закон? Я ваши рассуждения ревизировать не собираюсь. Хоть в Каракумах стройте. Вот вам задача, чтоб через год определили площадку, а в 1950 году дали 250 тысяч тонн топлива. Страна не может ждать, пока вы с Кленовским полемизируете. Я распоряжение подготовлю. Пошли туда Кленовского, пусть на месте осмотрится, организует и руководит. В ноябре доложите лично. Все.

Грозная трубка категорично замолчала. Нарком с трепетом в сердце положил её на аппарат и задумался. Его черные брови при этом почти сошлись у переносицы. С одной стороны Кленовский прав – в Черногорске и грунт скальный и населения не достаточно. В Поволжье перегонные заводы один за другим встают, мазут некуда девать. С другой стороны достал уже этот Кленовский. На все у него свое мнение. «Направлю-ка его туда, – осенило наркома, и брови

азартно разлетелись в стороны. – Там ему быстро хребет сломают». Он поднял трубку внутренней связи.

– Иван Афанасьевич! Зайдите ко мне. Разговор есть.

Спустя три минуты в кабинет вошел весьма представительный мужчина сорокалетнего возраста. Крупные черты лица ничуть не портили облика, наоборот делали его более мужественным и уверенным. Простая светлая косоворотка тоже удачно сочеталась с темной пиджачной парой. Он уверенно присел по другую сторону стола и достал из внутреннего кармана блокнот.

– Хозяин негодует. Это мягко сказать. Если серьезно, то очень сильно недоволен. Могут наши с тобой головы полететь, ты понял?

– Пока ничего не пойму. А в чем суть вопроса?

– В том, о чем мы с тобой на коллегии спорили. Не начинаем строительство в Черногорске, а стройка у него на контроле.

– Извините, но мы же еще не договорились окончательно. Решение-то не принято! Может быть действительно другое место подыщем.

– Ты возражаешь, ты и определяй. Я уже стар и голову в заклад не намерен ложить. Поезжай в Поволжье. В Башкирии посмотри внимательно. Прихвати с собой пару других специалистов в комиссию. Чтоб к июлю решение созрело окончательное.

– Я человек подчиненный. Как быть с жильем, с семьей?

– Пока оставь в Москве. Когда ясность обрисуетя полная, поможем с жилищем. Директором завода кого взять думаешь? Подбери человека надежного, чтоб опыта было достаточно.

Кленовский задумчиво завертел пальцами ручку. Он думал, перебирая череду разного ранга подчиненных. Вдруг лицо его просветлело, и теплая полуулыбка тронула сухие от напряжения губы. Он заговорил и делал это несколько поспешно, будто боясь, что ему не дадут высказаться до конца.

– Есть у меня такой парень. Технолог, директор со стажем. И опыт по дислокации имеет. Из Харькова завод эвакуировал и восстановил его в Кемерово. Фиалетов его фамилия.

– Алексей Николаевич? Помню, помню. Его и прихвати. Там много работать придется. В обкоме, ... с населением на местах. Да не затягивайте. Хозяин уже Берии указание дал контингент подбирать, а с Берией дело иметь еще страшнее. Да что тебя учить...

Глава 2. СТРАННЫЕ ГОСТИ

– Ку-Ку! Х-р-р-р. Ку-Ку!..Х-р-р-р... – хрипло провернув механизм, закуковала кукушка на часах в кабинете секретаря Якшибайского горкома. Трое мужчин как по команде взглянули на наручные хронометры – сровнялось восемь часов. Несмотря на раннее утро, в кабинете было изрядно накурено. Особенно жадно смолил второй секретарь Еникеев. Бывший фронтовик, он не выпускал из губ мудштука папиросы «Казбек».

– Что ж гости задерживаются, Николаич?.. Пора за дела приниматься, – глядя в окно, раздумчиво произнес председатель городского совета Поляков.

– Едут, едут. Я свой «Бобик» еще к 7 часам на вокзал отправил. С поезда ведь, может в порядок приводятся, Николай Филиппович. Всю ночь тряслись, а в вагоне разве поспишь толком, – пытался успокоить соратников Якимов.

Хотя сам он волновался не менее. Кончался апрель 1947 года, и в атмосфере незримо витали необычные, крупные изменения. Просто так, по мелочам председатель Совета Министров в наш заштатный городок не поедет, да еще с Московскими гостями.

– Наконец-то... Вон твой «Бобик» подруливает, – вздохнув, с небольшой паузой громко объявил не спускавший глаз с окна Поляков, хотя гул мотора был всем отчетливо слышен. – Иди встречать.

Но встретить Якимов не успел – волнение и помешало. Вскочивая со стула, он заметил в солнечном луче на бюсте Сталина слой пыли. Быстро вынув платочек, бурчаньем под нос ругая нерасторопную недотепу уборщицу, он лихорадочно принялся стирать пыль. И тут – о, ужас! Второпях грозный бюст соскользнул с тумбочки и, шлепнувшись об пол, раскроился пополам.

– Еникеев! Бегом на выход, гостей отвлеку! – осипшим от ужаса голосом заорал Якимов. – Коля тряпку быстрее! Помоги подобрать осколки.

Еникеев выскочил на улицу и, перекрыв собой дверной проем, с лстивой улыбкой стал знакомиться с приезжими. Поляков, притащив откуда-то половую тряпку, шустро подтер пол, сталкивая остатки осколков под столешницу. Бледный Якимов прятал крупные

части гипса в тумбочку. Убрались руководители так ловко, даже секретарша не заметила их панической возни.

Спустя две минуты дверь распахнулась и выпустила четверых дородных мужчин. Одетый в синие галифе председатель правительства был хорошо известен присутствующим. За ним вошел красивый мужчина лет сорока пяти в клетчатой сорочке, следом два его спутника, облаченные в схожего фасона двубортные костюмы. Лица выглядели слегка утомленными, но поглядывали на заштатный интерьер провинции со столичным любопытством.

– Проходите, садитесь, – услужливо уступил место Якимов, сам торопливо прикрыл амбарной книгой прожженный папиросным пеплом угол зеленой скатерти.

Кивком ответив на общее приветствие, гости без церемоний сели по одну сторону стола. Подумав, Якимов сел на другую, и обе компании оказались лицом к лицу.

– Знакомьтесь: Кленовский, Краснощеков и Николай Фиолетов, – как-то без предисловий начал председатель правительства. – Фиолетов – директор завода, который у вас под боком строить будем.

Его последняя краткая реплика поразила присутствующих как гром среди ясного неба. Заявленного поворота событий не ожидал даже выдавший виды Еникеев. Повисла длительная пауза. Хозяевам уже грезилась валившиеся на них финансовые блага, а гости любовались произведенным впечатлением.

– Ну?.. Как там столица поживает? Как себя Иосиф Виссарионович чувствует? – толи растерявшись, толи наоборот раньше всех придя в себя нарушил затянувшуюся паузу Поляков. Якимов аж привстал от страха. Ему показалось, что Поляков сейчас его сдаст с потрохами.

– Москва живет, – вместо гостей ответил председатель правительства. – Москва живет, – повторил он недовольно, – а Сталин за нас с вами думает!.. Кстати, а тут у тебя вроде его бюст стоял? – внес он еще большее смятение в тревожную душу Якимова.

Но Якимова вновь выручил Поляков.

– К вашему приезду покрасили, не высох еще! – ответ был настолько прост и убедителен, что Якимов тотчас приободрился, а гости к этой теме не возвращались.

– Есть решение Москвы, есть решение Башкирского обкома о строительстве в районе города Якшибая гидрогенизационного за-

вода, – вдоволь налюбовавшись произведенным эффектом, закончил мысль высокий гость. – Ты, Якимов, выдели в их распоряжение легковушку, они сами разберутся куда ехать и что смотреть. Назначь им повариху справную да побойчее, на поле люди работать будут!.. Да с комнатой чтоб было на уровне. Если есть такая, посели на втором этаже. Люди столичные, им и в твоей деревне комфорт не помешает.

Якимов, как и его приструненные коллеги, слушал молча. Он был демобилизованный военный и далек от бытовых мелочей, которые разложил по полочкам высокий гость. Но первый оглушительный столбняк прошел, и он вышел в приемную переадресовать указания секретарю. Попросил немедленно вызвать начальника автоколонны Баранова, коменданта общежития и директора столовой. Пока подчиненная обзванивала приглашенных, он распорядился приготовить и подать гостям чай. Сквозь раскрытую дверь ему прекрасно слышался приглушенный разговор. Чтоб не упустить нити беседы, он быстренько вернулся и плотно прикрыл за собой дверь. Вопросы сыпались на приезжих, словно вылетали из рога изобилия. Особенно много говорил человек с красивым лицом, названный Фиалетовым.

С его слов выходило, что они уже проехали Куйбышевскую область, побывали в городах Бабае и Стерлитамаке. Дошел черед до Якшибая. Он подробно расспросил о возможностях ТЭЦ, о существующем нефтеперерабатывающем заводе и наличии автотранспорта. Тайно подав Якимову знак помалкивать, ответы давал многоопытный Еникеев. Реплики он произносил скупые, не настезь распахивая гостям свои возможности. Больше жаловался на разброс по территории, неустроенность и неразвитую социальную инфраструктуру.

– У нас, оно как: полтора десятка поселков, все самостийные и никакой связи. Дорог нет, не то чтобы магазинов или там садилов. В школу детишки пешим ходом за семь верст добираются...

– Не плачься Еникеев. Ты радуйся, что мы твой город выбрали под площадку. Построишь завод и разбогатеешь.

– Пока построишь – голову три раза снести могут, – угрюмо возразил, Еникеев, но жаловаться перестал.

Тут подоспела секретарша с чайником в руке и Еникееву пришлось доставать из тумбочки стола граненные стаканы с подста-

канниками. Якимов за спинами гостей разлил дымящийся чай по стаканам, когда услышал голоса в приемной.

– Простите, я на минутку оставляю вас, чтоб распорядиться, – извинился он перед гостями и вышел.

Прибывших подчиненных Якимов встретил в кабинете Еникеева. Он быстро раздал указания и вернулся к своему столу.

– Ну-с, ты когда повезешь нас площадку посмотреть? – нетерпеливо спросил Фиалетов, он слышал как Якимов раздавал указания.

– Чай допивайте. Машина заправится и через пяток минут прибудет.

Пять минут спустя, два газика отъезжали от здания парткома. Они направились в сторону моста через реку Белую. Оставшиеся у крыльца Еникеев с Поляковым дружно взялись за коробки «Казбека».

– Ну ты молодец, Еникеев! Молодого секретаря хорошо прикрыл! – похвалил коллегу Поляков.

– У нас на фронте за донос пулю запросто можно было схлопотать. Только так сексотов лечили.

Легкий дымок автомобиля, перемешанный с дорожной пылью, чуть припахивал нефтью и цветом черемухи.

Глава 3. ЗНАКОВОЕ РЕШЕНИЕ

– Ну, че, погнали? Только по честному. Во-он до тех кустов – не дальше, а то моя Карюха сегодня устала. – Проня натянув вожжи и, весь напрягшись, ждал команды.

– Погнали! Раз, два, Тр-р-ри! ...Поехали, милая! – Сашка Седаев славился в деревне лихостью в гонках. Будучи на год старше Проньки, он возчиком зерна работал уже второй год.

– Н-но, моя хорошая, – причмокивая губами и подстегивая лошадей кнутом приговаривал Пронька.

Его Карюха, словно летучая рыбка мчалась в галоп, подбирая под себя жниву длинными прыжками. Брички неслись по стерне колесо в колесо. Ребята стояли в бестарках, по-флотски расставив ноги и крепко держась за натянутые вожжи. Кусты, намеченные финишем,

стремительно приближались. И быть бы Проньке победителем, не вылетит у него из дырки чекушка. Ось тяжело зачертила по жнивью и Карюха резко сбавила ход. Слетевшее с оси колесо, вихляя ободом, по инерции обогнало бричку. Опершись рукой о борт, Пронька выпрыгнул из кузова брички и побежал за укатившимся в сторону колесом. Оставшись без соперника, Сашка тоже приструнил коня. Он развернулся, поставил повозку сбоку и пошел искать в помятой стерне выпавшую чекушку.

– Если б не чекушка, я бы тебя обогнал. ...Ведь не будешь спорить, я на полколеса впереди шел. – Разгоряченный Пронька, поднатужившись, приподнял передок и прицеливался насадить ось на отверстие.

– Че один корячишься, давай помогу! – подоспевший Сашка уперся плечом в борт и приподнял кузов. Водворив на место колесо, друзья, продолжая спор, чья лошадь резвее, покатали на конный двор. И быть бы меж соперниками новому состязанию, не возникни за кустами жердяная карда конного двора.

В тот самый час, когда вокруг будущего города Белогорска в высоких правительственных кабинетах горячо бурлили страсти, пятнадцатилетний парень Проня Бураев сидел с закадычным другом Сашкой Седаевым на бревнышках у калитки и любовался звездной проседью неба. Они только что распрягли колхозных лошадей и, разомлев от трудного дня, присели, ведя заумный философский разговор.

– Сашка, ты веришь, что все звезды, на которые мы сейчас смотрим тоже солнца?

– Да, ну их! Тут не разберешься. Отец говорит, что это души усопших светятся, учитель толкует что солнца. Как же они могут быть солнцами, если не греют? Наверное, правду отец говорит – это души светятся.

– Далеко от нас, потому и не греют. Представь, ты вот лучину близко держишь, она греет. А далеко отодвинешь, она светит, а тепла ведь не чувствуешь. Все-таки я верю Иван Павловичу – это солнца. Или планеты. – Пронька мечтательно потянулся не по-юношески крупным телом. – Вот бы изобрести такой шар, улететь на другую планету. Там и коммунизм можно построить. Тут с нашим народом коммунизм никогда ни построишь. Вон тетка Маришка. Ей пред-

седатель говорит: выходи сено скирдовать, а она отвечает – мне надо свою картошку полоть. Ей надо, а другим как будто не надо!

– На воздушном шаре к звезде пожалуй не долетишь, – засомневался Сашка. – Там воздуха мало. Вот самолет может долететь. Только горячего много порасходуется. Там, сказывают миллионы километров. Представь – если тракторист Васька, который комбайн волочит, бочку на клочок поля в семь гектар тратит. Нет, много горячего надо.

– Знаешь Сашка! Мечта у меня одна есть. А давай мы пойдем в техникум, на химиков выучимся. Говорят, химики горячее из простой нефти делают.

– Скажешь тоже! Давай лучше в плодовоовощной техникум вместе двинем! Все-таки компот не какая-нибудь грязная вонючая нефть. Васька рассказывал, там каждый день за обедом компот дают.

– Да ну тебя! Ты можешь компот пить, а я от своей мечты не откажусь! Вот выучусь в Сызрани и буду керосин, бензин делать, самолеты заправлять. Потом снаряд какой-нибудь придумаю, звездное пространство покорять! – он с блаженством поднял взор на млечный путь. – А вот как раз звезда падает. Слушай, а может такое быть, что это инопланетяне к нам прилетели?..

– Пронька! Ты как на бричке едешь, что колесо на ходу слетает? – строго прервал ученую беседу незаметно подошедший отец. В руке его топорщилась кирзовая сумка с инструментом, на плече висел топор.

– Да чекушка вылетела,.. – беспечно махнул рукой Пронька.

– Ишь ты сопляк! Чекушка у него вылетела, – гневно возмутился отец. – Знать плохо закрепил, зато и вылетела!.. Запомни Пронька мои слова: – никогда не допускай беспечности! Всегда помни заповедь: где Бураев руку приложил, там любое дело на лад пойдет. Таким макарком мой дед жил, так я прожил, так и ты живи. Чекушка вылетела... – продолжал он возмущаться. – Пошли спать, завтра вставать рано.

Этот знаковый разговор состоялся в середине, а в конце августа 1947 года три шкета из деревни Кузоватово уже входили с парадный подъезд бывшего реального училища на улице Советской в городе Сызрани. Все трое поступили в нефтяной техникум и надолго связывали свою судьбу с нефтехимией.

Глава 4. СЛУЧАЙНАЯ ВСТРЕЧА

Конец мая выдался на редкость теплым. Даже ветер, веками полоскавший ковыль в долине реки Агидель, притих и, с утра жаркое солнце, барашками поднимало туман над заводями и излучиной реки. Девятнадцатилетний башкирин Биктимир Гафаров лениво двигался верхом по меже вдоль просяного поля, острым глазом выглядывая зазевавшегося перепела или утку. Утки не попадались, перепела еще спали. Выглядел джигит весьма живописно. Голову его украшал лисий малахай, за плечом висело тульское ружье шестнадцатого калибра, в голенище правого сапога торчала рукоять, обернутая ременной плеткой. Почувствовав свободу поводий, его верный конь, мерно ступал шагом, нет да нет украдкой выдернув пучок стеблей из просяной нивы.

Сам наездник, забыв про поводья, с интересом наблюдал за движущейся от парома открытой легковой машиной. Она шла напрямик, по бездорожью и явным курсом на одинокого всадника. Биктимир пощупал для уверенности за спиной затвор ружья, и, сложив обе руки на луку седла, совсем остановил коня. Спешиваться он не стал, неровен час недобрые намерения у приезжих. Тем временем чужая машина приблизилась и, стрельнув парочку колец дыма, заглохла. На обитых кожей пружинных сиденьях утомленно развалились четверо мужчин, в ногах которых поблескивало стекло каких-то странных предметов, да и одежда на путниках явно не местная, городская.

– Здравствуйте, юноша! – приветливо кивнув головой, поздоровался с Биктимиром человек с красивым лицом. – Вы местный житель, наверное?

– Хайрлике, ипташляр! ...здравствуйте! – смутившись, на родном языке ответил Биктимир. Он русский язык знал слабо, а от волнения растерялся и запнулся.

– Не подскажите, в деревню Акбузат как проехать? – опять обратился красивый мужчина. Тем временем двое его спутников сошли на землю и прошагали несколько метров взад-вперед, проминая окостеневшие ноги, попутно любуясь на дружные всходы проса.

– Вам тот сторона надо ехать, – Биктимир махнул вытасненным из сапога кнутовищем на север, – вам председатель нада?

– Хотелось бы председателя повидать, – вежливо ответил красивый. – Или того, кто его заменить может.

– Председатель агай сейчас на поле. Вон тот белый зданий его контора стоит. Прямо ездай вдоль проса и кто-нибудь найдешь. А вы по какому делу председатель ищите? – любопытно спросил Биктимир.

Долина была ровной словно стол, и видимость обзора простиралась на десятки километров. Деревня, куда указал Биктимир с возвышающимися над соломенными крышами редкими вершинами берез, стояла в пяти верстах от места встречи. По правую руку у реки темнела небольшая роща старинных осокорей, а выше белели еще две деревушки.

– Мы землемеры-геодезисты, завод у вас строить планируем, – заранее предвкушая изумление на лице слушателя, улыбнулся красивый. – Моя фамилия Фиалетов, я директор завода.

– Какой завод? ...здесь просо посеяно, здесь наша колхозная земля, – забеспокоился Биктимир. Разумеется, он не понял, что означает слово завод, но слово «строить» он знал. Тем более стояли собеседники у просяного поля.

– Ничего. Просо мы не тронем. Не волнуйтесь! Пока суть да дело и просо созреет, и каша сварится, – опять мягко улыбнулся, как теперь знал Биктимир, Фиалетов. – Зато пройдет два года, и вон там на горе завод будет дымить. Здесь город встанет, с кинотеатром и футбольным стадионом. Глядь, и ты устроишься на заводе работать и зарплату получать деньгами станешь, а не трудоднями.

Ошарашенный услышанным Биктимир сидел в седле как обалдуй. Он не все слова понимал из сказанного, но кино и футбол слышал по прибитой к столбу тарелке деревенскому радио.

– Ну, что поехали? – садясь в «Бобик» обратился к Фиалетову остроносый напарник. Второй залез с другой стороны и прощально помахал Бикtimiру рукой.

Автомобиль поурчал мотором, снова чихнул черным дымом и, жуком переваливаясь на кочках, враскачку тронулся в сторону Акбузата.

Забыв про охоту, Биктимир с озабоченным волнением смотрел вслед. Машина, свернув с дороги, направлялась к Акбузату по прямой линии. Но впереди темнел зеленый островок. Биктимир, знающий каждую кочку, почувствовал беду.

– Эй, Эй!.. Туда не ходи! – закричал он, – Там болото!

Но приезжие за тарахтением мотора не расслышали сигнала и втюрились в жижу по самую раму. «Бобик» дернулся и заглох.

Люди вылезли из салона и обошли вокруг колдобины. Было отчетливо заметно – машина села основательно, без посторонней помощи её явно не вытащить. Подъехал Биктимир.

– Я кричал тебе, туда не надо ехать! Ты глухой что ли?

– Не слышал я. Понимаешь, сократить путь хотел. Думаю это дорога зеленеет. Потом степь, где хошь проехать можно, – оправдывался шофер, привычно доставая домкрат.

– Домкрат не надо, веревка ищи. Сейчас лошадь запряжем и назад дернем, – посоветовал Биктимир. Деревенская шоферня тут часто буксует и он не раз выручал водителей.

У запасливого шофера пеньковый трос имелся. Соорудив из лыковых пут подобие хомута, Биктимир оценил похожий на вожжи трос на разрыв. Удовлетворившись его прочностью, он привязал к хомуту концы веревки и пропустил за крюк буксира. Городские мужики с уважением понаблюдали за его действиями и, упершись в радиатор, ждали команды. Общими усилиями легковушку выдернули довольно легко. Биктимир ловко смотал на локте вожжи в кольцо и, протянув сквозь отверстие петлю сгиба, передал их шоферу.

– Ну, спасибо тебе земляк! – поблагодарил тот вожатого. – Теперь я с дороги на шаг не сверну. Тебя как звать-то, парень?

– Биктимир я! Из Малого Акбузата, – назвалсЯ Биктимир, ловким взмахом вскакывая в седло. Он развернул коня и, хлестнув его ни за что ни про что по боку ременной нагайкой, галопом поскакал в свою деревню. Джигит стремительно мчался и не замечал в задумчивости, что конь оступается. С ноги жеребца, пока возились с машиной, сорвалась подкова.

Прискакав к правлению колхоза, он соскочил с верха, вбежал в коридор, повернул ручку крана и налил полную кружку воды из алюминиевого бака. У юноши даже горло пересохло от навалившихся на неоперившееся сознание сногшибательных новостей. Встревоженный вид охотника привлек внимание находившихся при правлении зевак – рассыльного Азамата и престарелого Гайфуллы-бабая, который нередко коротал время на лавочке у крыльца.

Заслышав шум металлической цепочки, которой прикована кружка, из подсобки вышла уборщица Магина-апа.

Но, возбужденный необычными событиями и услышанным сообщением, Биктимир их будто не видел. Лишь хватив еще одну кружку студеной воды, он принялся взахлеб рассказывать о странных пришедших людях, которых встретил в излучине реки.

Глава 5. ДЕСАНТ

Крышу одноэтажного здания вокзала живописно золотил проравшийся сквозь редкие верхушки тополей закатный луч солнца. На небольшой площади по другую сторону рельсовых путей было непривычнолюдно. У продолговатой коновязи в рядок стояло с десяток разномастных лошадиных повозок, а за облаком пара, повисшего от прокатившего мимо маневрового паровоза, виднелись два тупорылых «студебеккера», оборудованных скамьями для сидения. Лошади лениво жевали сено, согласованно махая хвостами. Трое возничих, скучившись у крайней телеги, садили толстые самокрутки и перебрасывались последними новостями. Из окна кабины «студебеккера» клубами валил синий дым, там нетерпеливо курил Фиалетов. Вот-вот должен был подойти пассажирский поезд «Уфа-Якшибаево» и Фиалетов прибыл встретить группу земляков из Черногорска. А волнение снедало оттого, что в числе приезжих должны прибыть его родители.

– Все, вон зеленый свет загорелся. Сейчас подъедут, – возбужденно произнес он и, открыв дверцу, торопливо спрыгнул с подножки.

Минуту спустя, он уже топтался против левой крышки капота автомобиля и гасил в ладошке папироску.

– Ты стой здесь. Подавай-ка мне плакат, я пойду к вокзалу, – выдавал он наставления водителю. – Да, свой тоже положи на лобовое стекло, забыл что ли?

Шофер молча кивнул, вышел из кабины и, вытащив из-за спинки заднего сиденья две затертые от частого пользования фанерки с чернильной надписью «Новостройка», положил одну на лобовое стекло, вторую протянул Фиалетову.

Затем достал из-под ног рукоятку, вставил в отверстие под радиатором и принялся заводить двигатель. Тем временем Фиалетов выбросил докуренную до мундштука папироску, переложил в правую руку плакат и, высоко приподняв над головой, ринулся в толпу.

– Пошел я, – бросил он водителю, поспешно устремляясь через рельсы на перрон.

Вскоре, шумно отдуваясь парами, подкатил небольшой состав в двенадцать вагонов, и площадь заполнилась гамом суетящихся в дорожной суматохе отъезжающих и прибывающих пассажиров. Нагружено заурчали мощные моторы студебеккеров, туда-сюда носились деревенские женщины с узлами и бидонами, откуда-то раздавались суровые мужские команды. Впритирку к переднему вагону подъехал воронок, из кабины которого выскочили двое милицейских чинов. Один встал у задней двери, другой принялся отпирать дверь салона. Оттуда прыгнули еще двое милицейских и в мрачной тишине толи загрузжали, толи выгружали партию заключенных.

Паровоз свистнул, попыхтел немножко клубами пара, лязгнул автосцепкой и покатил к водокачке. С той стороны обезглавленного поезда толпами нарастал поток людей. Суэта на площади усилилась.

Откуда ни возьмись у машины объявился Фиалетов с чемоданами в обеих руках и окруженный оравой людей. В группе было несколько рабочего вида мужчин, две женщины в цветном штапеле и старушка, лет семидесяти. Позади всех семенил пожилой старичок в светлом пиджаке и соломенной шляпе.

– Вот!.. Это наша машина, полезайте в кузов. Пап! Помогите женщинам взобраться, я сбегая другую партию встречу.

Он передал чемоданы водителю и снова исчез в толпе. Человек, которого он назвал папой в соломенной шляпе и двубортном пиджаке, степенно поставил дорожную сумку, достал платок и утер с лица пот. Лишь после этого протянул в приветствии руку.

– Фиалетов старший! – представился он.

Подошедшие передом мужчины принялись деловито раскрывать борта. Словоохотливый Фиалетов-старший тем временем приступил к расспросам.

– Ну, будем здоровы, что ли? Слава богу, погода не слякотная. Нас все пугали: «Урал, морозы до июня месяца лютуют». А тут

жарит похлестче чем у нас в Сибири. Скажите, а тут всегда такая духота?

– Не встревай старый с пустыми разговорами, – одернула его старушка. – Ехать то далеко будем? – вежливо обратилась она к водителю.

Он не успел ответить.

– Черногорские? – раздался низкий бас, – на Новостройку?

Это подоспела следующая партия из нескольких человек. Здесь верховодил остроносый мужчина, которого товарищи называли Колесниковым. Это он искал встречающих. Меж мужчинами завязался короткий диалог, там и сям вспыхнули спички и задымили сигарки.

– Нет, пяток верст всего. Мигом домчу, отоспитесь хорошенько, а на Новостройку утром смотреть поедем, – на правах хозяина гостеприимно отвечал водитель. Сам подталкивал женщин под широкие чресла в кузов.

Тут откуда-то с хвоста поезда беспрестанно сигналив, подкатила полупорка. Из кабины энергично прыгнул Фиалетов и тут же начал шумно распоряжаться:

– Так... Народ, кончай перекур. Ты, мама, садись в кабину, – подтолкнул он седую старушку. – Половина в эту машину, половина в полупорку! ...Станкин! Ты сколько людей возьмешь? Десять? Так, остальные в студебеккер. Не тяните резину, полезайте веселее... Чемоданы и сумки тоже в кузов бросайте, там разберемся.

– Стой! – вдруг прорезал суету звонкий старческий голос. – Стойте, погодите!.. Я кошку в вагоне забыла! Ленька беги скорее, там она, небось, сидит бедолага, хозяйку дожидается.

– Да ладно тебе, мам! Подумаешь, кошка! Новую заведем, – принялся уговаривать Фиалетов.

– Никаких ладно!.. Без кошки не поеду! – уперлась старуха. – Заповедь дедов нарушать не стану. Первой кошка должна в дом войти!

Пришлось Фиалетову под смешки и острые подначивания товарищей бежать в вагон и разыскивать осиротевшее животное.

Десять минут спустя на привокзальной площади оставался лишь милицейский воронок и две невесты откуда появившиеся козы. Прибывшие пассажиры, кто стоя в кузовах встречающего транспорта, кто сидя на деревенских дрожках и лубочных телегах катили в сторону реки Белой. Пятнадцать минут спустя колонна разномастного

транспорта перевалила скрипучий деревянный мост и растеклась по улицам города. Два грузовика с десантниками из Черногорска подкатили к небольшому двухподъездному дому на улице Садовой и встали у палисадника. Первым спрыгнул Фиалетов.

– Вот наше новое пристанище. Пока все здесь обоснуемся! – сказал он и повернул кривой рычаг, открывая борт. – Жить будем по-барски, аж на две комнаты!

Мужчины стали спрыгивать и разминать застывшие конечности. Вдаль тянулась улица из приземистых бараков, кое-где уже зажигались огни электрических ламп.

– А где же стройка?.. Где завод?.. Тут все построено, – загудели разочарованные возгласы.

– Будет вам жалейка, будет и свисток. И Новостройка будет вам и завод! Пока выгружайте вещи, да вносите в дом. ...Перекусим немного и спать.

Долго еще не могли уgomониться взволнованные долгой дорогой, неведомым будущим и ожидающей назавтра неизвестностью сибиряки. Наконец, кто на полу, кто на сундуке или у печной лавки забылись тревожным сном. Лишь Фиалетов в ночной рубашке одиноко стоял на веранде и беспрестанно куря, бросал взгляд на утопающий в густой темноте юг долины, где намечалась грандиозная стройка.

Глава 6. НАЧАЛО

С той памятной встречи с незнакомцами Биктимир потерял покой. Его впечатлительную натуру сильно поразили путники, приехавшие на машине. Все у них показалось ему непривычным и одежда и разговоры, особенно неведомые предметы, блестящие стеклом и металлом. Он каждый день седлал коня и скакал в степь с надеждой снова встретить любопытных незнакомцев. Но они больше не появились. Просо давно созрело и было скошено, однако завод никто не строил.

И все-таки он их встретил. Но это случилось ровно год спустя. В тот майский день он сквозь стекла окна из родительского дома

заметил пыль, клубящуюся на проселке от парома. Он проворно выскочил на улицу и бросил взгляд на пойму: – от берега реки, переваливаясь на ухабах, ехал грузовой автомобиль. Не раздумывая долго, Биктимир оседлал коня и, жестоко подхлестывая его плеткой, поскакал в степь. Когда он пересек недавно засеянное поле, на том самом месте, где произошла первая встреча, стояла запыленная полуторка. Сбоку кочковатого болотца с прошлогодним следом колес, плескалось небольшое поросшее травой озерцо. Вода и торная дорога неподалеку делали площадку удобной для бивуака. С кузова с веселым гамом прыгивали несколько девушек и двое парней. Распоряжался сутолокой тот самый красивый мужчина, которого он полюбил больше всех.

– Далеко не расходитесь, – командовал он. – Колесников, оставайся наверху, будешь выгружать колышки, ребята палатку вот тут ставить будем.

С машины одна за другой полетели охапки свежеструганных колышков. Фиалетов шагами отмерял расстояния для вешек, когда подскакал Биктимир.

Биктимир натянул поводья и возбужденный конь, похрапывая, остановился.

– А знакомый джигит! – как доброму приятелю приветливо кивнул Фиалетов. – Ты вовремя приехал. ... Помогать будешь. Сейчас вот здесь поставим палатку, а потом на этом месте будет стоять двухэтажный дом. Понял?

– Исамысыс. Здравствуйте товарищ, – вежливо поздоровался Биктимир.

Ему нравилась живая и веселая компания. Дела у приезжих ладились мастерски с непринужденным проворством, видимо они выполняли хорошо известную работу. Он слез с коня и спутав ему передние ноги, пустил пасть.

– Чем я должен вам помочь?

– Колесников! – вместо ответа обратился Фиалетов к одному из мужчин. – Палатку без тебя поставят. Видишь какой здоровяк в помощники набивается. Давай настраивай теодолит, да займитесь с ним съемкой местности.

Потом он протянул Биктимиру большую линейку и топор, одновременно указал рукой на груды колышков.

– Пока мужчины палатку натягивают, ты бери топор и будешь забивать колышки, куда Колесников укажет. Сейчас он теодолит настроит.

Биктимир радостно схватил топор и преданно уставился на Колесникова, который раздвигал ноги у большого черного циркуля. Колесникову он помогал держать высокую линейку, девушкам помог забить колышки.

– Кульсарин! Комай ямку под репер, – совал лопату одному из рабочих Фиалетов.

Кульсарин поплевал на руки и принялся копать на отметке. И тут же наткнулся на металлическую подкову. Он постучал подковой о черен лопаты, затем обтер её о штаны. Чуть тронутая ржой, она выглядела еще достаточно свежей. Подкова пошла гулять по рукам.

– Какая-то узкая... Не русского изготовления вещь! – определил Колесников, его отец как деревенский кузнец перековал немало лошадей. – Тут в Пугачевские времена, местные рассказывали, ваш разудалый джигит гонял по степям бусурманов, не иначе – его пропажа.

Подкову передали Бикtimiру.

– Возьми Биктимир. Ты не слышал, наверное, у нас пословица есть такая: найденная подкова приносит в дом счастье! Прибьешь её на воротах!

Биктимир равнодушно повертел находку и молвил:

– Это мой лошадь прошлый год потерял! В нашу первую встречу. Вот и нашлась.

– А ты все равно прибей! Это теперь вещь находка. Она всему поселку счастье предвещает. – Фиалетов остановился и осмотрел подчиненных. – Ребята, – молвил он задумчиво. – Коли так повезло с приметой, именно на этом месте построим первый дом! Отметь Колесников точку в генплане.

Пока Колесников искал карандаш и услужливо ставил точку, Фиалетов обратил взор на Бикtimiра.

– Агидель на русский язык как переводится? Белая, говоришь? – он немного подумал. – На правах первопроходцев и назовем поселок по берегу Белой – Белогорск... А что, красивое имя, правда ведь?

Взволнованный Биктимир молча опустил подкову в карман, тем самым завершив пустые разговоры. Он не понимал многое из услышанных пересудов. Его затянула аура дружной компании и сла-

женной работы. Потому он добросовестно привязывал за колышки бечевки и натягивал их в струнки. Он так увлекся, что весь день трудолюбиво выполнял все задания, которые ему поручали приезжие товарищи. Он с удовольствием поел с ними суп с консервами, приготовленный на костре, и вернулся в деревню лишь поздним вечером. Всю ночь ему снился завод, с высокими трубами, который он как-то видел в Якшибае и симпатичные лица смеющихся девушек, прыгающих из кузова полуторки.

На следующий день с раннего утра он был на том же месте. Приезжие ночевали в палатке. По всей видимости, они только что встали, и с шутками и прибаутками, поливая друг друга водой, умывались. Трещал костер, на котором в десятилитровом ведре варился картофельный суп.

Несмотря на молодой возраст рабочих, дело не стояло на месте. Спустя неделю водитель Станкин привез из Стерлитамака отделение солдат. Пока солдаты рыли лопатами траншею под фундамент, грузовик рейс за рейсом возил от железнодорожного разъезда сборные щиты. Потом застучали молотки. Биктимир с удовольствием вертелся рядом. Он без усталости помогал подтаскивать доски. Используя гигантский рост и могучую силу, его просили подавать наверх свежеструганные брусья, что он выполнял с особой охотой. Домой приходил только спать. Утром вскакивал и мчался к разгоравшемуся строительству. Дело двигалось споро, уже в июне месяце на берегу озера забелел первый щитовой барак. Рядом построили небольшой коттедж для семьи Фиалетова.

– Ну, Биктимир! Неоценимый ты у нас помощник! – сказал однажды Фиалетов. Он достал из кабины и расстегнул потертый кожаный портфель. Порывшись, вытащил оттуда тетрадь и вырвал лист бумаги. – На бумагу, пиши заявление, оформим тебя в нашу группу проводником. Затем отсчитал несколько хрустящих трешек и протянул покрасневшему от волнения Бикtimiру. – Это тебе первый заработок.

Биктимир перехватил бумажный лист в левую руку и бережно взял деньги, сам непонимающе оглянулся. Но Фиалетов уже протягивал руку с химическим карандашом.

– Пиши: заявление, от... и свою фамилию поставь... – подсказывал ему Фиалетов.

Так Биктимир Гафаров стал штатным работником в группе генплана Колесникова. Он работал с геодезистами до глубокой осени, забивая колышки и натягивая между ними пережженную проволоку. Людей в пойме реки становилось все больше. Пять барачных огородов огородили колючей проволокой, их заняли заключенные и охрана. Часть заключенных возила на лошадях бревна с лесобиржи, другие копали лопатами ступенчатые ямы.

В смешках и прибаутках работа спорилась. Хабзаевцы ставили щиты и сбивали из них бараки. На его глазах выросли три дома и накаталась торная дорога до Акбузата. На берегу Агидели экскаватор расковырял карьер, а около его родной деревни рабочие прямо на грунте установили пилораму.

Незаметно подкралась зима. К зиме через дорогу от коттеджа Филалетова поднялся двухподъездный дом из хвойного бруса, временно занятый под контору. У Биктимира наступила передышка. Зима в том году выдалась снежной и геодезисты некоторое время не работали.

Глава 7. ПЕРЕВЕРТЫШ

На нижней койке у окна барака №4 сидел крепкий широкоплечий мужчина и пришивал к новой робе номер. Он сноровисто работал иглой, по-женски стегая крупными стежками, когда подошел Назеренко.

– Хиба табе новую робу выдали? Мобуть, батька, опять вменял за бутылку? – спросил он.

– В связисты перехожу, надо опрятней выглядеть, – не отрываясь от работы, ответил Шухевич. Он откусил закончившуюся нить, прищурил глаз и вставил другую нитку. – Здесь не скоро дадут, уметь надо доставать, – с укором заметил он. – Ты не уходи далеко, разговор крупный есть.

Широкоплечий заключенный ранее был известный националист, бывший командир отряда РУХ Роман Шухевич. В свое время он получил заслуженную вышку. 76 дней просидел в камере смертников, но приговор заменили на 25 лет, и выслали в Белогорск на строительство комбината. Уже спустя три года он работает в одном

из лагерей в бригаде плотников. Притворившись больными, они с Назеренко остались в пустом бараке. Хитрый и коварный Шухевич видимо поддерживал регулярную связь со своими друзьями на воле. Он четко ориентировался в обстановке и умело скрывал прошлое. Предугадывая, что его прошлое могло сыграть плохую службу в будущем, он решает круто поменять легенду.

Этому в немалой степени способствовала сама обстановка, сложившаяся в Белогорских лагерях. Когда отменили «вышку», уголовники распоясались. Особо зверствовали подростки, попавшие под влияние воров в законе. Убийства в лагере происходили по нескольку раз в день. В основном из-за того, что проигрывали жизни в карты. Опытные картежники ловко ловили в свои сети неоперенных пацанов из урок. Когда те продувались вплоть до нижнего белья, играли на чужие жизни.

Хитроумный Шухевич очень ловко использовал эту повальную манию. Пронюхав, что на место специалиста по связи с новой партией прибывает полковник Шпильман, он разработал многоходовую комбинацию. Действовать надо было быстро, пока новоприбывших еще никто не знал в лица.

Шухевич закончил шить, аккуратно свернул робу и сунул её в голову постели. Затем, оглядевшись вокруг, поманил рукой Василия. Василий Назеренко был одним из активных подручных Шухевича в подполье и, захваченный в плен, отбывал срок в том же бараке.

– Ты думаешь я спроста тебя от работы освободил? – спросил Шухевич, когда Назеренко подошел к койке. – Садись, поговорить надо. Наедине и чтоб могила!

– Оце, уж ты спроста ничего не зробишь! У тоби вечно каверзы какие-то на уме. Ты и робу не на свадьбу готовишь, небось опять затеял что-то. Не пытаю, чога ты хочеш? – теперь они были в одинаковых правах и Назеренко не юлил перед бывшим начальником.

– Мне надо сменить легенду! – говорит Шухевич. – Ты мне должен помочь.

– Фьють! – присвистнул Назеренко. – Та нашу биографию вже никак не смоешь! – помолчав, он хмуро добавил. – НКВД она жуть порядок любит. В канцелярии на всякого мобуть отдельна папка заведена, – он пожал плечами и отвел в сторону взгляд. В случае неудачи ему грозила каторга.

– Канцелярию я беру на себя. Ты поможешь в более легком деле. Обратиться в другого человека.

– С нашим украинским виговором москалем яки иностранцем прослыть, – возразил Назеренко.

– А я русским и не собираюсь. Мало других народностей. Ты вот что,.. – он даже в пустом бараке перешел на шепот.

... Так он же связист! Мобуть ты радио знаешь?

– Разберусь, – махнул рукой Шухевич, – я видел, у них коммутаторы немецкие. В точь как у меня при штабе стоял...

Его наставления были настолько таинственны и замысловаты, что советские нквдешники ничего не заподозрили. Бригада заключенных занималась отделкой здания конторы. Восточную часть её уже заселили, разместив там канцелярию и проектную документацию. Завершив остекление и установку дверей, бригаду переводили на новое место.

Многоопытный Шухевич, давно присмотрел удобное место для поджога. Под лестницей, где стояли бочки с краской, он соорудил небольшое гнездо из щепок и укрепил в нем длинную зажженную свечку. В дневном свете пламени не было заметно, а ночью к этой лестнице никто не подходил. Догорев, свеча должна воспламенить щепки, от них запылают бочки с краской.

Все прошло как по нотам: согласно его плана, Назеренко обыгрывает в карты двоих уголовников, которые обязаны резать указанного Назеренко человека. По заданию Назеренко они отрубили голову якобы спящему Шухевичу. Погода выдалась метельная, изуродованное кровавое тело скоренько похоронили, даже не опознавая.

Никто не знал, что коммуникабельный и общительный Шухевич, мотивируя тем, что полковнику не с руки спать на втором ярусе поменялся с ним нарами. Так произошла великолепно разыгранная подмена. Под шумок пожара, Шухевич подложил на тумбочку Шпильмана свою одежду, а робу с загодя заготовленным номером покойного одел и благополучно перевелся в другой барак. С этого дня он становится Шпильманом.

Началась его новая жизнь на службе в телефонной связи. Шпильман, назначенный мастером связистов, строительства умело выпячивал свою новую биографию. Он при каждом удобном случае трезвонил, что служил начальником связи при штабе военно-стро-

ительной дивизии. Что безвинно пострадал при аресте сподвижников Жукова. Он так ловко воспользовался нашумевшей компанией, когда несколько генералов и маршалов из главного штаба силами солдат на государственные средства построили себе роскошные дачи и были арестованы «хозяином», что вызывал всеобщее участие. Надо сказать, легенда быстро прижилась. В том, что он является начальником связи воинской части, которая вынужденно выполняла приказы по строительству дач, никто не сомневался. Мало ли людей попадало в тюрьму по доносу. То есть уважаемый человек пострадал от репрессий.

Истинную причину его заключения в лагере знал лишь бывший подчиненный Назеренко. Возможно Назеренко как лишний свидетель был бы уничтожен новоявленным полковником, но тот опередил события. Он сделал наброс на колючую проволоку и бежал. Его быстро изловили и перевели в штрафной изолятор, потом в другой лагерь и продлили срок заключения.

Глава 8. НОВОГОДНИЙ ПОЖАР

В предпраздничной сутолоке короткий зимний день пробежал незаметно. Фиалетов закрыл пухлый ежедневник и выдвинул ящик стола. В дверь постучали.

– Разрешите войти? – спросил его лейтенант НКВД, открыв дверь ногой. В руках его громоздилось несколько картонных папок.

– Алексей Николаевич!.. Лейтенант Конюхов! – представился он, – прибыла партия заключенных, а мы канцелярию еще не обустроили. Можно папки с делами у вас с недельку полежат?

– Надеюсь не долго? С вашей конторой связываться не очень хочется.

– Разумеется, нет. Мы вас прекрасно понимаем. Новогодние праздники полежат, затем заберем.

– Тогда сложите в первом кабинете. Вера! – позвал он в открытую дверь. – Открой им первый кабинет! – лейтенант, четко развернувшись кругом, вышел. Хозяин взглянул на циферблат наручных часов. – Ну вот и рабочий день закончился.

Аккуратно задвинув ящик, он закрыл кабинет на ключ и, накинув овчинный полушубок, подождал в приемной секретаршу.

– Вера! – сказал он девушке, – примешь документы, закрывай контору и сразу подходи к нам. Женщинам поможешь стол накрыть. Если кто будет спрашивать – я дома, там дел невпроворот, сама понимаешь.

Прошло полгода совместного сотрудничества группы черногорцев, кем-то прозванной за земляческую связь и совместное появление в чужом краю «десантниками». Почти незнакомя ранее компания будущих эксплуатационников комбината тесно сдружилась, и решение вместе встретить новый 1949 год было настолько очевидным, что даже не обсуждалось. К зиме в поселке выросло пять домиков, но заселилось всего три. В один из них вселился директор будущего завода и празднества устроили на квартире Фиалетова.

– Мать принеси-ка еще помидор с ведерко. Уж чего-чего, а соленые помидоры в Башкирии вкусные, никак не наемся. Колесников, наливай женщинам. Ты пап свой край стола обслужи. Выпьем за Новостройку, за пуск завода, – чуть охмелевший Фиалетов кружился круг стола и занимал гостей застольными прибаутками.

– Фу ты гадость какая, – отхлебнув глоток водки, возмутился старик. – ...А помидоры вправду здесь вкусные. Проворонили. Надо было побольше закупить летом... Ты вот сынок про Новостройку баишь, а сами что медленно так строите? Если будем по три дома в год заселять, никогда город не построим.

– Построим, батя! Теперь нам легче, от восьмого разъезда поезд пошел, а то все грузовиками стройматериалы возили. Грузовики на гравий перекинем. Лесозавод заработал, железобетонный узел на подходе. Ну поддержи, хоть ты Колесников, хозяина. Давай, врежь тост за нашу удачу!

– Я вот что думаю мужики, – Колесников как на совещании привычно встал. – Вчера смотрю на генплан и вижу три улицы направлением к Белой тянутся. Бараки с иголки, один к одному, штакетник, смородина с крыжовником, а на горе три трубы ТЭЦ дымят. Сказка! Вот и тост такой: выпьем за сказку, которую мы своими руками сделаем былью! – он, запрокинув голову, выпил, утер губы рукавом и смачно закусил помидором.

Зазвенели стаканы, задвигались ложки и, присевший было на место, Фиалетов азартно вскочил и вскрикнул:

– Кульсарин? Ты чего сидишь, как прилип? Смотри женщины наелись, уже лавка прогнулась. Растягивай свою физгармонию, да вдарь нашу сербияночку с выходом!

Из-за стола степенно вышел небольшого роста коренастый мужчина, провел ладошкой по волосам и взял в руки гармонию. Неугомонный Фиалетов уже подставлял гармонисту некрашеную табуретку поближе к печке. Пальцы Кульсарина легко скользнули по клавишам, и вдруг брызнули задором: сербиянка д, куда ходишь, сербиянка д, ноги бьешь...

Из-за стола, нетерпеливо расталкивая скромно потупившихся баб, торопливо вылезла дородная жена Колесникова. Она была известная частушечница и пересмешница.

– Я миленочка свою, окручу, сосватаю...

Выйду замуж за цыгана, и буду богатой...

К ней одна за другой присоединялись женщины. Мужики, разбившись группами, дружно курили, синий дым плавал под потолком волнами.

– Ну, расскажи Николаевич, добился ты бульдозеров, наемни в Москву катался? – пристал к Фиалетову пожилой коллега.

– Дают. Три бульдозера обещают, два катерпиллера дорогу строить, шесть газонов по весне придут. Людей у нас уже тысяча человек почитай, это армия целая. По весне сразу десять двухэтажек закладываем. О чем вам Колесников только что сладко рассусоливал? Три улицы на будущий год одновременно построим. Вчера от Захарова телеграмму получил, грузит оборудование Германия. Скоро поперет, успевай лишь монтировать.

– Обещают – еще не дают! – резонно поправил сына опытный папаша. – Ты колхозников, колхозников поднимай. Пока зима лютует, лошадей у них проси, да бревна вози.

– Гриша, другой, который Левит, слышишь, народ интересуется? Ответь: тебе сколько вагонов с грузом пришло? – пропустив замечание родителя меж ушей, спросил Фиалетов.

Сидящий в отдаленном углу Левит отложил ложку и протер очки платочком, он явно не имел желаний отчитываться. Он лучше других знал, что оборудование принимать некуда. Участок, что

отгородили колючей проволокой, занесло глубокими сугробами, бульдозера для пробивания дороги нет, сарай только начали сколачивать из досок. Трактор стоит без горючего – колхозный «Нати» заправляется керосином, а солярку из Якшибая подвести не на чем.

– Пока в восьмой тупик возят, в Черногорск... Здесь площадка не готова, Алексей Николаевич, – скромно потупившись, ответил он на вопрос начальника и снова сел.

– Будет тебе площадка... Небось уже видел – еще один лагерь разворачивается. Пенза железнодорожников обещает прислать... Я направил письмо во Львовский институт, там специалистов по КИП готовят, Сызрань обещала из техникума с десятка студентов, пока на втором курсе учатся. Грозный обещает, Черниковка... летом развернем все направления. ...Ну что? Еще по одной что ли?

– Эх! Скорей бы уж лето! Жарко будет...

Впустив матовое облако морозного тумана, глухо хлопнула входная дверь. На пороге стоял заснеженный до бровей молодой водитель Станкин. Вид у него был настолько встревоженный, что Кульсарин как по команде смолк, не успев сжать меха гармони.

– О привет снеговикам! – удивленно брякнул Кульсарин. – Станкин, чего это ты взял моду опаздывать? Да входи ты быстрее, инструмент расстроишь напущенным холодом.

– Гуляете, а там контора горит!.. Пожар!!! – заорал Станкин с порога, видя, что ему не верят.

– Ты чего орешь, садись скорей, штрафной нальем! – все еще не верил Фиалетов.

– Истин бог пожар!.. Хватайте ведра да бегом, пожа-а-а-р-р-р говорю! – что было духу, завопил Станкин.

Изрядно захмелевший люд суетливо заметался. Кто-то выглянул в промерзшее окно, и ошеломленно заметил:

– Стекло и правда что-то пламенем розовеет! Побежали быстрее.

Станкин выхватил из чулана ведро с водой и бросился на выход.

– Стой Иван! Стой! – закричал вдогонку Фиалетов. – Пожар мы все равно не потушим, там бумаги спасать надо. Проекты, договоры... Кульсарин, хватай второе ведро, да не мешкай, дуй за нами. Я побежал.

Здание полыхало так, что шифер трещал и взрывался, словно противопехотные мины. Тут же лопались стекла и осколки, шипя, вонзались в снег.

– Иван, воду не лей. Выдирай быстрее штакетину из забора, да бей стекла! Не там, дай-ка сюда хлыст! – командовал Фиалетов.

Пока Иван выдирает как назло прочно пришитые рейки, подбежал полураздетый Кульсарин. Вырвав хлыст, Фиалетов с размаха высадил пару окон с противоположной от источника огня стороны.

– Кульсарин, ты поменьше ростом, прыгай скорей в окно! Стой, давай мы на тебя плеснем! – Он выхватил у Кульсарина ведро и окатил того с ног до головы. – Теперь лезь в окно, да выкидывай скорей документы. Да не в то, вон в угловое полезай, там бумаги сложены.

Не долго думая, дрожащий от возбуждения Кульсарин запахнул шубняк, подтянулся на руках и нырнул в выбитое Фиалетовым окно.

Вскоре оттуда полетели пачки и папки с бумагами.

– Станкин, дуй-ка принеси воды из колонки, может еще поливать придется, – крикнул он уже из окошка. – Да хватай пару ведер разом!

– Бабы! А вы что стоите глазами хлопаете! Подбирайте бумаги, да носите их в мой дом. – Фиалетов вился व्यюном, одновременно наблюдая за огнем. Крыша под трещащим пулеметным треском шифером затевалась, но пропитанные раствором стропила загорались не дружно.

– Ну давай, милый давай еще, – прыгал Фиалетов, подзадоривая Кульсарина

– Дай мне хоть шарф штоль, – высунул голову Кульсарин, – дышать трудно.

– У кого есть шарф! – закричал Фиалетов, хватившись, что у самого шарфа нет. – Бабы, платок ему, да поживей ...

– И-ех! – отчаянно крикнул Кульсарин, вновь исчезая в окне. Оттуда опять посыпались папки.

Прибежавший с ведрами Станкин, хотел плеснуть воду в огонь, но Фиалетов строго закричал:

– Не лей воду! Не лей! Мы здесь бессильны. Плесни ведро в окно, на Кульсарина.

– Кульсарин! Миленький! ...Вылезай! ...Вылезай, сейчас схватится! – благим матом завопил Фиалетов, заметив, что третья стропилина свалилась на горящую часть здания.

В окне появился перепачканный сажей Кульсарин, к нему потянулся сноп рук.

Спустя десяток минут, крыша рухнула, здание занялось полностью. Будущие технологи с тоской наблюдали, как догорает их контора. Что либо сделать люди были уже бессильны. В поселке имелась всего одна единственная ручная колонка, и та за сотню метров.

До глубокой ночи не расходились люди, заваливая тлеющие головешки почерневшим от сажи снегом. Когда хватились идти, Кульсарина пришлось тащить волоком. Про него вгорячах забыли, а скованная морозом одежда, схватилась металлическим скафандром и шагать самостоятельно он не мог.

– ... А я иду, света божьего не видать, – снимая тулуп и стряхивая его прямо о столб порога, возбужденно частил Станкин. – Смотрю пробежали двое. Думаю, откуда это они. Оглянулся, а окна в конторе оранжево светятся. Я к вам...

– А кто двое, ты не заметил?

– Да света ж божьего не видать! Какое там заметить.

– Неужели поджог кто? – уныло сокрушался Фиалетов. – Не пожалел бы в огонь бросил подонка!

– Да-а! Здесь люда всякого полно. Еще не то будет. – Едва двигая языком, посетовал Кульсарин. – И погода подлому делу способная... Метет, круговерть несусветная, ни лампочки, ни тропинки.

Глава 9. РИТА И НАЗЕРЕНКО

Предшествующая кануну трагических событий осень для Маргариты Меркиной блеснула искоркой в её мрачном бытие. Рита в светлой косынке и заляпанном раствором комбинезоне усердно шлепала кельмой раствор на стенку в коридоре управления строительства комбината. Пригнувшись к низу стены, она перегородила туловом узкий проход.

– Эй, тетя! Слепла чи що? Пропускай батько до свово табору. Та задок пидбери! Весь проход заслонила, – услышала она чем-то до боли знакомый голос. Оглянувшись, Рита тотчас выронила кельму.

– Вася, милый! Да хйба ж це ты? – в первом из несших створку двери заключенных, Рита узнала своего возлюбленного. Она бросилась к нему на грудь. – Вася, тебя же ни як не узнать! Шо ж ты как исхудал весь?

Чуб его был мокр, щеки покрыты пылью, а нос просто облутился. Привыкший к нераздельной власти Назеренко, оказавшись вдали от родных Карпат и подчиненных, все более опускался. Шухевич пытался держать его в строгости, однако он использовал любую возможность достать водки и, напившись, дерзко поносил советскую власть. Единственная слабость, которая оставалась в его ожесточенном сердце это любовь к бывшей домработнице Рите.

– Рита? Ты?.. як ты здесь оказався? – удивился Василий. – Давай, братка курнем по сигарке, мобуть работа не убежит! – поставив на пол створку, обратился он к напарнику. – Тебя, шо – то же писадили? Тоби як же? Ты небуть в чем виновата?

– Та як же. Я в женской колонии срик отбываю. Мне десять рокив дали, как пособнице бандитам.

Лишенный былого лоска и наглости, Василий Назеренко выглядел худым, изможденным и женское сердце девушки горячо воспылало забытой любовью. Но глаза Василия наполнились лютой злобой.

– Это кто бандиты? Чи шо я бандит пи твоому?

– Та нит же! То я гутарю, за что мене писадили.

– Ну таки ладненько. – Он пригляделся внимательнее. – Что-то выглядишь ты справно, потому и спросил.

– Баба она завсегда крепче мужика, – встрял напарник Назеренко. Он невольню выслушал весь разговор. – Ну поговорили и пошли. А то не дай бог бугор хватится. Давай, паря, дверь отнесем. Затем я буду устанавливать, а ты еще раз выйдешь, – резонно рассудил напарник Василия.

Пока они уносили дверь в самый последний по коридору кабинет, Рита достала зеркальце и протерла уголком платка лицо. Она подобрала кельму, но к стене не притрагивалась.

Спустя несколько минут вновь подошел Василий.

– Идем, биль окна постоим, – сказал он. – Вот ты какая стала, совсем другая. Красивая. Как ты здесь очутилась?

– Мне тоже десятку дали. А тут люди бают год за три идет. Я же тихая и незаметная женщина. В политике не разбираюсь. А работу

исполняю справно. Сейчас я тебе черкну свой барак, напишешь письмецо. А ты как, милый?

– А мне всю жизнь не везло! – зло сказал Василий. – Тот последний бой особенно. Надо же этим москалям медали развесить по палатке! Как все хорошо складывалось, и на тебе. – Воспоминания о последнем бое были настолько неприятны, что Василий зло сплюнул и закурил папироску. – Так все хорошо складывалось, – повторил он, – и подкрались незаметно и ночь безлунная. Нет – на тебе! Загремели железки. Москали и очухались. Вот сижу рядом с Шухевичем, горбачусь на коммуняк!

– А ты домой что совсем не собираешься? – неожиданно перевел он тему разговора.

– Как не тоскуй по родной Украинской земле, но у меня ведь там никогошеньки не осталось! А возвращаться в беспокойные края, и смотреть, как бендеровцы убивают коммуняк, коммуняки гонятся за бендеровцами, больше не хочется. Надоело все. Тут работа есть, а кончится срок, опять сойдемся. Я норму свою выполняю, как положено, на 151 процент. Глядь и освободят досрочно, один год почитай, уже отсидела. Ты выйдешь, сойдемся и жилье дадут. Другим дают ведь? Ты тоже сил не жалея. Ведь коли год за три, то лет пять всего лишь сидеть-то.

Он посмотрел на аккуратно оштукатуренную стену и вновь вскипел.

– Значит я с коммуняками на смерть бился, а ты им помогаешь? – зло сузил зрачки Назеренко.

– Я никому не помогаю, – тихо возразила на упрек Рита. – Я себе жизнь устраиваю. Ты лучше иди, вон тебя напарник кличет.

На другом конце коридора напарник действительно усердно махал рукой. Василий зло чертыхнулся, нервно швырнул окуроч на пол и пошел к товарищу.

Некоторое время обстоятельства благоприятствовали их встречам. Между молодыми людьми завязалась интенсивная переписка. Не каждый день выпадали свидания, но если выпадали, они обменивались записками. Оторванный от командиров и подчиненных, прямой и простодушный Назеренко ночами садился к тумбочке и подробно описывал суровый лагерный быт. Он часто бахвалился прошлыми боевыми похождениями, упоминал фамилию бывшего

командира Шухевича, который отбывал срок в том же лагере. Но в предпоследнем письме эта фамилия исчезла. «Любезна моя Рита, – писал он, – я остався совсем один! Мой напарник теперь не Шухевич и перешел в другой лагерь. Он стал большой начальник по фамилии Шпильман. Если встретишь, опасайся это очень коварный чоловик». Простодушная Рита не поняла истинных мотивов, каким манером Шухевич обратился вдруг в Шпильмана. В смысле строк «он стал бывшим полковником, приближенным к генеральному штабу», она вообще не разбиралась. Признаться, судьба какого-то Шпильмана-Щухевича молодую женщину совсем не волновала, отчего она начисто забыла этот эпизод.

В новогодние дни контора сгорела и встречи прекратились...

Рита не могла знать, что изнывающий от любви и тоски по родной земле Назеренко совсем опустился. После жестокого убийства, он сделал наброс на колючую проволоку и совершил побег. Беглеца, разумеется, вскорости поймали. В назидание другим ему прострелили обе ноги, жестоко избили. Затем увеличили срок и перевели в лагерь особого режима без права переписки. Таким образом, их хрупкая связь прервалась насовсем.

Глава 10. НА ШАТКОЙ ЧАШЕ ВЕСОВ

Как раз на благодатной земле Прикарпатья впервые схлестнулись пути-дороги молодого националистического повстанца Василия Назеренко и красноармейского командира Ивана Конюхова. И случилось это приключением при довольно нелепых для Конюхова обстоятельствах.

Лето 1947 года выдалось жарким. Рота, в которой Иван служил командиром стрелкового взвода, почти два года непрерывно гонялась за бандитскими отрядами. К осени накал стал стихать, и роту расквартировали в небольшом хуторе под поселком Рошаны. Место было завлекательное, горы и протекающий неподалеку Прут напоминали родную Затопиху. Но враждебно настроенное местное население не пускало солдат в дома. И военные разбивали для ночлега палаточные лагеря.

Зажатый в тиски отряд повстанцев под руководством Назеренко мелкими группами прорывался к границе Болгарии. 24 июля он был блокирован в местечке Яремча двумя стрелковыми ротами. С севера по лесистому склону горы мятежников прижимали к Пруту бойцы капитана Майстренко, с юга двумя группами наступали на пятки автоматчики капитана Стрельцова. Впереди протекал глубоководный Прут с арочным железнодорожным мостом. К ночи перестрелка стихла, бойцы передовой линии окопались. Взвод Конюхова установил на небольшой высоте две просторные брезентовые палатки. Южная ночь темна и охрану штабных палаток несли четверо часовых одновременно. Офицеры спали на набросанном в скорую руку сколоченных нарах еловом лапнике, не снимая верхней одежды и с автоматами в руках. Но тут получился курьез.

– Товарищ командир, у вас кровь размазана на гимнастерке, вы случаем не ранены? – заботливо спросил Конюхова его вестовой.

– Это после вчерашнего боя, пока раненых собирали, запачкался. Давай-ка простирнем гимнастерку.

Иван отстегнул значки, затем обе медали и оглядел нары, куда бы их сунуть, чтоб не потерялись. Ложить было некуда, еловый лапник густо топырился ветками.

– А вы товарищ лейтенант пристегните их к пологу палатки, вон там, где сержант Сидоров свои повесил. Удобно, тут уж точно мимо не пройдешь, – шуточно посоветовал ординарец.

Командир вначале недоверчиво ухмыльнулся шутке, но прикинув, решил воспользоваться ей, как разумным советом. Он пристегнул медали и значки на материал входного полога, а гимнастерку отдал подчиненному.

Какими военными хитростями сумели вражеские лазутчики обмануть передовой дозор и проникнуть в офицерскую палатку, даже приехавший наутро лейтенант СМЕРШа восстановить не смог. Проснулся Иван от тонкого металлического звона. Инстинктивно резко откатившись в сторону, он упал с нар и тут же услышал тупой удар: острый кинжал со всего размаха вонзился в доски нар, где только что лежал Иван. Руки сами собой автоматически сняли затвор с предохранителя, и спасительно застрочил автомат. При вспышке выстрелов было видно, как по палатке замечались чужие тени. К счастью тотчас загремели выстрелы и в другой палатке, отстоявшей в

двадцати шагах. Кто-то из нападавших бросил гранату и вспышка выхватила пять мчащихся к лесу серых теней. Навстречу из лесу почти одновременно вылетели две ракеты и тени пропали.

Короткий бой завершился быстро. Прижатые к опушке лазутчики оказались меж двух огней. Со стороны лесного склона их в упор расстреливали бойцы роты Стрельникова. Со стороны высоты бойцы Конюхова. Вскоре стрельба затихла. Прочесав с рассветом лошину, нквдешники насчитали двенадцать трупов и троих раненых лазутчиков. Только на рассвете, придя в себя от грома и грохота, Иван понял: спасли его от верной гибели наградные медали и значки. Это они зазвенели, когда полог двинул вражеский лазутчик. Значки и медали пели тонко, но в боевой обстановке достаточно звонко, чтоб разбудить чутко спавшего командира. Пока пробравшийся к нарам противник изготавился для удара, Иван успел откатиться и поднять тревогу. Медали «За отвагу», полученные на японском фронте спасли жизнь не только хозяину на Украине! Они же помогли выиграть ночной поединок, хотя четверых бойцов рота все-таки потеряла.

Скрутив руки плененных националистов брезентовыми вожжами, Иван с двумя стрелками конвоировал их в райцентр Коломыя.

– Ну, что москаль? Радуешься, сегодня ваша взяла?

– И сегодня и завтра наша будет! – заносчиво отвечал Иван.

– Это в твою железку я на входе угодил? – усмехнулся бандит.

– Так это тебе выходит я вторым рождением обязан? – с интересом воззрился Иван на потенциального убийцу. Парень был примерно годовика, вельветовая куртка с замком и темные брюки не первой свежести подчеркивали хорошие манеры, но выказывали долгую походную жизнь. Давно не видевшее бритвы лицо не потеряло приветливости. Наоборот, борода придавала ему очевидно интеллигентный вид.

Его недавний противник не имел причин для веселья. Однако явной враждебности, видимо, тоже не испытывал. Он устал от бессонных ночей, от многолетних беспричинных зверств и возможно был рад непредвиденному завершению затянувшейся бойни.

– Не зацепись я за твои побрякушки, и наша взяла бы. Гнили бы ваши поганые кости на нарах, – вроде с обидой, но без особой злости проговорил он.

– На войне как на войне! Кому удача подфартит, тот и победитель, – не стал терзать поверженного врага Конюхов.

Впоследствии в сообщении ООН по Карпатскому краю указывалось, что после ударов весной-летом УПА перестала существовать как боевая единица. Не лучшее было положение и в других регионах. В 1946 было депортировано 2612 семей «бандитов и бандпособников» – 6350 человек. Предшествующий рождению Салавата 1947 по иронии судьбы стал последним годом для украинского сопротивления.

Вторая встреча бывших врагов случилась совершенно случайно и за тысячу верст от мест былых схваток. Оказавшиеся в лагерях бендеровцы, частью угодили на новостройку в Белогорске.

Иван Конюхов тоже очутился в Белогорске, но совсем иным путем. Отдыхая после завершения чисток в одном из Крымских военных санаториев, Конюхов лоб в лоб столкнулся с бывшим замполитом роты Якимовым. Разговорились.

– Приятный сюрприз! – воскликнул Конюхов, обнимая однополчанина. – Здравия желаю, товарищ капитан.

– Ба! Конюхов! Не может быть. Жив здоров и продолжаешь службу?

– Нет, товарищ капитан, не продолжаю. Вот отдохну месячишко и демобилизуюсь подчистую. – А вы где теперь служите? Небось уже майора получили? – меж делами поинтересовался Конюхов, ибо сослуживец был одет в спортивном костюме.

– Нет! Не получил. Уволился я, давно уже на гражданке, завод строю, – отвечал Якимов.

– Так как вы можете строить? – удивился Конюхов. – Вы ж кадровый военный, небось и профессии гражданской нет?..

– Когда демобилизовали, меня рекомендовали парторгом на новостройку нефтехимии. Там молодежи вербованной тьма тьмушая, работы тоже по горло. А недавно женился, там видимо останусь навсегда. Если хочешь, приезжай! Помогу устроиться на первых порах... Я, кстати, в поселке первым секретарем пока работаю.

– Да ну-у!.. – удивился Конюхов. Он достал из нагрудного кармана карандаш и блокнот. – А что, прекрасная идея. Адресок скажите, авось пригодится. Знаете, ужасно надоело в этом рассаднике жить. Ходишь по улице, а все косятся. Может он хороший человек, а нам уже в каждом прохожем враг мерещится.

– Ну и ладненько. Ты лучше свой адресок черкани, приезжаю домой и сделаю тебе вызов.

Якимов сдержал слово. Три месяца спустя Конюхов, в чине лейтенанта НКВД, прибыл на строительство будущего города нефтехимиков, где был назначен заместителем начальника лагеря по воспитательно-политической работе.

Вечером начальник лагеря собрал контингент свободных от дежурства заключенных в красном уголке и представил нового подчиненного. На следующий день Конюхов стал читать свою первую лекцию о текущем моменте. Одетые в единого покроя спецодежду, слушатели казались ему все на одно лицо. Но облик сидящего в третьем ряду молодого человека не скрывал наглой ухмылки и казался ему чем-то знакомым. Поначалу он принял эту ухмылку как реакцию на свое неумелое выступление.

– А что начальник на Украине голодомор не Хрущев случайно заварил? – услышал он откровенно враждебный вопрос. Откуда прозвучал провокационный вопрос, он не заметил.

– Прошла война. На Украине восстанавливаются колхозы. Но там расплодилось и лютуют бандитские группы, которые мешают поднять сельское хозяйство. Вот покончим с бандитами, и заживут люди в светлом будущем! – он ответил прописными истинами, как их учили на курсах политинформаторов.

– Заживут как у нас в лагере. Лекции вместо завтрака, на обед политинформация, затем пешим ходом на десятичасовой рабочий день.

– В гуглаге перевоспитываются враги народа и преступники. Кстати условия содержания в нашем лагере гораздо приемлемее, чем в других тюрьмах.

Конюхов понимал, что говорит не слишком убедительно, он уже разглядел подробнее человека, вступившего в дискуссию и мучительно старался вспомнить, где они могли встречаться.

И тут его осенило: он столкнулся с бывшим врагом. Он вспомнил короткий бой в Прикарпатье, дерзкого украинца плененного им после ночной схватки. Теперь бывший ОУНовец трудился в его отряде плотником и ничем из серой массы заключенных не выделялся.

Но случившийся впоследствии пожар в здании администрации вновь и надолго раскидал противников. Ивану Конюхову тот выжистый вечер запомнился на всю жизнь. В ликвидации пожара

он участия не принял – разбирался с происшествием в бараке. В ту злополучную ночь его подняли с постели, сообщив, что какому-то заключенному отрубили голову. Но выяснить обстоятельства душегубства до конца ему не удалось, так как начался пожар. Конюхов вспомнил, что оставил в горящем здании документацию и бросился в контору, но там опоздал. Вся сопроводительная документация на прибывшую партию заключенных сгорела дотла.

Про отрубленную Щухевичу голову больше никто не вспомнил. В лагерях ежедневно убивали по два-три человека и история быстро забылась. Но за сгоревшую документацию Конюхову грозил трибунал. Его несколько раз допрашивали и лишь славный боевой путь и пара солдатских медалей спасли молодого лейтенанта от суда. Конюхова понизили до мастера, и теперь он конвоировал заключенных на строящиеся объекты.

Глава 11. РИТА ЗНАКОМИТСЯ С КОНЮХОВЫМ

Переписка с Назеренко прекратилась весной. Оставшись в одиночестве, Рита бережно упаковала письма любимого в пачку и связала тесемкой. В редких случаях оставаясь одна, снова и снова перечитывала их, поливая подушку слезами.

Рита вся отдалась работе. Ей довелось выполнять самые разные обязанности. С год она шила рукавицы при женской колонии, но чаще приходилось заниматься оштукатуриванием стен. Незаметно для себя она стала в этой профессии квалифицированным специалистом и её посылали на новые объекты.

Так пролетело еще два года. И, как то обещала администрация лагеря, за хорошую работу и примерное поведение Риту Меркину досрочно освободили. Как призналась два года тому назад Рита своему тайному другу Назеренко, на беспокойную родину она не поехала. Свыкнувшись с грандиозной стройкой, она не решилась возвращаться в Коломью. Родственников там не оставалось, в разрушенных городах с работой были сложности и Рита, поселившись в общежитии, трудилась по строительной части. В тайных закоулках души её еще теплилась надежда вновь встретиться с Назеренко.

Наряду с трагедиями и чередуя их с удачами в частной жизни, стройка день ото дня расширялась. По верху возвышенности наметились корпуса и выросли высокие остовы установок. В одном из барачков организовали курсы для будущих технологов, и Рита, чтоб убить незанятое время, выучилась профессии оператора. Но технологические установки жаждали пуска и неустанно приводили в порядок корпуса. Рита привычно взяла кельму и принялась за штукатурку стен.

Весной 1952 года их бригаду перекинули на внутреннюю отделку большого трехэтажного здания администрации ТЭЦ. Объекты готовили к пуску, и трудиться вольнонаемным женщинам приходилось в тесном соседстве с заключенными.

– Товарищ начальник! – услышала как-то Рита разговор двух мужчин. Одного она знала, это был главный инженер строительства Резников. Но говорил другой, невысокий и плечистый. – Я, как специалист по энергетике, вам подскажу один секрет – обводные трубы должны быть бетонными!

– Мы всю работу выполняем на основании проекта, а там заложены металлические, товарищ Шпильман. Я не могу отступить от проекта ни единого шага!

Рита, услышав фамилию Шпильман, даже встрепенулась. В подсознании её эта фамилия ассоциировалась с любовником. Ей показалось, что она читала про этого человека в письмах Назеренко. Спросить о судьбе Назеренко она не посмела, собеседники были явно большими начальниками. Она продолжала тайно прислушиваться.

– А вы о блуждающих токах слышали? – продолжил плечистый. – Кабеля электрические, блуждающие токи, точечная коррозия... Послушайте совета, поменяйте трубы, либо при эксплуатации замучаетесь, – намекнул Шпильман.

– Хорошо, хорошо, товарищ Шпильман. Я обращу на ваше замечание самое серьезное внимание.

Собеседники разошлись.

Риту технология подводки воды мало интересовала. Она не знала, что слабо владеющий тонкостями электротехники, главный инженер Резников настоял на замене металлических труб на бетонные. Никогда не узнает Рита и того, что при пуске возникнет большая

утечка воды. Она сердцем чувствовала лишь одно: здесь работают люди связанные с лагерем Назеренко и стала искать с ним встречи. Каждодневно Рита, выбрав минутку, с той или иной причиной проворно обегала этажи, в надежде повстречать или хотя бы увидеть Назеренко. Но его среди рабочих не было – ни вчера, ни сегодня.

Близкое соседство с разбитными уркаганами не всех устраивало. Уставшее от постоянных жалоб женщин на приставание заключенных, руководство лагеря сурово прекратило контакты, установив между этажами решетку с пропускным пунктом и часовым. Теперь решетка явилась тонкой ниточкой, связывающей её с далекой родиной. Поднимаясь мимо решетки на третий этаж, Рита несколько раз в день с тоской заглядывала внутрь коридора, надеясь увидеть суженного.

Время шло, и рана постепенно затянулась. Однажды её взгляд случайно перехватил высокий подтянутый лейтенант НКВД. Видимо его молодую страсть завлекла симпатичная девушка. Несколько минут спустя он появился с двумя конвоирами на третьем этаже.

– Девушки, кто у вас бригадир? – спросил он, выискивая глазами таинственную незнакомку. Глаза его засветились нежным блеском, когда оказалось, что бригадир именно та незнакомка.

– Чего вам товарищ начальник? – по тюремной привычке спросила Рита. Офицер НКВД да еще с конвойными не на шутку встревожил бывшую заключенную.

– Нам бы леса на некоторое время, – смутившись при слове начальник, попросил лейтенант. Рита как бригадир, должна была разрешить вынос.

– Дать могу, но не надолго, – разрешила Рита. – Под вашу ответственность.

– Есть под мою ответственность! – шутливо козырнул лейтенант. – Под ответственность лейтенанта Конюхова!

Подчиненные понесли леса, офицер на минутку задержался.

– Скажите, а вы родственника или знакомого ищите? – посерьезнев, спросил он.

– С чего это вы взяли? – смутилась девушка.

– Я давно наблюдаю за вами – вы на моих подопечных часто засматриваетесь. Если родственник сидит, не стесняйтесь, говорите, могу помочь найти.

– Никого я там не выглядываю, – отрезала девушка. – Людей жалко и все. Я ведь тоже с Украины, там родилась.

Узнав, что девушка родом из Прикарпатья, офицер сильно оживился. Он тотчас вспомнил тревожные дни службы и поделился воспоминанием, что он бывал на Львовщине. Общие воспоминания о лесистых Карпатах, о многоводном Пруте расположили девушку к симпатичному молодому человеку. Офицер стал искать повода с ней встретиться и беседы принимали все более затяжной характер.

Завязавшееся знакомство постепенно перешло в любовь.

– Хорошая ты девушка, хотя хохлушка, – сказал как-то Конюхов.

– Вы меня ведь совсем не знаете, – смутилась Рита. – Узнаете, совершенно по-иному рассуждать будете.

– Согласен. Знаете что, давайте вечером посидим в парке, поговорим, – предложил девушке Конюхов.

Её истомленную одиночеством душу пленил обходительный и подтянутый красавец офицер, отчего Рита согласилась не раздумывая. Встретились они у парадного портика клуба Строителей. Постояли, посмотрели афишу, но в кино не пошли. Хотелось подольше посекретничать. Узнать друг о друге подробнее. Они нашли в укромном уголке парка незанятую скамеечку и присели.

– Ну рассказывай, чем ты на Украине занималась! Говори, да не таи секретов, ведь я офицер НКВД, – полушутя скомандовал Конюхов.

– Чем все люди занимаются, тем и я занималась. А секреты мои вам давно известны, – не стала врать Рита. Она понимала, что Конюхов при желании поднимет личное дело и быстро установит всю её подноготную. – Сидела я в женском лагере.

И она начала подробно рассказывать. Рассказ молодой женщины затянулся, но Иван выслушал его от начала до конца с большим интересом. Сопоставляя некоторые факты и даты, он чувствовал, что они действовали в одной местности. Именно там где он воевал с националистами, родилась и провела детство Маргарита Бенциановна и была она самая обыкновенная еврейка с фамилией Мейер.

– ...Родню под корень немцы расстреляли. Я прибилась и сожительствовала с одним националистом. Как кончилась война, с тех пор Назеренко пропал. А пособников подполья посадили по разным лагерям, я вот попала в Белогорск, – закончила Рита. – Вот я тебе все

поведала как на исповеди, – скромно потупила она глаза. – Теперь твоя очередь исповедаться.

– Я ведь родился совсем на другом конце света, – негромко поделился Иван. Его тронула горькая исповедь девушки. – Если бы не война, мы никогда бы с тобой не встретились. Но я тебе тоже все выложу по порядку.

И он начал рассказывать свою историю. Теперь Рита внимательно слушала. Когда Рита попала в фашистское гетто, на другом конце света молодой юноша Ваня пахал на колесном тракторе «Фордзон» колхозные поля и не подозревал о еврейских погромах. Он вообще не знал, что кроме русских существуют другие нации – украинцы, белорусы, евреи.

Такие разные молодые люди нашли взаимную привязанность. Летом гармонист Кульсарин два дня шпарил не жалея мехов сибирской гармошки на их свадьбе.

Спустя год молодой поселок Белогорск объективно доказал обществу, что мир стал тесен. Парадокс: – земной шар по высказываниям некоторых ученых с каждым днем расширяется, увеличиваясь в радиусе на метр, но с ростом скоростей, даже увеличиваясь в размерах, становится все более тесным. Бесспорно, не только Рита, даже многоопытный Иван Конюхов об этом научном предположении не ведали. Признаться, тесен он стал даже не сегодня, а вчера.

В мае 1953 года на улице Молодежной суеилось много людей самых разных национальностей и профессий. В том числе люди с сомнительным прошлым – заключенные уголовники и бывшие фашистские прихвостни. Добровольцы, среди которых смешались – военные и заключенные после освобождения, демобилизации и обустройства – дружно братались. Они были молоды, быстро забывали о своем происхождении и совершенных грехах: влюблялись, женились и создавали совместные интернациональные семьи.

Кто тащил чемодан, кто надрывался сундуком, а иной нес на спине заляпанные известкой леса. Только что убрали дощатый забор с колючей проволокой наверху и взорам обывателя предстал целый квартал новеньких двухэтажек. Новоселы спешили создать какой ни какой элементарный уют в просторных от пустоты квартирах. Иван Михайлович Конюхов, прежде чем занести неказистую

меблишку, занялся более важной работой. Он взял в руки молоток и принялся вбивать гвоздь в дощатый потолок.

– Что это ты еще придумал? – полубопытствовали нетерпеливые соседи.

– Скоро сами увидите! – с гордостью ответил Иван.

– Да неужели ребенок? Так и есть – раздались возгласы.

В это время молодой помощник внес в комнату небольшую люльку. Но ребенка еще не было.

– Как Иван Михайлович? Посмотрите, подойдет, наверное? – деловито осведомился напарник.

– Пойдет! Спасибо, хороша зыбка! – поблагодарил парня хозяин.

На следующее утро соседей разбудил детский плач. Это был плач первого ребенка, первого новорожденного в этом доме! Заботливая мать вынесла его на улицу.

– Мать, не надрывайся, тебе нельзя тяжело поднимать, – заботливо укорил Маргариту Иван.

– Эх! Жаль что он не может видеть открывшуюся взору панораму! – вздохнула Маргарита. – Запомнил бы, как сегодня светило горячее солнце. Как здесь хорошо! – Вон, на востоке, горбятся лиловые горы, на западе колыхается бесконечная степь. И липа цветет, а в медовом запахе гудят пчелы и летают птицы.

– Да-а! Место выбрано раздольное, – согласился Иван и вошел в дом.

Глава 12. С РАЗНЫХ КОНЦОВ СВЕТА

В тесноте мира в азартные пятидесятые годы общество воочию убедилось в Белогорске. Потому что поселок этот поневоле стал точкой схода множества биографических кривых собранных в нем жильцов. Нити родственных отношений супругов Конюховых восходят своими корнями в далекие Карпаты и Усть-Илим. Поскольку в задачи автора входит не только лишь сухая статическая линия развития предприятия, мы остановимся на жизнеописании молодых членов семьи чуть подробнее.

Утопающий в садах украинский город Коломыя сегодня насчитывает 60 тысяч жителей, является важным железнодорожным узлом и центром сельскохозяйственной торговли. До войны городок заселяло 20 тысяч, из которых выжило всего лишь две.

Именно в нем родилась и провела детство жена Конюхова Маргарита Бенциановна и была она в девичестве совсем не Конюхова, и даже не Меркина, какой узнал её Иван. Рита росла обыкновенной еврейкой с древней фамилией Мейер. Поскольку до войны городок населяли преимущественно евреи, Маргарита Бенциановна родилась в небогатой еврейской семье часового мастера.

Каждому, кто хоть разок побывал в тех благодатных краях, местные жители могли поведасть много назидательно-познавательного. Маленький городок, расположенный на живописных берегах реки Прут за период существования с 12 века часто менял властителей. Кто только не завоевывал этот райский уголок. Там хозяйничали татаро-монголы, поляки, австрияки и русские. Потому истерзанное завоевателями население отличалось свободолобием и воинственным нравом.

В XIV веке Коломыя попадает под польское владычество. После третьего раздела Польши, местность становится частью Австро-Венгрии. После первой мировой войны Коломыя кратковременно являлась частью независимой Украины, однако в 1919 году опять занята Польшей и стала центром повята. Потом был Сталинско-Хрущевский освободительный поход, результатом которого Коломыя оказалась в составе коммунистического Советского Союза. Пришедшие с Красной Армией коммунисты с принудительной коллективизацией и национализацией быстро восстановили против себя коренное население всех наций и национальностей. Даже всегда миролюбивый Бенциан Аврамович, потеряв кормившую семью часовую мастерскую, люто возненавидел новую власть.

На другом конце света молодой юноша Ваня пахал на колесном тракторе «Фордзон» колхозные поля и не подозревал о еврейских погромах. Он вообще не знал, что кроме русских существуют другие нации – украинцы, белорусы, евреи.

Но тут началась новая война – Вторая мировая. Население городка Коломыя по идейным соображениям сразу же раскололось на несколько враждующих лагерей. Нашлись жители принявшие

новый порядок, имелись и ратовавшие за Советы. Для евреев во время второй мировой войны в городе было создано гетто, в которое согнали до 18 тысяч душ. Многие из них в 1943, (по официальным данным около 16 тысяч) было депортировано в концентрационный лагерь Белжец и впоследствии убито. Погибли в том числе родители и почти все родственники Маргариты Бенциановны Мейер. Неизвестно выжила бы она сама, но привлекательная двадцатилетняя девушка пришлось по сердцу местному националисту Назеренко. Он возглавлял отряд националистов при депортации евреев фашистами. Стройная голубоглазая дочь часового мастера произвела впечатление на молодого властолюбивого повесу. Он переоформил ей документы на имя Риты Борисовны Меркиной и сделал прислугой в доме. Там прослужила она истопницей и гражданской женой хозяина до самого 28 марта 1944 года, когда Коломыя была освобождена Советской армией и вновь стала частью Украинской ССР.

Иван Конюхов родился в глухом таежном краю Иркутской области. Его деревня Затопиха насчитывала десяток дворов в один порядок и приткнулась к правому берегу таежной реки Илим в полсотни верст от города Усть-Илимска. Таежный край с лесистыми распадками и бурно разливающимися реками не оставлял много плодородных пахотных земель. Потому промышляли селяне по большей части охотой, заготовкой грибов, ягод и шишкобоем. Семилетку он, бесспорно, окончил, но в науках разбирался слабо. Старенький деревенский учитель, всю жизнь проживший в их деревне, учил еще родителей и всех родственников Ивана. Таежная жизнь много чему научила, отчего смолоду Ваня хорошо ориентировался в лесу. Знал повадки и ловко читал следы зверья и знал все съедобные травы и ягоды.

Ваня войну встретил опытным трактористом, но призыв его возраста подошел лишь к концу 1943 года. Вне сомнения призвали тракториста в танковую часть, однако направили на службу не на германский, а в первый Забайкальский фронт.

Многое довелось повидать молодому танкисту в горячем 45 году. Он освобождал Манчжурию, с боями против Квантунской армии дошел до города Харбин. При переходе через Хинганский горный перевал за удачно подавленную японскую батарею получил медаль «За отвагу», а к ней впридачу тяжелую контузию. Пока

парень лечился в госпитале, закончился освободительный поход и воинов начали постепенно демобилизовывать.

Из конечного пункта наступления города Порт-Артур Ивана направляют в школу младшего комсостава войск НКВД. Он получает звание младшего лейтенанта и вместе с частью передислоцируется на Западную Украину, где ведется незримая война с повстанческой армией. Воевал в составе 10-го отдельного стрелкового полка 62-ой стрелковой дивизии. В период 1946-48 годы принимал активное участие в ликвидации бандформирований в Львовской области Западной Украины, затем вел зачистку от тех же банд в Болгарии. Там молодой лейтенант получает вторую медаль.

Почти с того же дня Рита Борисовна оказывается по другую сторону баррикад. Её бывший патрон перешел под начало Романа Шухевича, возглавил подразделение в его освободительно-повстанческой армии и начал ожесточенную борьбу против советской власти. Самой Рите Борисовне советская власть не причинила ни вреда, ни пользы, но национализация родительской мастерской четыре года назад вроде законно поставила молодую женщину в ряды своих противников. Она слыхом не слышала о «меморандуме Канариса», не была яростным повстанцем, но оказалась пособником Украинских националистов.

Намотавшись за день по деревенским дорогам на телегах и дрожках, Василий делился с любовницей нерадостными вестями. Численный состав УПА все более сокращался. К лету 1945 в ней оказались ликвидированы многие службы (жандармерия, мобслужба и ряд других) функции которых были частично переданы «гражданскому» подполью и СБ, уцелевшие отряды из «военных округов» переименовали в группы и фактически подчинили региональному подполью ОУН. О масштабах незримого фронта говорят приводимые НКВД УССР цифры: за второе полугодие советской стороной уничтожено 11698 и захвачено 14339 участников ОУН и УПА ещё 8227 явилось с повинной. Из УССР было выслано 1998 семей (4724 человека).

Зимой 1945-46 годов проводилась крупная операция по ликвидации остатков отрядов УПА и подполья ОУН в которой были задействованы силы Прикарпатского и Львовского военного округа. Их подразделения были размещены гарнизонам в селах не допу-

ская беспрепятственного перемещения подразделений ОУН-УПА и их снабжения местными жителями в то время как оперативные группы НКВД совместно с внутренними войсками преследовали и уничтожали вынужденные перемещаться группы повстанцев. Рота, в которой Иван командует взводом, ведет боевые действия в окрестных лесах Прикарпатья.

Глава 13. ДИВЕРСАНТЫ

– Что-то предчувствие у меня сегодня нехорошее, товарищ сержант, – негромко говорил, на ходу отодвигая рукой башлык широкого брезентового плаща, Кашкин. – Мать письмо прислала. Пишет завод какой-то строить около нашей деревни собрались. Может путает чего старуха? Отдежурим наряд, завтра надо черкануть письмо младшему брату, он лучше объяснит.

– Разговорчики! – строго прикрикнул разводящий строй офицер. – Кашкин, ногу потерял!

Широко шагая, земляк и однополчанин Кашкина, которому адресовалась речь однополчанина, задумчиво молчал. Он о чем-то сосредоточенно думал. Кашкин быстро сменил ногу и тоже примолк. Тем более в распадке висел приморский туман, и дождевая морось бесцеремонно заползала за шиворот. Он снова накинуд башлык и перевернул вниз стволом винтовку.

– Сержант Сасин, ефрейтор Кашкин, принять пост! – услышал он вскоре и автоматически отчеканил: – Есть принять пост.

– Пост сдал!

– Пост принял!

Это старший наряда Сасин обменивался со сдающим пост сослуживцем положенными по уставу привычными командами. Вот сдавшая пост парочка примкнула к жидкому строю разводящего, а Кашкин завистливо проводив их взором, встал рядом с Сисиным и пошли они мерить давно измеренные пятьдесят метров от угла до угла бревенчатого здания, приспособленного под временный артиллерийский склад. Время было тревожное, япошки пошаливали, поэтому постовых расставляли парами.

– А я после службы учиться подамся, в институт поступлю, – не с того ни с сего заговорил молчаливый земляк Кашкина.

– Я бы может тоже поступил, – мечтательно произнес Кашкин, – видишь, товарищ сержант, мать что пишет. Мне бы семилетку надо сначала закончить.

Они дошли до угла и, по-строевому дружно развернувшись кругом, бодро зашагали в обратную сторону. В обратную сторону шагалось под ветер, так и беседа потекла живее.

– Десятилетки у меня у самого нет, но я думаю экстерном сдать. Подучусь до дембеля и сдам, – Сасин говорил резко отчеканивая слова. Невысокий и тощий, он в то же время имел жилистую фигуру, форма на нем сидела как влитая и воинская служба давалась легко.

Земляки дошли до конца здания и, слаженно повторив разворот, пошли в обратную сторону. Шел третий час ночи, самый нелюбимый постовыми час. Но ребятам служить оставалось менее полугода, за три года вдосталь нахлебавшись и лиха и прочих солдатских невзгод, земляки не особенно унывали. Душу грела мысль о близкой демобилизации.

– Вот кончите институт товарищ сержант и будете у нас инженером работать, на заводе. Я может опять в вашем подчинении окажусь, – подхватил разговор Кашкин, и внезапно вскрикнул: – Ой, что это?

Ему показалось, на крыше здания промелькнула тень. Оказывается, Сасин тоже заметил подозрительное движение.

– Стой, стрелять буду! – громко скомандовал Сасин, на ходу срывая с плеча винтовку, и резко скакнул к стене здания.

И тут будто черная молния метнулась с крыши. Кашкин, к счастью, не успел перевернуть винтовку, что оказало ему неоценимую услугу. Снимая винтовку, он оттянул и выставил далеко впереди себя приклад. Спрыгнувший с крыши диверсант угодил в приклад винтовки грудью, она воткнулась штыком в землю, а удар ножом повис в воздухе, не дотянувшись груди солдата. В это время раздался хлесткий винтовочный выстрел. Это стрелял Сасин, около которого размахивал ножом второй диверсант. С их стороны раздался второй выстрел, и лазутчик Кашкина бросился наутек. Кашкин не стал его преследовать, он выдернул из земли штык и бросился к Сасину. На ходу резко перевернул винтовку, и, загнав в затвор патрон, наставил

на японца штык. Сасин успел между выстрелами ударить тощего японца прикладом в грудь. Наверное, он сломал ему одно или несколько ребер, потому что тот, скрючившись комом, лежал на земле.

– Руки вверх, – возбужденно скомандовал Кашкин.

Но японец не мог оторвать рук от грудной клетки, он учащенно дышал и инстинктивно держался за грудь.

Со стороны караулки слышался топот многих сапог. На выстрелы спешила помощь. Отступив пару шагов назад и осмотревшись, Кашкин продолжал держать лазутчика под прицелом. Боковым зрением он наблюдал, как Сасин расстегивает плащ. «Неужели ранен? – подумал он».

Прибежавший с резервной сменой разводящий офицер, осветил фонарем место боя, один из бойцов ловко свернул руки за спину и приподнял стонущего лазутчика, второй бросился к Сасину. Тот, распахнув плащ, что-то доставал из-за пазухи.

– Сержант Сасин, у вас все в порядке? Что вы копаетесь? – спросил разводящий и направил луч света на фигуру Сасина. – Докладывайте, что произошло? Что вы в руках держите, библия что ли?

– Докладываю! Произведено нападение японских лазутчиков, которое нами отбито. А в руках книга, которой я обязан жизнью. Как раз в сердце целил подлец, и удар был силен, я даже упал от толчка. Но нож угодил в книгу и застрял, вот япошка и растерялся. Не ожидал видимо, такого поворота. Пока выдернул нож, пока вновь замахнулся, я и врезал ему прикладом. Потом стрелять начал. Один убежал, жаль туман помешал, не попал в гада, – возбужденный сержант пнул сапогом японца. – А этому я хорошенько врезал, надолго запомнит Сасина.

Разводящий посветил на книгу и все увидели, что в руке у Сасина вовсе не библия, а элементарный учебник химии для десятого класса, как раз в центре корки пробитый кинжалом.

– Да... повезло тебе братец, – с растяжкой ухмыльнулся офицер. – Стой, а ты учебник то зачем на пост взял? Не положено, ведь.

– А я с ним не расстаюсь. В институт после службы собираюсь, ловлю каждую минутку подучить формулы.

– Ну в институт ты попадешь или нет еще неизвестно, а от смерти учебник тебя спас неминуемой. Так что носи его и дальше, уже как амулет, – великодушно разрешил офицер.

Все засмеялись, даже пленный японец перестал охать и с удивлением вперил раскосый взор на диковинную книгу.

К стыду своему даже Кашкин раскрытый секрет с учебником узнал с большой неожиданностью для себя. Пленного увели, оправив гимнастерки, воины продолжили нести службу на посту, жизнь продолжалась.

Глава 14. СЫЗРАНСКИЙ ТЕХНИКУМ

...Тишина в аудитории становилась все более напряженной не потому, что студенты заслушались отвечающего у доски Проньку Бураева. Идет урок химии, и студент четвертого курса Бураев заканчивает рассказывать технологию получения полиэтилена. Он уже завершал тему, и каждый торопился почерпнуть из учебника побольше сведений, на случай вызова к доске.

– Таким образом, многократное повторение радикалов образует молекулярную цепь полимера. В данном случае полимер называется полиэтиленом. – Пронька поставил жирную точку и положил на полку кусок мела.

– Ну, что ж Бураев. Материал вы знаете неплохо. Ставлю вам пятерку. Я бы посоветовал вам дальше углублять знания, – седовласый фронтовик и инвалид войны, заведовавший кафедрой технологии, провел вдоль графы журнала пальцем и поставил отметку.

Пронька прошел меж рядами парт и сел рядом с невысокой девушкой Валентиной.

– Ну ты, Пронька, здорово заливал!.. Ночами что ли зубришь? – с улыбкой встретила однокурсника Валя. – И как это тебе химия так легко дается?

– Да, технология получения полиэтилена, в общем-то не сложна. Там все по цепочке раскручивается, – небрежно махнул рукой Пронька. Как будто не он минуту назад с трепетом стоял у доски.

– Полиэтилен это цветики, вот стиролы – это да-а! Там голову сломаешь. Орто, пара, мета ... – раздался сзади громкий шепот однокурсника Сашки Седаева. Он взглянул на часы. – ... Чем ближе

к концу, тем дольше уроки длятся!.. Вы еще не решили, куда двинемся сегодня вечером?

– Седаев, прекрати разговорчики. Ты что это ведешь себя как школьник. Мы начинаем новую тему, – одернув Седаева, заговорил преподаватель.

Несколько минут натружено скрипели перья и слышался лишь шорох переворачиваемых страниц.

– В «Ударнике» фильм говорят хороший, может уговорим подружек, – также шепотом предложил Пронька. – Валь, пойдем вечером в Ударник? – обратился он к соседке. – Я билеты организую, подработали вчера с Амбросием на железке, – пояснил он, обернувшись к Седаеву.

– В «Ударник» так в «Ударник», – оторвав голову от тетради, согласно кивнула Валя. Она была девушкой покладистой. – Тогда в семь часов встречаемся. Мне домой надо забежать, мама поручения кое-какие дала.

Прозвонил звонок и в аудитории захлопали крышки парт. Студенты оживленно вставали, готовясь на выход.

– О, у вас новая юбка, мадам, – умело подбросил комплимент опытный дон-Жуан Сашка Седаев. Он тоже внимательно слушал объяснения Валентины. – Без пятнадцати семь, – уточнил аккуратный Седаев. – Пошли, Люся, я тебя провожу. До вечера! – приветливо помахал он рукой, двигаясь на выход.

Но в дверях он лоб в лоб наткнулся на куратора группы.

– Седаев!.. Слава богу! Не уводи девчонок! ...Погодь, никто не уходит, – раздался голос куратора. – Приказано всем выпускникам сидеть на местах.

– Ну вот, опять сидеть, опять субботник, – притворно занял Сашка. – А я уже девушке свиданье назначил...

– И девушке будет интересно послушать! Там вербовщик приехал, на новостройку вас сватать!

– Какой еще вербовщик? – недовольно развернулся Седаев. – Нас же по разнарядке распределят.

– Из Башкирии, из какого-то Белогорска. ...Впрочем, сейчас сам услышишь!

В настежь распахнутую дверь вошел сам директор техникума. Он сопровождал среднего роста представительного мужчину с кра-

сивым лицом и зачесанными назад волнистыми волосами. Третьим шел политрук училища и нес свернутую в рулон большую карту СССР. Посмотрев, куда бы её получше пристроить, он нащупал близорукими глазами гвоздь и, подтянувшись на носки, повесил карту за прилаженную бечевку.

– Вот они наши выпускники. Орлы, как на подбор! – гордо провел рукой директор.

Пока политрук вешал карту, представительный мужчина не сел на предложенный стул, он с интересом всматривался во взволнованные лица студентов. Орлов он насчитал человек шесть, остальные оказались невзрачными на вид девушками.

– Сейчас перед вами выступит начальник строящегося комбината Фиалетов! – коротко представил докладчика директор. – Пожалуйста Алексей Николаевич! – сделал он широкий жест к столу.

Но вопреки предложению, Фиалетов за стол не встал. Он положил правую руку за лацкан пиджака, и задорно вскинув голову, шагнул ближе к первым партам.

– Товарищи студенты! – начал он. – Все вы знаете – страна вершит, вернее шагает по сталинскому пути индустриализации! Восстановлены Харьковский, Сталинградский тракторные заводы... Построены автомобильные заводы в Кременчуге и Львове, реконструируется Московский автозавод, Горьковский. Развивается авиация и судостроение. Стране позарез нужно моторное топливо и мы строим завод по его производству...

– А это где такое строительство? – раздался голос из зала.

– Совсем недалеко. Пятьсот верст всего! Вот мы молодые задорные, построим завод. Сами построим, по самой современной технологии! Построим, и сами же будем эксплуатировать. – Фиалетов подошел к карте и ткнул пальцем в совершенно пустое место, у синей полоски какой-то реки.

– Ой! Да там совсем ничегошеньки нет! – раздался звонкий девичий голос.

Восклицание было настолько простодушным, что тут же слышались смешки.

– Да там тяжело! Плохо с жильем, нет механизмов, транспорта. Нет дорог и асфальта. Но над стройкой взяли шефство комсомольцы и скоро все будет. Я приглашаю вас приехать и своими руками

положить кирпич в фундамент грандиозной стройки. Нам очень нужны молодые люди, особенно нужны грамотные специалисты умеющие обслуживать аппараты и сложные компрессоры! То есть специальности оператора, машиниста, прибориста и других профессий, которые ранее не готовились...

Разговор состоялся долгий и Пронька с Валей с интересом прослушали все высказывания.

– Что-то ты скис, парень. Не раздумал в кино пойти? – выходя из аудитории, широко улыбнулась Валя.

– Нет, как договорились – в кино пойдём!.. Вот это мужчина! Я просто в него влюбился: и красавец, и дело свое любит. А как говорит: операторы, машинисты... – задумчиво произнес Пронька. – Ты ступай, я еще кое о чем его спрошу!

Круто обернувшись вокруг оси на пятке, Пронька исчез за дверьми.

Когда они вышли из зрительного зала кинотеатра, уже вечерело. Весна запаздывала, накрапывал мелкий дождь и в колдобинах узкого тротуара стояли лужи, друзья направились по проезжей части улицы. Пронька шагал рядом с Валей молча, компанию развлекал Седаев, что-то горячо ей доказывая. На перекрестке Седаев подхватил Люсю под руку, и они расстались.

– Ну и куда направляют Сашку, он не хвалился? Люська проболтнулась он с куратором группы после собрания уединился и о чем-то шептался.

– Сашку в Белогорск направляют, – ответила Валя.

– Кроме Белогорска заявки есть и в Краснодар, и в Ангарск, – Пронька сыпал названиями незнакомых сызранцам городов, будто он всю жизнь только и делал, что катался по свету.

Валя все годы прожившая в провинциальной Сызрани, даже в Куйбышев еще не выезжала. Ей было страшно, в тоже время увлекательно слушать неведомые названия. Дальние страны! Они таили что-то загадочное, обещали что-то новое и студенты часто обсуждали свои будущие пристани. Пронька тоже дальше Сызрани не бывал, но единожды оторвавшись от дома, он чувствовал себя более опытным и относился к подруге с некоторой долей превосходства.

– Мы с Васькой Амбросиевым в Белогорск проситься решили, – неожиданно открыл он секрет. – Там стройка только начинается

разворачиваться. Сама слышала: романтика, перспективы. Молодым специалистам жилье обещают. Опять же к дому ближе. Слушай, я не сулю тебе рая, но подумай, может вместе махнем?

Они подошли к одноэтажному бараку, в котором жила Валя с матерью и младшей сестренкой. Признаться Проньке в согласии она не посмела, это походило бы на откровенное признание в любви. Но мысль о совместной жизни в незнакомом городе её завлекла. Пронька ей нравился. Он уже отличался от тех немногих ребят, которых она знала самостоятельностью, целеустремленностью и тягой к знаниям.

Они немного задержались. У калитки стояла растрескавшаяся от времени скамейка и Валя присела, прижав коленями юбку. Пронька постоял немного и тоже сел рядом. Она преданно прижалась к его груди.

– Пронь, а я с тобой поеду в Белогорск, – положив голову на плечо Проньке, откровенно призналась Валя. – Наташка замуж выходить надумала, а в доме полторы комнаты. Мама ей обещала горницу отделить. А для меня места в доме не остается.

– И когда у них свадьба?

– Свадьба то осенью, да решать летом надо. Вот закончим техникум, направление, как и ты, в Белогорск просить буду.

До осени оставалось три месяца и мысли о новостройке в неведомом поселке становились с каждым днем роднее.

Глава 15. НАПРАВЛЕНЦЫ

– Если б знали вы, как нам дороги...

Подмосковные вечера...

Пели одни девушки, Пронька лениво перебирал струны старенькой гитары.

– Девчата, что вы тоску нагоняете. Поете заунывные песни всю дорогу. Давайте нашу, студенческую грянем, – взмолился Седаев.

– Не нравится, дуй к проводнице за чаем. А вообще... А вообще, мы и студенческую можем, – немедленно откликнулась Валя Ионова. – Пронька подыграй-ка!

Пронька тут же перестроил аккорды и брякнул восьмеркой:

– Э-е-их! Если не попал в аспирантуру,

Собирай свой тощий чемодан.

Обними мамашу, поцелуй папашу

И бери билет на Магада-а-а-ан.

Сам Пронька с удовольствием подпевал и баритон у него был весьма приятным, что нравилось Вале. Она смотрела на соседей по купе с радостью и наивной гордыней.

– Нет. На Магадан нам не по пути. Надо петь – бери билет на Белогорск! – смеясь поправил Сашка Седаев. – И вообще, давайте чай пить. Накрывайте девочки стол, я проводника потрясу насчет кипятка.

Он взял в обе руки по два стакана и вышел в коридор. Девочки, шурша газетами, выкладывали домашние пирожки, заботливо упакованные мамашами, несколько красных чуть помятых помидорок. Пронька резал ножичком большой шмат сала.

– Садитесь девочки. ...Где это там Сашка с чаем застрял?.. Гуляем.

– Эй раззявы, откройте! Я ж не могу носом запоры открывать, – донеслось из-за двери.

Пронька вскочил и отодвинул створку, впустив Седаева с четьрьмя до краев налитыми стаканами. Но на всех стаканов не хватило.

– Налетайте ребята, теперь я схожу, – добросердечно бросил Пронька и вышел за дополнительной порцией чая.

Навстречу ему, бесцеремонно раздвигая двери купе, прошла шумная толпа цыган. Пронька с чаем задержался и Седаев с Васькой еле выпроводили наглых гадалок. В купе возникла некоторая настороженность: уж не случилось ли чего? Но ничего не случилось, Пронька сверился с расписанием и перекинулся парой слов с проводницей. С её слов выходило, что до Уфы остается всего час езды.

– Народ! Пьем последний чай, и пакуй вещи! Уже проехали Раевку, к Чишмам подъезжаем. Убирай полки! – радостно скомандовал Пронька с порога купе.

Романтический пыл как-то разом остыл. Все задумались, а как их встретят? Что ждет на новом месте, как туда добираться?

– Вербовщик говорил, что в Белогорске все дома новой планировки. Жилье специалистам сразу дают, хоть трехкомнатную квартиру выбирай. И работа на комбинате, сплошная автоматика. Крутанул задатчик регулятора и нефть пошла, – похвалился познаниями Сашка Седаев.

– Ой, мальчики не верится мне что-то. Сказка, а не жизнь. У нас вот в Сызрани еще сколько людей по подвалам ютятся. А в квартире по сколько человек живет? – засомневалась Валя.

– Сентименталисты вы несчастные! Дома новой планировки... Квартиры всем трехкомнатные... Да вы в окошко посмотрите! Мы к Уфе подъезжаем. А Уфа, вам географ говорил, столица Башкирии. Столица! Вы понимаете или нет? Теперь глядите в окно, что это за столица! – с ужасом воскликнула Лида Одикова, отодвигая штору. – Смотрите, халупа на халупе лепится. Это в столице, а в Белогорске, там вообще еще чумы на улицах стоят...

Поезд замедлил бег и с правой стороны по ходу движения на горке ступенями, словно ласточкины гнезда лепились небольшие домики частного сектора и примитивные дворовые пристройки.

– Ребята, через десять минут прибываем, – заглянула в купе озабоченная проводница. – Собирайте постели и не забывайте вещи.

По купе тотчас разлилась обычная путевая суматоха. Поднимались, приводя в исходное состояние верхние полки, в проход вытащили два чемодана и три дорожные сумки, сразу сделав купе тесным и непроходимым. Пронька, чтоб не мешать другим вызвался вынести накопившийся дорожный мусор.

Вопли Лиды Одиковой он услышал уже в коридоре.

– Ой, украли! Как же я теперь, все деньги украли, все до копейки! – взახлеб заливалась Лида. Пронька бросился в купе.

– Чего ты голосишь, че у тебя украли? – дергал Лиду за локоть Седаев. Но та, прижав ладошки к лицу, кричала лишь два слова: – Ой, украли!

– Да перестань ты выть! – обозлился Пронька. – Объясни толком, что случилось?

– Как же я теперь, кошелек украли. Кошелек, а там триста рублей. Мамка на первый случай сунула.

– Сашка, может ты объяснишь, что случилось? – обернулся Пронька к Седаеву. – В купе только свои.

– Я сам не больше знаю. Пока ты за чаем ходил, тут цыгане прошмыгнули, может они стибрили. А их ищи ветра в поле.

– Ну и что теперь выть будем? – строго прикрикнул Пронька. – На вот тебе пятерик. Он вынул из кармана банкноту. Ребята, – обратился он к однокурсникам, – давайте по пятерке скинемся. А там подъемные выдадут и отдаст.

Товарищи молча полезли по кошелькам и карманам. Давали не все, но счастливая Лида утерла лицо и улыбнулась Проньке.

– Спасибо! – только и смогла она вымолвить всхлипывая теперь уж от волнения.

К радости высыпавших из вагона студентов, вокзал оказался вполне приличным. Екатерининской постройки, с отдельным помещением для касс и двух залов ожиданий он выгодно отличался от привычного Сызранского. Их поезд подошел к первому пути, и ребята с потоком толпы влились в зал прямо с перрона, даже не разглядев за стоящим поездом, что находится по другую сторону состава. В зале было многолюдно, но их приезда оказывается ожидали. Едва ступив в просторный холл, они обратили внимание на двух мужчин с чернильными плакатами «Новостройка». От них веяло чем-то родным и знакомым. Первым к плакатчикам подошел Сашка Седаев. Он немного пошептался с ними и широким жестом пригласил остальных:

– Подходите, подходите ребята, веселей! Еще из Кургана поезд подождет, через час двинемся.

– Вот тебе сентименталисты – идеалисты! – не преминул состричь в сторону Одиковой Сашка. – Видишь, держат слово вербовщики. Откуда бы не приехали, они всех встречают!

Лида не стала возражать. Ей было все любопытно в чужом городе и национальная окраска в росписи вокзала, и высокая гора, видимая из окон напротив, и трамвайная остановка в виде огромной арки.

Утро первого сентября 1951 года для новоприбывших выпускников началось с двух неприятных неожиданностей, зато закончилось приятным знакомством.

Заткнув за брючные пояса полотенца, Сашка с Пронькой вошли в умывальник. Там фыркая и разбрызгивая брызги, шумно умывалось десятка полтора ребят и мужиков. На вошедших парней внимания не обращали. Прямо у входа задорно плескался двухме-

травый верзила с развитой мускулатурой. И Пронька с Сашкой не малого роста, но этот прямо исполин и ростом и силой. Ребята посмотрели на него с завидным любопытством. По раскосому взгляду и носу с горбинкой, чувствовалось, что это местный джигит. Он тоже с интересом взглянул на вошедших. Рядом освобождалось два крана, Сашка и Пронька уже намерились встать к раковинам, как подлетел юркий парень уголовного пошиба, оттолкнул новичков и грубо молвил:

– Брысь, сынки. Вам торопиться некуда, деды умоются, потом вы успеете.

– Зачем толкаешь людей, нехороший человек. Места или вода тебе мало? Вон вода, там вода свободный.

– Не лезь Биктимир, не твое дело, мы сами разберемся, – грубо отрубил юркий. В нем чувствовалась блатная закуска.

– Ты Жора, если будешь ребят обижать, я тебе вечером морда набью, – пригрозил Биктимир слишком прыткому урке. Ему чем-то приглянулись молодые приезжие.

– Ладно, черт с тобой, пускай становятся, – ухмыльнулся блатной и перешел вглубь комнаты.

– Новенькие будете? Вчерась приехали? – сверху вниз посмотрел на приезжих здоровяк, как они поняли, звали которого Биктимиром. – Завод строить будем? А я спал, когда вы приехал. Мы, деревенские рано ложимся, обычай от дедов такой достался.

Будучи как все здоровяки добродушным, он говорил, страшно коверкая слова, но посматривал на ребят уважительно. Всем было известно, что ждут партию выпускников и перед ним стояли ученые специалисты, которых он по деревенской наивности боготворил.

– Давай будем знакомиться. Биктимир я. На строительстве завода работаю, пока разнорабочим. – Парень вытер мокрые руки и протянул по башкирскому обычаю обе вместе. Растерявшиеся Сашка и Пронька пожали каждый свою руку, они еще не знали, что он восточным манером выказывал явное почтение городским ребятам.

– Я на работу опаздываю, вечером побеседуем, близко познакомимся.

Наскоро умывшись, ребята направились в комнату. Складывая полотенца в чемоданы, друзья насторожились.

– Сашка! Тебе не кажется, что в чемодане кто-то рылся? – удивленно уставился Прошка на товарища.

– Мой тоже открывали, смотри и рубашки клетчатой тю-тю. Да-с... Пакостное открытие, я бы сказал! – иронически ухмыльнулся Сашка. – Сутки не прожили, а тебя уже грабанули.

Возмутительным казалось явление, что чемоданы тщательно перетрясли, что пропало две рубашки и пара шерстяных носок, тайно всунутых матерью в чемодан Проньке. Несмотря на вопиющее происшествие, в комнате царил абсолютный покой, ибо в ней никого кроме приезжих не было. Молодые рабочие либо умывались, либо ушли на работу, и заподозрить кого-то в воровстве было просто немыслимо.

– Слушай, тебе не кажется, что это тот ухарь по нашим чемоданчикам пошарил. Давай его прижучим немного, – оторвавшись от чемодана, проворчал Пронька.

– Неудобно как-то мы же своими глазами не видели, – отмахнулся Сашка.

– Ничего неудобного. Как он войдет – ты становись к двери, а я поговорю с ним по-мужски. Не найдем так для остратки прочим, чтоб не выделялся.

Едва они успели договориться, как с полотенцем через плечо в комнату ворвался Жора. Как и условились, Сашка быстренько подскочил к двери. Жора выдвинул ящик тумбочки и начал складывать туда принадлежности. Пронька неслышно подкрался к не подозревавшему подвоха парню и цепко схватил его за плечо.

Студенческая разгрузка вагонов сильно укрепила его бицепсы, и хватка оказалась железной. Но Жора тоже был закален в схватках. Ловко присев он вывернулся и удачно хватил кулаком Проньке прямо в глаз. К счастью стоял он нагнувшись, и удар снизу пришелся вскользь по скуле. К тому же сам Жора потерял равновесие и невольно сел на койку, но тотчас ловко спружинил о матрас и вскочил в боевой стойке боксера:

– Тебе чего, перышка захотелось? – огрызнулся он, энергично прыгая перед Пронькой.

Пронька был не столь резв, но выше и явно сильнее, а Жора оказался в неудобной позиции меж тумбочкой и Пронькой. Улучив момент, Пронька по-деревенски стукнул его по башке кулаком и,

схватив за выкинутую вперед правую руку, умудрился подвернуть её за спину.

– Ты, урод! Ну-ка открывай свой чемодан! – тихо, но властно проговорил Пронька и для верности ткнул его второй рукой под дых.

– Заткнись ты, деревня! Тебе что жизнь надоела? Да ты знаешь, какая у меня кодла? Да я сейчас все общежитие сюда приведу, да я,.. – он хотел еще что-то сказать, но Пронька сдавил его локоть со всей силы и еще разик ткнул кулаком под дых. Тот сдался. – Ой, ёй! Руку ломаешь, гад. ... На, смотри! ... Ничего там нет. – Он выдвинул ногой из под кровати небольшую балетку с наклеенными фотографиями красоток. – Сами теряют, все подряд, на других валят. Рубашки да носки только. – Свободной рукой он суетливо выкидывал вещи, стараясь бросать одну на другую.

– Все выгребай шкура, иначе шею сверну и руки повыдергиваю, – прошипел Пронька.

Было явно видно, что парень темнит или время тянет. Возможно он ждал кого другого, но вошел Биктимир. Он сразу понял, что творится неладное.

– Что это у вас происходит? – спросил он.

– Ничего Биктимир, он же тебе сказал: «сами разберемся», вот мы и разбираемся сами.

От двери подошел Седаев и разгреб кучу. Там лежали обе клетчатые сорочки и мамины носки.

– Ну вот, а ты говоришь не он! Я эту шпану насквозь вижу, – полуобернувшись, промолвил Пронька Седаеву. – А ты смотри, парень. Мы таких ухарей били и давили не пересчитать. Еще раз попадешься, башку свернем. А прыгнешь, вообще по стенке размажу. Марш отсюда! – грозно рыкнул Пронька и, выпустив руку, пнул его под зад. Дальше воспитывать было бесполезно. Жора быстренько задвинул чемодан под кровать и ужом выскользнул из комнаты.

– Посмотрим, кто кого. Мы еще вечером посчитаемся, – пригрозил он из-за закрывающейся двери.

Глава 16. НА ПРИЕМЕ У ФИАЛЕТОВА

– Иди, зови свою Валентину, пойдем город посмотреть. Надо или утвердить или развенчать байку, что здесь дома новой планировки, – подтолкнул Седаев Проньку.

– Может спят еще, – отмахнулся Пронька.

– А ты постучи. ... Да стучи ты покрепче, – усмехнулся Сашка, понаблюдав, как Пронька робко стучит согнутым пальцем.

За дверью без стука было все отчетливо слышно, и вскоре в дверную щель показалась Валина физиономия.

– Чего тебе? – спросила она у Проньки.

– Ничего, – смутился он прямого вопроса. – Город посмотреть пойдете?

– Пойдем, ... а вы где завтракали? Наши девочки еще не кушали, а так есть хочется.

– Не тяните резинку, выходите скорей, там в городе позавтракаем. Тут пацаны в умывалке говорили ресторан шик-модерн недалеко, «Голубой Дунай» называется, там и перекусим.

– О! Вы нас в ресторан приглашаете? – с ехидцей подтрунила Валя.

– Какой в этой дыре ресторан может быть, столовка так называется.

Девушки как одна принарядились и вышли неузнаваемые: кто воротничок белый пришил, кто блузку новую одел, или в белые носочки нарядился. Видимо они встали раньше парней и старательно прихорашивались.

– Дунай, Дунай, а ну узнай, где и чей подарок!.. – приплясывая, пропела Одикова. Она уже забыла о вчерашней печальной истории и горела пламенем романтических надежд. – Ну показывайте где ваш «Голубой Дунай»?

Поселок выглядел невеликим, всего три улицы. Знаменитый «Голубой Дунай» на поверку оказался обычной забегаловкой в бараке. Днем там из экономии и скатерки на столах не стелили. Одно удовольствие что рядом, даже из квартала выходить не пришлось. Да и завсегдатаи по утрам не гужбанили и ребята плотно покушали. После дорожной сухомятки с охоткой смолотили наваристые щи и котлеты с макаронами.

После завтрака прошлись на речку Белую, но там все подходы оказались сплошь завалены бревнами. Шел сплав и лесобиржа работала в три смены. Бревна плыли по реке вразброс и навалом, задевая берега и вертясь в заводях. Некоторые устав плыть, ложились на дно. За ними ныряли посиневшие от холода ныряльщики. Блестящие от натуги кони-тяжеловозы обозами тащили длинные роспыски с ровными, словно скалки стволами. За лесобиржей окруженные дощатым забором с колючей проволокой виднелись приземистые бараки.

– Интересно, а зачем тот поселок забором отгородили? – простодушно спросила Валя.

– Дура, это заключенные там поселены. Зеки их здесь называют.

– А заключенные к чему здесь? Тут самим жить негде, еще их обустраивай!

– Работают они. На самых тяжелых работах, – пояснил всезнающий Седаев.

– А где же комбинат? В Сызрани на НПЗ трубы, этажерки. Там сразу видно, что завод стоит, а здесь ни одной трубы, – удивленно вертела головой Валя.

– Наверное, вон там, на горе будет. Примечаешь, туда песок, гравий везут? И рельсы в ту сторону проложены, – присмотревшись, предположил Пронька.

В общежитие возвращались загрустившие, не щибко вдохновленные представшим осмотру пейзажем. Последним унылым штрихом, словно специально подстроенным для новоприбывших курсантов, дорогу молодежи перекрыла длинная колонна заключенных. Они понуро шагали по четыре в ряд, с боков шли солдаты с винтовками на плече, держа за бечевку упитанных овчарок. Ребята еще не знали, что в четвертой шеренге шагают плотник Назеренко с другом Шухевичем.

– Да! Здесь все так, как Фиалетов обещал! Ни дорог, ни квартир, ни машин. Одни конные повозки! И тюрьма под боком, того и гляди прирежут вечером, – расстроено расхныкалась Лида Одикова, когда подошли к дому.

– Не прирежут! Их видишь как охраняют! И забор и собаки. . . – успокоил девушку Пронька, аккуратно счищая налипшую грязь с сапог. За спиной его хлопнула входная дверь.

– Вы где ходите, дуйте скорее в управление! Уже два раза от начальника посыльный прибежал, – встретил группу новоселов озабоченный Ераносов.

– Правда что ли? – забеспокоились девчонки, – а где тут у вас управление?

– Недалече, вон туда. Всего через дорогу перейти. Только ступайте скорей, пока он не укатил на объект.

Круто развернувшись, вся группа направилась по указанному адресу через дорогу.

Здание управления можно было без подсказки вычислить издали по обилию табличек на дверях и призывных лозунгов в простенках окон. Один щит видимо не успели прибить. Он так и лежал вниз призывами, упершись одним концом на забор. На улице стояла группа людей, судя по дорожным сумкам и мешковатым авоськам явно деревенских жителей. Студентов, оказывается, ждали и сразу направили в кабинет начальника строительства.

Входили в кабинет робко, но с интересом, ведь могущество его хозяина тогда было очень велико. Даже в Сызрани о нем отзывались с уважением. Кабинет обставлен аскетически просто: стол обтянутый зеленым сукном и два телефонных аппарата. На передней стене в ряд портреты пролетарских вождей попарно – Ленина со Сталиным и Карла Маркса с Энгельсом. Несколько стульев по бокам стола оставались сдвинуты с мест, видимо недавно закончилось совещание.

– Ба! Да тут невест сколько! Вот наши холостяки будут рады! – удивленно раздалось вместо приветствия. – Заходите ребята, рассаживайтесь. Вот вы какие, современные студенты, – приподнявшись из-за стола, встретил их приветливо улыбавшийся Фиалетов. – Да!.. Сразу видно широкие плечи, светлые головы, не то что наш брат. – Он помолчал, грустно покачав головой. – Как вам поселок, как встретили?

– Мы еще не успели ознакомиться, вечером приехали поздно, утром встали поздно, – за всех на правах старшего ответил Мишка Седаев.

Ребята, а пуще девушки во все глаза глазели на начальника комбината. Пронька сразу узнал кумира. С красивым округлым лицом и зачесанными назад волнистыми волосами, вблизи был

он совсем земной. Даже одет по-рабочему – в клетчатой сорочке с отложным воротником. И разговаривал просто с небольшим украинским акцентом.

– Вот что я вам скажу ребята. Знакомиться придется после. Мы вас очень ждали. Но сегодня вы направляетесь на стажировку. Документы сопроводительные готовы. Денек хорошенько отдохните, а завтра получите командировочные и поедете в Грозный. Там получше учитесь всем тонкостям и секретам технологии. А мы здесь стройкой займемся. Вы подучитесь – мы построим. Приедете, и сразу пускать производства приступим.

Видимо торжественная часть кончилась, Фиалетов встал и вышел из-за стола.

– Ну, что ж, в добрый путь! Всем желаю успехов. Жду всех, особенно вас. – Он всем трим парням крепко пожал руки.

В коридоре путь шумной толпе студентов пересек высокий мужчина в офицерской форме с синими петлицами. Он только что поднялся по лестнице и направился к начальнику комбината. Уже на лестнице они услышали его странный вопрос кумиру:

– Ну что, Алексей Николаевич! Ответ перед органами держать пора... Почему на ТЭЦ трубы воду пропустили?

Что отвечал грозному следователю Фиалетов, они не слышали.

– Вы как хотите, а я сегодня же уезжаю!.. Как тут жить? Это рассадник шовинизма какой-то. Даже самого начальника комбината допрашивают, – заявил Васька на улице. – Если хочешь, поехали со мной, – обернулся он к Одиковой.

– Я бы может поехала, да у меня и денег-то на дорогу не осталось. Мне рассчитаться с ребятами надо, – хмуро ответила Лида. – Васька, а что такое за слово «шовинизм»? – тут же простоудушно поинтересовалась Одикова.

– Точно не знаю... По-моему, когда притесняют кого-то, – подумав брякнул Васька.

Настырный Васька сдержал слово, он собрал вещи и утренним поездом вернулся в Сызрань. Остальные стажеры в то же утро получили командировочные и поездом дальнего следования покатались на Кавказ.

Глава 17. В ГРОЗНОМ

...Грозный встретил ребят не так приветливо, как Уфа. Кроме того, что не было чернильных плакатов и речистых встречающих, моросил дождь, а добираться до завода пришлось самостоятельно. Искусственно сколоченный из массы разбросанных поселков, город оказался запутанным и тернистым для прибывающих. Хотя население в большинстве оказалось русскоязычное, но традиции всюду царствовали кавказские. Контору завода они нашли в самом конце рабочего дня, промокшие и изрядно утомленные.

– Пронька, ноги отваливаются. Любую захудалую комнатенку выбивайте. А то спать хочется – хоть спички вставляй, – напутствовала парней Валентина. Они шеренгой выстроились вдоль стены у приемной отдела кадров. Представительный Пронька вошел в кабинет один.

Опасения девушек были напрасны. Хотя рабочий день закончился, приняли и распределили всех.

– Так. Комната №7. Сразу пойдем поселяться или девчат подождем? – осведомился Сашка, повертев в руках направление, вынесенное Пронькой.

– Их все равно в другое общежитие определяют. Не стоит терять время, идем поселяться, – ответил Пронька.

Барак куда всех поселили, соседствовал с парком товарной продукции нефтеперерабатывающего завода, оттуда доносились паровозные гудки и грохот автосцепок вагонов. Кроме того в воздухе висел густой настой нефтеносных паров и сероводорода. Неподалеку горел факел, неизменно чадя смолисто-черным дымом.

Комнату семь занимали приезжие из Белогорска. Когда в неё вошли новенькие, из четырех жильцов, в ней находился одинокий мужчина. Он сидел за столом и видимо решал задачи. Стопка книг ступеньками стекала с подоконника, и завершалась внизу раскрытым учебником. Парень выглядел гораздо старше и взрослее приезжих, поэтому они обратились к нему на вы:

– Здравствуйте! Мы из Белогорска, стажерами устраиваемся. Которые постели не заняты?

– О, земляки значит? Сасин моя фамилия. Не Засин, а Сасин – все путают. Как говорите, Бураев и Седаев? – он не по глухоте не ра-

зобрал фамилий, как раз загремели паровозные сцепки. – Только с поезда? А мы уже полгода как стажуемся. Кровати вот как раз около стены пустые, занимайте. – Ткнув в по-казенному заправленные постели, он склонился к столу. – Ну вы ребята устраивайтесь сами, мне недосуг немного, я скоро экзамены сдаю – готовиться надо. За три года армейской службы перезабыл все, вот корплю, вспоминаю.

– И много здесь наших, – присев на кровать и снимая сапоги, спросил Пронька.

– Ты не на ту, койку сел, – поправил Проньку Сасин. – Это Кашкина кровать, видишь, фотик на тумбочке стоит. Эх, и напутешествовались мы с ним, 14 дней с Дальнего востока добирались. А потом сюда еще двое суток пилили...

– Вы что Дальневосточники? – уважительно удивился Седаев.

– В армии там служить довелось. С япошками дружбу налаживали, – усмехнулся Сасин, вспомнив годы беспокойной службы.

Седаев уже снял верхнюю одежду и сидел на койке в голубой майке.

– Ты говоришь наших, – обратился он к Проньке. – Каких теперь наших, – засмеялся Седаев, – из Сызрани что ли?

– Да нет, скажешь тоже. Наших из Белогорска много?

– Так и говори... Теперь сам не поймешь – кто наши, кто ваши.

Мужчина с интересом вслушивался в словесную перепалку молодых людей. Прибывшая партия до них была полностью скомплектована рабочими из окрестностей поселка или его ближайшей округи. Тут прибыло что-то новенькое.

– А вы, ребята, откуда приехали? – на всякий случай уточнил он.

– Сами уже не понимаем откуда. Сюда приехали из Белогорска, в Белогорск приехали из Сызрани. Мотаемся поездами уже больше недели.

– Ясно, – мужчина понимающе кивнул головой, – тоже настрадавались значить? Устали? Ну ложитесь да отдыхайте. Завтра займетесь устройством. А наших в Грозном двадцать пять человек, кроме вас, разумеется. ...Ага! Вот и Болелый как раз появился! Знакомьтесь, ребята.

Дверь действительно распахнулась, и в комнату вошел худощавый парень с довольно скучным лицом. И лицом и фигурой он

полностью соответствовал названной фамилии. В руке его висела сетка с красными помидорами.

– Ба, да тут как раз помидорки! К месту, к месту, – Михаил сдвинул бумаги на край стола. – Давай Вась, ложи помидоры-то, небось ребята с дороги перекусить не прочь.

– Сейчас!.. Я для них покупал! – парень выдвинул ящик тумбочки, постоял, подумал и, видимо передумав, задвинул ящик на место. Взяв авоську, он вышел из комнаты.

– Я нарочно сказал, что он угостит, – смеясь, поделился вслед Сасин. – Это такой жмот! Вы думаете куда он пошел?.. Мыть?.. Голову на отсечение, он в туалете весь килограмм слопаёт, потом за живот держаться будет.

– Послушайте, а вы упомянули экзамены в институт, – продолжил Пронька прерванный разговор. – Что здесь и в институт поступить можно?

– А зачем зря время упускать? Я поступаю, если хотите и вы не теряйте времени. Парней там с удовольствием берут. Мне как бывшему военному служащему льготы, вам, небось, тоже льготы положены, все-таки вы техники.

– Сашка, ты как хочешь, я завтра же снесу документы! Правильно человек говорит, зачем время даром упускать? И льготы к тому же.

– Возможно ты прав, но о завтра, давай будем думать завтра. Голова циркулем, спать хочу как из ружья.

– Ты товарищ можешь показать нам, как сыскать этот институт? И как он называется? – настаивал зараженный вирусом высшего образования Пронька.

– Отдыхайте. Я сегодня в ночную смену выхожу, завтра потрянке вас провожу, мне все равно туда заскочить надо. Заодно потом город покажу.

Утомленные дорогой и сменой впечатлений друзья уснули, даже не услышав, когда вернулся Болелый. Они так и не узнали, что пришел он без помидор, а ночь мучился расстройством желудка.

Глава 18. КАВКАЗСКИЕ УСТОИ

Уладив в конторе дела по трудоустройству, ребята получили подъемные и решили «прошвырнуться», как выразился Седаев по незнакомому городу. Гидом взялся быть старожил Сасин. Экзотика легендарного еще со школьных времен Кавказа для провинциальных жителей средней полосы казалась удивительной и непривычной. Он провел новичков по главному проспекту, где ребята полюбовались на лохматые пальмы, остроугольные конуса кипарисов и столбообразные пирамидальные тополя. Затем неожиданно для них вывел к восточному базару. Там царили такой гвалт и гомон, как будто они оказались в содоме и Гоморре! Воображение поражало сказочное изобилие на прилавках винограда, абрикосов и ароматных дынь. Но приятнее всего удивил парней винный ряд. Ребята с удовольствием прошли его до конца, совершенно бесплатно пробуя приторные кавказские напитки.

Легкий хмель и теплый пряный воздух тотчас повлекли на подвиги. Стояли последние погожие дни конца сентября. В средней полосе в это время начинается бабье лето, особенно возбуждающее страсть. Тройка парней бесцельно бродила, попутно знакомясь с окрестностями Грозного.

Они уже подходили к своему бараку, когда в одном из переулков сквозь открытое окно мелькнула симпатичная головка явно русской по виду девушки. Мелькнула и выставилась в окно, заметив тройку ребят. Коммуникабельный Сашка присвистнул от удивления и, немедля развернувшись лицом к фасаду здания, оценил её продолжительным взглядом.

– Девушка, а девушка! – окликнул он, – на улице прелестная погода, а ты сидишь как птичка в клетке.

– Не птичка в клетке, а царевна у окошка. Может я царевича жду!

– Считай, что дождалась. Выходи, да прогуляйся с нами.

– А что вы думаете – не выйду? Вот возьму и выйду! – на удивление девушка отзывчиво откликнулась.

– Ну если через пару минут выйдешь, мы подождем, – обольстительно улыбнулся Сашка. Он посмотрел на наручные часы и вновь кинул взгляд на окно. Головка девушки исчезла. – Вы ребята

ступайте, возвращайтесь одни, – попросил он Проньку с Мишкой. – А я подожду. Здесь близко, уж наверное не заблужусь.

Впоследствии оказалось, что таким нехитрым способом, Сашка познакомился с Майкой – друзья за невысокий рост прозвали её Маечкой. Он ходил с ней в кино, познакомился с сестрой, и все любовные похождения по возвращении поведал Бураеву. Но у Прошки отношения с однокурсницей давно вышли за рамки просто дружеских – там зрела свадьба. Он равнодушно относился к донжуанским подвигам товарища, но однажды Валя Ионова ушла на вахту во вторую смену. Пронька привычно засел за химию и собрался коротать вечер один.

– Пронька! Хватит зубрить! – пристал к нему Седаев. – Пошли со мной, я договорился. Мы тебя с Маечкиной сестрой познакомим. Посидим, в картишки перекинемся. Ты знаешь, вечерами опасно одному в чужом городе шастать. Вчерась у Лебедева ботинки местные хулиганы отняли, – признался он.

– А!.. Пошли! – обреченно махнул рукой Пронька. Ему самому надоело торчать дома.

Познакомились. Сестра оказалась выше Маечки, и всего на полгода моложе Проньки, была недолго замужем, но развелась. Надо сказать женщина редкой красоты. Из разговоров выяснилось, что работает она в торговле, старшим продавцом. Первый вечер посидели квартетом, поговорили, на этом и вечер закончился. По возвращении Сашка берет на себя инициативу по организации новой встречи:

– У тебя Валюха в ночь идет? – уточнил Сашка. – Давай, завтра сводим девчат в кино! – предлагает он. – Приобрести билеты я беру на себя.

– Послушай, неловко как-то. Вроде измена получается, – отказался Пронька. Он был однолюб, к тому же опасался, как бы ни увлечься ослепительной красотой южанки.

– Ты чего мелешь! – возмутился Сашка, – она тебе кто – жена что ли? Потом, я же не невесту тебе навязываю, просто меня подстрахуешь!

– Все! Вот достал билеты! Дорогу-щи-е, на девятый ряд, – похвалился Сашка вечером, где и как он купил эти билеты, не сказал, но пути отступления Проньке отрезал.

На следующий день в назначенный час встретились с сестрами. Сестрицы были готовы и ватага, оживленно переговариваясь, направилась в кинотеатр.

Казус случился в зрительном зале. Все четыре места оказались заняты, но Седаев проявил такой напор и энергию, что Пронька просто диву дался.

– Я ничего не знаю! Я покупал билеты еще позавчера, – раскричался Сашка. Он притащил откуда-то билетершу и энергично совал ей под нос синие квитки.

– Да не шуми ты парень, сейчас все устрою! – отмахнулась билетерша. – У вас товарищи тоже на эти места билеты? – проверила она билеты у конкурентной группы. Там места соответствовали проставленной дате.

– Безобразие! У них на эти места, у нас на эти места! – возмущенный Сашка снова махнул перед её глазами билетами. – Нам что делать прикажете?

– Молодой человек, не шуми. Я приношу извинения. Давайте пересядем на свободные места. Ребята, – попросила она пришедших ранее, уступите места кавалерам с дамами.

Места, разумеется, уступили, но казус на этом не закончился. По окончании фильма, Пронька механически взглянул на свой квиток. Там стояла позавчерашняя дата. Он изумленно остановился.

– Дай-ка сюда билет, – спросил он у своей подружки.

Прежде чем отдать, она тоже взглянула на дату. Все билеты их группы оказались просроченными. Укатывались до слез! Вот если бы их в зале разоблачили! Сашка и сам был ужасно удивлен ловкостью местных мошенников.

– Вот ведь жулик!.. Мамой божился – только что из кассы взял! – восхитился он.

Прошло несколько дней. Пронька все-таки поступил в институт и продолжал встречаться с Валею. Майкину сестру он не забыл, но серьезных видов на неё не ставил. Однажды возвратившийся Сашка заговорщицки отозвал его в сторонку:

– Знаешь что! – зашептал он, опасливо оглядываясь по сторонам. – Хорошо что ты перестал ходить со мной на свидание. Там дела какие-то странные творятся. Короче – арестовали Маечкину сестру за какие-то махинации.

– Как арестовали? – Пронька даже представить этого не мог. – Как арестовали?.. Она же такая красивая, – растерянно промямлил он.

– Откуда я знаю как. Там в доме все плачут, и Маечка на свиданье не пошла.

История с арестом потрясла наивных деревенских парней. За что забрали молодую красивую женщину, никто не знал, но Сашка встречаться с Маечкой перестал, хотя она ему нравилась.

Глава 19. С ЗАДАНИЕМ ПУСТИТЬ ЗАВОД

Заместитель наркома нефтяной промышленности Иван Афанасьевич Кленовский вернулся с коллегии в седьмом часу вечера. Там произошел тяжелый разговор, и он пытался успокоить себя, тем, что не он виноват. Сунув под язык таблетку валидола, он полез в кладовую за чемоданом.

– Вы самоустраились коммунист Кленовский! – принародно орал на него нарком. – Вам партия доверие оказала. По вашим посулам сроки установила. Почему не управляетесь? Год тому назад завод должен топливо выдавать, а там ни единой установки не пущено. Зимой здание управления дотла сожгли. Теперь ТЭЦ пускать надо, они главные водяные трубы додумались из бетона делать! Это же форменный саботаж! В ГУЛАГ захотелось? Это Берия вам устроит. Скажите спасибо, что я прикрываю. Что скажете в свое оправдание?

– Много, ...много причин. – Иван Афанасьевич по привычке к аккуратности, заглянул в небольшой квадратик бумаги. – Все пожалуй не назовешь. Уголь, на который ставку делали не подходит по свойствам. Проект дважды пересматривали и все в сторону увеличения. Инфраструктура при районировании местности просчитана с ошибками, рабочих рук не достает, электроэнергии, жилья не хватает и самое главное местные власти занялись местничеством. Поселок для них совсем инородное тело, заноза стало быть.

– Вот ты езжай туда и занозу эту выдерни. Наведи порядок. Так и быть 250 тысяч рублей и 5 тысяч человек спецконтингента добавлю. Больше ничего не проси. Пятьдесят четвертый год крайний

срок. Не выдашь продукцию, пеняй на себя!.. – он нажал кнопку звонка. – Григорий Васильевич, обернулся он к вошедшему референту, – подготовьте приказ о его назначении начальником комбината. С завтрашнего дня. Идите, собирайтесь.

Оценив щедрость патрона, Иван Афанасьевич даже не думал пререкаться, не то было время. Прикатив домой, он уложил в чемодан брезентовый плащ и резиновые сапоги, бросил зубную щетку, взял на дорогу бутылку молока и заказал на утро машину до вокзала. Сам сел на диван и задумался.

– Опять командировка? – заботливо спросила подошедшая жена.

– Да!.. В Башкирию направляют. Завод там забуксовал строительством, подтолкнуть надо.

– И долго ты там пробудешь? – привычно спросила супруга, командировки в семье случались не так уж редко.

– На сей раз похоже надолго. Ты подготовь детей. Собери одежду, к школе видимо устроюсь и приеду за вами.

На этом семейный совет закончился. Утром 25 июня 1952 года он шагал по коридорам управления комбината, попутно знакомясь с управленческим персоналом. Панорама строительства, куда он выехал после обеда, одновременно поражала своей грандиозностью и незаконченностью. Огромные толпы людей в пестрой массе которых были зыка и вольнонаемные, солдаты и выпускники училищ рыли котлованы под фундаменты, монтировали металлические конструкции и клали кирпичную кладку. Очаги строительных работ были раскиданы от горизонта до горизонта, на десятки километров.

Сапогигодились как нельзя ко времени. Недавно прошел грозовой ливень, и земляные кучи по берегам траншей расплзлись в сплошное месиво. Одетые по столичной моде галоши грязь коварно засасывала. Потеряв одну из них, вторую он снял и безжалостно выкинул. Пешеходные тропки то и дело пересекали разбитые автотранспортом колеи. Кое-где пришлось прыгать по кочкам. Видимо буквально перед ним тракторные траки растеряли утрамбованную грязь.

Вечером Иван Афанасьевич собрал будущих соратников. Некоторых, в том числе главного инженера Рогачева и Алексея Фиалетова он знал по предыдущим встречам, с остальными познакомился по ходу экскурсии.

– Я внимательно читал все ваши сводки, воочию просмотрел площадку. Впечатление, прямо скажем не благостное. В законченном состоянии объектов не просматривается, если не брать во внимание рабочую столовую. – Иван Афанасьевич выдержал значительную паузу. – Не хотелось начинать знакомство с выволочек, но придется. Вот вы ответьте товарищ Рогачев, почему затягиваем пуск ТЭЦ?.. Поймите, это же козырь для ловкачей. Многие сваливают свои промахи на неготовность энергоснабжения.

– На ТЭЦ Иван Афанасьевич у нас собственный главный инженер, он пусть отчитается.

– Он отчитается, с него спрос особый. Пока я с вас спрашиваю!

– Третий котел готов к пуску, проходит обкатку. Есть прорехи, которые на ходу устраняем. Кольца бетонные на водоводе установили – они потекли. Эксперимент как говорят, не удался – меняем на металлические сварные трубы. Эта работа сдвинула график пуска. К тому же не комплектуется по графику оборудование. А которое комплектуется, товарищ Резников не справляется с монтажом.

– Резников, после совещания зайдите ко мне, – раздался негромкий, но повелительный голос начальника первого отдела Рыкачева. Этот голос знали все руководители. Если он кого-то приглашал к себе, не каждый мог от него выйти.

– У нас кадрами кто занимается, Хромилова? М-м... как вас, Анна Алексеевна? Попрошу вас Анна Алексеевна перестроить политику, пора вести прием технологического персонала. Готовьте распоряжения об организации обучения на месте. Формируйте группы и запускайте обучение через учебный комбинат.

Статная и дородная женщина Хромилова за словом в карман не полезла.

– Вы или я учить будем? – бесстрашно глядя на начальника, парировала она. – Преподавателей нет. Пытались договор заключить, да не много желающих грязь месить в нашем поселке.

– Своими кадрами обходитесь. У нас, что выпускников мало? – он усмехнулся. – Ну, что же. На первых порах лично я пойду философию преподавать. Запишите: философия – Кленовский. Технологи пускай технологов учат, киповцы по приборам натаскивают, а инженеров-механиков можно привлечь вдалбливать математику. Привлекайте и шире привлекайте собственных специалистов.

– Не рано ли людей отрывать, Иван Афанасьевич? Мы графики можем сорвать, – озабоченно возразил главный инженер Рогачев. Он только в мае получил выговор на горкоме.

– А вы не срывайте!.. Технолога или прибориста быстро не приготовить. Это вопрос времени. Подготовьте приказ о назначении начальников вспомогательных цехов – цеха КИП, лаборатории и водоканализации. Я подпишу. Давайте подумаем, не пригласить ли нам специалистов на пуск ТЭЦ?

– Вы что же нам не доверяете? – раздался обиженный голос начальника станции Абрамова.

– О доверии и недоверии пусть Рыкачев рассуждает. Но факт с трубами ведь выявлен НКВД. Пришлось самим же переключивать.

– Извините, Иван Афанасьевич! – перебил Фиалетов. – С трубами разбирались, действительно глупо вышло. Там заключенные путаницу внесли, Резников просто не досмотрел.

– Я не пытаюсь искать причины. – Продолжал Кленовский. – Речь идет о сроках, товарищи коммунисты. Опытные люди быстрее пустят. Есть предложение пригласить с командой специалистов Попова из Дальэнерго – на ТЭЦ, на катализаторную фабрику Радзиковского из Грозного. Вы, Алексей Николаевич подтяните газовый завод. Сегодня все свободны. Решения закрепим распоряжениями.

Стулья зашуршали, задвигались, люди вставая и теснясь, пошли на выход.

– Резников, зайдите ко мне, – повелительно напомнил Рыкачев. Фиалетов потоптался у двери и вернулся.

– Иван Афанасьевич! При народе как-то неудобно спрашивать, как моей судьбой распорядиться думаете? Из поселка я не уеду, прикипел нутром.

– Дорогой Алексей Николаевич, не стану кривить душой, отвечу по-мужски! В Москвах вами недовольны. Лично я ваши заслуги признаю и ценю, но здесь я безвластен. Помощник мне бесспорно нужен, и мы, думаю, найдем обоюдовыгодное решение. Пока я осматриваюсь, вы соберите коммунистов и побеседуйте. Надеюсь, они правильно истолкуют ситуацию и окажут вам доверие. Возглавьте партийную организацию и будете мне первым помощником.

– Благодарю за доверие, Иван Афанасьевич! Думаю, что мы сработаемся.

За окном густел темнотой уже поздний вечер, когда соратники покидали кабинет. Свет горел только в кабинете Рыкачева. О чем состоялся разговор Рыкачева с Резниковым никто не ведает, но у Резникова ночью случился инфаркт. К утру он скончался.

Глава 20. КРИЗИС НА КАТАЛИЗАТОРНОЙ ФАБРИКИ

– О!.. Здорово Сасин, и ты здесь? А еще кто из наших работает? – Пронька едва только вошел в широкие ворота установки и сразу наткнулся взглядом на знакомого по стажировке в Грозном парня. Тот с деревянных лесов размашисто красил мочальной кистью уходящий за перекрытие шершавый бок печи. На металлическом ограждении приямка лежал свернутый пополам пиджак с двумя отливающими золотом медалями.

– Привет Пронька! – Михаил бодро спрыгнул, отер о брюки и протянул в приветствии руку. – Ты где пропадаешь? Тут работы непочатый край. Полно наших, почитай весь курс. Только на днях по сменам распределили. Меня старшим оператором назначили, Лешка Манетов в четвертой бригаде старшим оператором, сегодня выходной. – Михаил тараторил как из пулемета, пытаясь быстрее выложить все новости. – Тут опаздывать нельзя.

– Я не опаздываю. Мы с Валею к теще заезжали, в Сызрань. Там погостили пару недель, потому припозднились. А Сашка Седаев где?

– Седаева на нефтянку направили, там новые установки строят и некоторых парней туда перехватили. Да здесь полно наших – Манетов, Кашкин, Лебедев, Патрикеев, Болелый... А директор у нас знаешь кто? Не поверишь, сам Василий Лаврентьевич!

– Да, ну!? Неужели Радзиковский?

– Он самый, собственной персоной! Он не зря сюда каждые полгода мотался, понравились темпы стройки. «Поселок уютный, – говорит». Знаешь что, мы потом еще поговорим. Ты иди вдоль этой шахты в самый конец, там у нас начальник отделения – вот такая женщина, – он обвел руками воздух, показав какая. – Ты ей покажись, она определит, куда пристроить. Найдешь?

– Уж чего тут не найти. Тут, я смотрю все в точности как в Грозном, только стоит не на том месте. На мокрых операциях такое же расположение?

– И там, и на приготовлении растворов. Все похоже, точь-в-точь как фотография. Ну ладно, потом поговорим. Мне же задание выполнять надо.

Бураев направился вдоль сушилки к начальнику отделения, Сасин полез на леса красить. Обаятельная тридцатилетняя начальница определила его оператором сушки в смену Михаила Сасина.

– Будешь выходить, скажи Сасину, что после вахты собрание. Пусть в красный уголок всей бригадой идут.

Чтобы не мотаться туда-сюда на попутках, Пронька нашел Сасина и взялся ему помогать. Тот принес вторую мочальную кисть, и они встали рядом.

– Значит наших здесь много. ...А в Грозном уже лето, – без перехода напомнил он Михаилу.

– Когда мы уезжали, там вовсю жара стояла. Кстати, помнишь у Лебедева ботинки коричневые отняли? Хорошо резвый мужик оказался, убежал. И побить ведь могли. – Воспоминания по стажировке были еще свежи, и друзья отдались им с удовольствием.

– В Грозном мы с Седаевым всегда на пару ходили, – пояснил Бураев. – Мы же в одной бригаде трудились, и жили вместе, и в институт вместе.

– Кстати, да. А с институтом у тебя как? Переводиться думаешь?

– Пока еще не решил. Я же курс не закончил, тут женитьба завязалась. Просто не знаю как быть.

За разговорами работа двигалась незаметно, друзья покрасили одну прокалочную печь и принялись за вторую.

После обеда подошла начальник отделения. Она полюбовалась на слаженную работу молодых работников. И вдруг всплеснула руками:

– Бураев, а ты что здесь делаешь? Тебе же только завтра на работу выходить!?

– Помогаю товарищу... Чего мотаться зря.

– Ладно, помогай. Сасин, бросайте работу и в красный уголок! Ты же знаешь, профсоюзное собрание сегодня, – распорядилась начальница и ушла.

– Тут забудешь! Уж четвертый человек напоминает, – проворчал Сасин. Он спрыгнул с лесов и снял с ограждения и встряхнул пиджак. Медали мелодично звякнули. – Пойдем Пронька.

Здание управление фабрикой, хотя полностью не достроено, в красном уголке уже наставили рядами десятка четыре стульев. Передний угол украшал покрашенный под бронзу бюст Сталина, рядом громоздилась сколоченная из фанеры трибуна. Стол для президиума принесли из кабинета начальника отделения и накрыли красным сатинетом.

Когда Бураев с Сасиным вошли в зал, он кипел как пчелиный улей. Отовсюду тянулся табачный дымок, у стола президиума высокий лысоватый мужчина беседовал с дородной женщиной волевого склада характера. Василий Лаврентьевич завидев Прокофия, приветливо улыбнулся, и кивнул в знак знакомства, но его о чем-то спросил Анатолий Кашкин. Его Бураев сразу узнал, но тот в зал не проходил, а опустился на стул рядом с руководством в президиуме. Про его судьбу разговор не заходил, ввиду того, что он уехал с практики раньше. А тут, оказывается, уже избран редактором стенгазеты, фотографом и председателем цехового комитета.

– Тихо, товарищи, тихо! – застучал он по графину карандашом. – Начинаем. Нам нужно секретаря избрать. Есть предложение Лиду Одикову, кто за? Вот и хорошо.

– Смотри, где это он председательствовать наловчился? – удивился Пронька. Кашкин вел собрание, будто всю жизнь только этим и занимался. – А это кто высокий с Радзиковским сидит?

– Это наш новый начальник комбината. Очень толковый мужик. А женщина рядом – главный инженер Брянцева, огонь баба! Да сам услышишь, – чему-то своему улыбнулся Сасин.

– Товарищи! Сейчас перед вами выступит новый начальник комбината Кленовский, – как раз объявлял ведущий собрание Кашкин. – Он объяснит текущий момент и задачи на будущее.

– Стой!.. А куда Фиолетова дели? Хороший мужик был, красавец и душевный такой! – наклонившись к уху товарища, шепотом спросил Пронька.

– Ой! Тут не поймешь! Его вроде газовый завод подтягивать бросили, – отмахнулся Сасин.

Вышедший к трибуне мужчина выглядел весьма импозантно – независимый поворот головы, гордая осанка и твердый взгляд из-под светлых бровей выдавали волевого и много повидавшего человека. Он внимательно всмотрелся в зал, казалось, знакомясь взглядом с каждым присутствующим. Люди притихли, ожидая чего-то особенно важного. Но речь пошла об заурядных решениях партии, восхвалении Сталина и агрессивности мирового капитализма. Затронул вскользь необеспеченность жильем, разруху. Хотя говорил он явно прописные истины, чувствовалось величайшая осведомленность и скрытая недоговоренность. Наконец оратор приблизился к делам комбината.

– ... Сегодня обстановка такова: на одной установке крекинга монтаж сдерживается из-за отсутствия теплообменного оборудования и механизмов транспортировки катализатора. Строительство другой установки совсем заморожено. Нет двух циклонов, исполнители не изготовили емкостей. Пуск отложен до лета будущего года. У вас мы держим коллектив без малого 400 человек, тратим средства на зарплату. После известных событий, количество рабочих, особенно заключенных, резко снизилось. Чтобы направить средства на ускорение сдачи газового завода и крекингов, предлагаю рабочих фабрики временно распустить, оборудование законсервировать...

В зале повисла мрачная тишина. Кленовский снял пиджак, повесил его на спинку стула и прошел по рядам, внимательно всматриваясь в лица.

– Ну что же товарищи, я все сказал. Возможно, какие другие суждения будут?

И здесь мертвая тишина как будто лопнула. Зал загудел как кипящий самовар:

– Как так заморозить, а нас, а людей?..

– У нас семьи, дети...

– У нас не капитализм, чтоб людей на улицу...

– Нет, мы не согласны...

– Давайте что хотите, а нас не увольняйте.

Бураев слушал выкрики и растерянно озирался по сторонам. «Вот те раз! – подумал он. – Еще не устроился, а тебя уже сократили». Ему казалось, что он нечаянно угодил в стан разъяренных и непримиримых врагов. Он просто боялся пропустить хоть слово – ведь тут решалась и его судьба.

– Хорошо, хорошо, – раздумчиво произнес Кленовский. – Все это хорошо. А может дельные предложения будут?

И тут встала Брянцева и произнесла памятную всем речь:

– Товарищи! Мы с вами вовсе не виноваты, что другие заводы спят и не выполняют заданий. Их надо разогнать, а не нас... И гнать их в три шеи! – женщина прямая и бескомпромиссная, Брянцева распалилась не на шутку. – Но я хочу сказать вот что. Не нужен пока катализатор, не готов завод крекингов его получать. Что же – не беда. Есть иной выход. Мы можем наладить производство силикагеля. Здесь многие знают, что это такое. Это гораздо проще, чуть сменим технологию, пока не будем задействовать прокалку. А сбыт найдется. Сегодня силикагели и военная промышленность ищет и холодильная.

– Вот это я и хотел от вас услышать. От вас, от рабочих и инженеров, – спокойно сказал Кленовский. – Василий Лаврентьевич, а вы что предложите?

Радовался не только Кленовский. «Какая молодец! – восхищенно смотрел на Брянцеву Бураев. – Вот ведь, баба, а как ловко расставила все по местам». Он сразу успокоился и слушал прения сторон уже без душевного содрогания.

Радзиковский степенно вышел за трибуну. Поправил круглые очки и начал негромким фальцетом. Видимо он знал, о чем пойдет речь и оказался заранее подготовленным.

– Предложение Брянцевой разумное и взвешенное. Она человек в алюмосиликатах опытный. Я предлагаю строителей с фабрики полностью вывести, оставшиеся отделочные работы выполним своими силами. И даю слово коммуниста, летом будущего года запустим фабрику.

В зале гул постепенно стихал. Кленовский накинул пиджак, что было проявлением полного спокойствия, и завершил дискуссию словами:

– Это здорово, что коллектив понимает серьезность задачи. Кроме высказанных предложений, я прошу создать «мозговой трест». То есть создать штаб, для научного подтверждения высказанных идей. Подтвердить их расчетами и доказать обоснованно. Есть у вас такие люди?

– Есть, есть! – донеслось из зала. – Мишку Сасина в комиссию включить, он дюже грамотный. Лешку Манетова тоже...

– Смотри, тебя предлагают, – Бураев с удивлением слышал, как уважительно произносились фамилии его соратников по Грозному.

– Это уже конкретно. Спасибо товарищи, – Кленовский сел на место и что-то вписал в блокнот. – Руководителями назначаю Радзиковского и Брянцеву. Желаю вам успеха.

Согласно разработанной мозговым центром стратегии, Бураев попал в бригаду начальника смены бывшего фронтовика Сасина. Этого старшего товарища Пронька уважал еще по совместной командировке и был рад работать с ним аппаратчиком сушки.

Глава 21. В ПРЕДДВЕРИИ ПУСКА

Неутомимый Иван Афанасьевич метался словно заведенный. Днем он проводил совещания, просматривал проекты и подписывал распоряжения, решал вопросы обеспечения и снабжения. Вечером, положив в карман бутылку молока с бутербродом, шел по установкам. Немногочисленные пока установки день за днем принимали все более заверченный вид. Поражая воображение окрестного жителя, росли три высокие этажерки каталитических крекингов. На катализаторной фабрике промывали чаны и обкатывали сушильные ленты. Цепочка начиналась с неё, выглядела она готовей других и Кленовский заглядывал туда почаще.

Сегодня из Донецка прибыла партия стеклоглыбы. Ему захотелось собственными глазами посмотреть на первую партию сырья. Был апрель 1954 года, вечернее солнце багрово висело над громадой тэцовского здания. На территории с десятков женщин в плющевых жакетах сажали в заготовленные ямки прутья тополей. Перекинувшись несколькими словами с работницами, Кленовский направился на установку приготовления жидкого стекла. Когда он вошел в помещение установки под номером девятнадцать, там в полную силу велся слив расплавленного стекла. Из-за отсутствия приспособленной тары, плав сливали прямо на бетонный пол. Пышущие жаром краснозеленые глыбы тотчас намертво пристывали к полу. Собранные с разных установок здоровяки-технологи сбивали их кувалдами и бросали в раскрытые люка автоклава.

При появлении начальника комбината люд замешкался и ра-

бота приостановилась. Его окружили молодые парни, закидывая обыденными бытовыми вопросами.

– А что Иван Афанасьевич, правда у нас комбинат самый большой в мире будет? – наивно спросил крупный деревенский парень по фамилии Вишкин.

– Правда, правда. Вот пустим ваше производство, затем крекинг. Освободятся руки, в городе дома оштукатурим. Побелим, деревьям насадим, не город – сад будет! Э-э-х! Дай-ка кувалду я попробую постучать!

– Вы пальто-то снимите, неудобно кувалдой махать... – подсказали из толпы.

– И много у нас производств откроется? В отделе кадров очередь, а братишка просил узнать, нельзя ли его устроить? – задал вопрос парень в галифе.

– Много. Будет комбинат работать, всем работа найдется! Приглашай и братишку, и сестренку тоже пригласи. ... Вот видишь, какой здоровяк по женской части скучает?! – ткнул он свободной рукой в Вишкина.

Пока мужики гоготали на шутку, он снял и повесил на штревель задвижки плащ-пальто, забрал из рук молодого человека кувалду и принялся разбивать глыбы. И надо сказать получалось у него ладно и расторопно. Удивленные парни наблюдали, как сноровисто и терпеливо он трудился. По хватке начальника, казалось, будто он всю жизнь только и делал, что молотил кувалдой.

Спустя полчаса он утер пот, и посмотрел на часы. Затем отошел в сторонку, вынул из кармана сверток с бутербродом. При его язве, желудок требовал четкого режима питания.

– Ладно ребята, у вас я вижу все идет по графику. Мне еще на ГФУ надо заглянуть, на крекинге кое-что проверить.

Кленовский одел снятую на время работы кувалдой фуражку, накинул пальто и направился к выходу. Рабочие проводили его уважительными взглядами.

– До чего правильный человек у нас начальник, – с восхищением проводил его взглядом парень в галифе. – А как красиво работает, я залюбовался им.

– А рассказывает еще красивее! – вздохнул Вишкин. – Город будет, деревья, бульвары. Так и хочется поверить, несмотря на непролазную грязь.

Глава 22. ХУЛИГАНСКИЙ НАЛЕТ

Привычка Ивана Афанасьевича к ночным хождениям была не безопасной. В городе, где сконцентрировалась масса лагерей, где за год приезжало около 5 тысяч молодых парней с необузданной энергией, кишмя кишели хулиганы и отпетые бандиты.

Очередной обход по территории товарно-сырьевого цеха Иван Афанасьевич закончил, когда начало стремительно темнеть. Там развернули два резервуара и монтировали насосы, опережая график. Удовлетворенный осмотром, Иван Афанасьевич отпустил шофера и надумал немного прогуляться по предместью.

Ночь была теплой, думы о скором пуске цехов одолевали: как все сложится?.. смогут ли деревенские ребята освоить сложную технику? Он уже подходил к дому, но свернув от улицы Пушкина на Стахановскую заметил, как от забора отделилась группа парней.

– А ну, мужик, выворачивай карманы! – ткнул ему в грудь финку небольшой, но довольно юркий юнец.

– Ты что сынок! Не видишь с кем дело имеешь? – хотел было приструнить начальник комбината. Но резкий удар под глаз заставил его усомниться в правильности действий.

– Снимай пиджак и фуражку тоже. Быстро я сказал! – дернул за рукав уже верзила постарше. Пожужжав механическим ручным фонарем, он направил луч на Кленовского. Фонарь моментально погас. – Шухер пацаны, быстро уходим! – раздался голос из массы, и группа мгновенно растворилась в темноте. Возможно, кто-то узнал начальника комбината по известной прическе «под Котовского».

Взволнованный Кленовский не стал терять времени, он тотчас разглядел знакомую калитку и ходко заскочил домой.

– Леонов! – спустя минуту строго выговаривал он начальнику опергруппы. – Что у тебя за безобразия творятся? Ты знаешь, что две минуты назад начальника комбината ограбили? Не знаешь? Так вот знай! Найди их, из под земли, но достань! И всенародный суд подлецам устроим. ...Это ж надо. Средь бела дня шантропа распоясалась.

В трубке видимо пытались оправдаться, но Иван Афанасьевич строго перебил:

– Не надо ссылаться на чеченцев. Я их тоже знаю. Они пожилого человека не обидят. Свои орудуют. Прикрываются командировочными и грабят. Наведи-ка порядок.

К счастью всю банду накрыли тут же в квартале. Они промышляли тем, что срезали с форточек авоськи с продуктами. На этом их и застукали. К утру окончательно остывший Кленовский захотел лично посмотреть в глаза собственных обидчиков. Всех пятерых хулиганов привели к нему в кабинет.

– Ну и кто из вас с меня пиджак снимал? – с любопытством разглядывая притихших урок, спросил Иван Афанасьевич. Хотя он сам уже признал этого парня. Тот исподлобья вертел испуганными глазами. – Как фамилия? – спросил Кленовский.

– Привалов, – ответил парень.

– Где работаешь?

– На ремонтном заводе слесарем.

– Нравится работа?

– А что в ней понравится. Весь день кувалдой стучишь, да на сварку глаза лупишь, а зарплаты никакой.

– Вот что ребята. Зла я на вас не таю. Подумайте сутки. Мы набираем группу технологов и отправим в Саратов на стажировку. Обучитесь, операторами станете. Если хотите, поезжайте с группой.

Заметив, что ребята оживленно зашептались, он намекнул:

– Кстати, это в ваших интересах. Пока практикуетесь, дело позабудется. Иначе вам нелегко будет с подмоченной биографией. Согласны на мое предложение?

– А нам ничего не будет? Правда? Слово даете? – раздались голоса из группы.

– Давайте по-мужски. Вы мне даете слово, я вам. Даете слово, что будете учиться и станете аппаратчиками?

– Да! Да! – дружно загалдели парни.

– Пусти ты их, Леонов. Не совсем пропащие ребята. Я уверен завтра все придут с заявлениями, – распорядился Кленовский, и ватага бывших хулиганов понуро покинула кабинет.

– Ой, рискуете вы Иван Афанасьевич, – недовольно высказался Леонов, когда закрылась дверь за последним уркой. – Мы всю ночь за ними гонялись, а вы всю работу насмарку свели. Теперь вечером опять гоняйся.

– Очерствел ты, Леонов, на оперативной работе. Не все молодые люди уголовники. Ну позудели нерастраченные силой мускулы. Они же поняли, что есть другие, более благопристойные занятия, остепенятся. А посади ты их, тюрьма совсем сломает.

На другой день Кленовскому доложили, что четверо его обидчиков направлены в командировку. Не поехал один Привалов

– Ну вот, – задумчиво произнес он, – из четверых восемь человек сделали. Четверых не потеряли и четверых нашли!

Глава 23. ПУСК КАТАЛИЗАТОРНОЙ ФАБРИКИ

Когда Бураев вошел в операторную, там было непривычно шумно. Сасин требовательно махая кулаком сверху вниз, что-то настойчиво доказывал механику Алексееву. Владимир Павлович вполуха слушая, пересчитывал пальцем дренажные вентиля, разложенные у стены. Сдающий смену Тибеев младший записывал на режимном листе режимные показатели. Бураев пошел вдоль щита, расписываясь на картограммах.

– А я говорю, надо останавливать ленту. Тянуть нечего. Ворошители надо установить по зонам, иначе так и будут шарики трескаться.

– Достал ты меня со своими ворошителями. Где я их возьму? Вы режим температурный по зонам правильно держите, вот и не будут трескаться.

– Изготавливать надо. По чертежам. Чертеж я нарисовал, хочешь покажу? – не отставал Сасин. – Пронька, ты как вахту принимаешь? – без перехода обернулся Сисин к вошедшему Бураеву, – не видишь, температура в четвертой зоне на 10 градусов ниже нормы?

– Я ленту немного ускорил, выработка от плана отстает, – пояснил сдающий смену оператор.

– По чертежам, по чертежам, а металл кто бы нам дал? Спецсталь нужна, там же температура высокая.

– Пронька, немедленно убавь скорость! – скомандовал Сасин, – брак пойдет. Володя, я Радзиковского уже убедил, никуда не денешься, – будто он не прерывал разговора, продолжил Сасин

убеждать Алексеева. – Бери чертеж и изготавливай ворошители. Я думаю, он распоряжение на остановку напишет.

Бураев молча развернулся и пошел к лестнице на сушильную камеру приоткрыть пар на четвертую зону. Продолжения перепалки он уже не слышал.

Июль месяц оказался весьма напряженным. Пробно запустили одну нитку сушки, но она не шла. То сушильная лента порвется, то шарики растрескаются, то уровень в чане перельют и брак выше нормы. Начальство нервничает. Бураев с Сасиным, ежеминутно заглядывая в люк камеры, заметили – загрузка идет не ровным слоем, значить воздух прогревает шарики неравномерно, отсюда брак. Слой надо ровнять. Кое-что еще предложили. Но Радзиковский заупрямился.

– Не дам, – говорит, – останавливать. Вы записывайте. Вы недостатки все записывайте. Потом остановимся на недельку и все дефекты разом выправим.

На удивление, Сасин в технологии очень быстро ориентировался, он уже целый блокнот замечаниями заполнил. Даже на затарке придумал спарить тягой два шибера, чтоб одним махом порцию отсекал. Говорят, на растворах посоветовал прибор поставить, чтоб концентрацию автоматически поддерживать. «И когда только он успевает, – удивлялся Бураев, – работает по сменам, в институте учится, да еще приборы изобретает». К осени Сасин стал начальником смены, старшим оператором назначили Бураева.

В кирзовых сапогах и серой вельветовой куртке Бураев медленно шагает узкой площадкой сушильных печей, внимательно вслушиваясь в многоголосый вой вентиляторов. В правой руке он держит толстый крючок для вращения штурвалов, в левой снятую рукавицу.

– Здравствуй, Лена, – кивком головы на ходу приветствует он оператора загрузки. – Как уровня в бункерах держатся стабильно?

Положив крючок поперек металлических бортов короба, он взял торчащий в бункере шест, размахнул концом коричневатую шапку пены и промерил уровень раствора. Промерил в одном, затем в другом бункере.

– Шибер приоткрой чуток на второй нитке – высоковат уровень. Передерживаем шарики на пропитке, – он чуть провернул штурвал заслонки: – вот так пока держи.

Сам направился на площадку второй нитки.

С боков тесной площадки динозаврами вздымались покрытые мокрой изоляцией трубы и надрывно визжали вентиляторы. У вентилятора третьей зоны с ведром солидола стоял машинист Миша Гуссейнов и ладошкой набивал солидол в масленку.

– Как Миша смазка держится? – обходя его стороной, спросил Пронька. Сам потрогал тыльной стороной ладони подшипник. – Не жалея масла, теплый подшипник-то.

– Федорыч, как же он не будет теплый, если температура в печи 170 градусов, – отвечает Миша. – Тут с меня самого пот градом льет.

Тем временем изнутри печи донесся металлический скрежет, будто железным плугом прошлись по асфальту.

– Стой Миша, кажется лента перекосилась! – Тюгаев бросился к лестнице. Он добежал до редуктора и резко повернул вниз ручку двигателя.

Скрежет прекратился. «Надо сказать Алексееву, пусть трос по всей длине натянет, чтоб дистанционно останавливать можно было, – подумал Пронька» и с усилием повернув стопорные рычаги, открыл люк камеры. С камеры пыхнуло перегретым паром. Прикрыв глаза рукой, он заглянул внутрь. Там словно в адском пекле вращались космы тумана и лишь минуту спустя в тумане, как на фотобумаге в проявителе, проявилась лента с зеленовато-желтыми шариками.

– Так и есть!.. Опять ролик с полоза слетел, – недовольно буркнул Пронька. – Миша! Поди сюда, – окликнул он машиниста.

Тяжело загремели кованные сапоги и Миша тоже заглянул в люк.

– Лента слетела? – участливо спросил он.

– Не суй нос. Обожжешься. ...Дуй монтировку и лом неси, – немного подумав, скомандовал Тюгаев.

– Я буду монтировкой прижимать, а ты ручку пускателя двигателя взад-вперед дергай. Попробуем на ходу направить.

Спустя десять минут лента встала на место.

– Видишь, Миша, – поучительно произнес Пронька, – маленький перекокс в температуре сразу направляющие перекашивает. Вот лента и слетает.

Хлопнула входная дверь и к мужчинам подошел озабоченный Сасин.

– Пронька, что у тебя стряслось? – спросил он, заметив лом и монтировку.

– Да лента с полоза слетела. Ты правильно предлагаешь воронители ставить, так и будем мучиться.

– Ты сам что ли устранил, без слесарей? – спросил Сасин.

– Ты знаешь! Я пришел к убеждению: работа, которую бригада слесарей растянет на два рабочих дня, двое аппаратчиков выполнят за два часа. Слесарей пока найдешь, пока организуешь все шарики в брак пойдут! Мы с Мишей поправили.

– Вижу растешь Прокофий! – похвалил Сасин. – Между прочим, ты присматривайся, где можно смекалку применить, – посоветовал он. – Ты грохот сколько раз в смену чистишь? Пять или шесть? А ты предложи там щетку металлическую поставь и пусть автоматически постоянно чистит. Запомни мой девиз: коль Сасин взялся за дело, его обязательно усовершенствует!

– А у меня отец не так говорил: Где Бураев руку приложил, там любое дело на лад пойдет! – в тон ему заметил Пронька. – Ты знаешь, Михаил, – совсем некогда думать! Адская работа, – смущенно оправдался Бураев. – Сегодня лента порвалась, надо семь вентиляторов отключать бегом бежишь, пар перекрывать. Потом словно шахтерам, согнувшись в три погибели, шихту из-под ленты выгружать. Пустили сушилку – все вентиляторы в работу запускай и пар принимай. Дома дочка маленькая, только придешь с вахты – она играть лезет. За день так измотаешься – до изнеможения.

– А ты знаешь зачем я сюда шел? – таинственно улыбнулся Сасин.

– Помочь, наверное, хотел, небось диспетчер наябедничала про неполадку, – Пронька тоже добродушно засмеялся.

Но Сасин полез в нагрудный карман и достал вчетверо сложенный лист бумаги.

– А все и нет! ... Вот! Бери и помни! Повестку в управлении дали. В армию тебя призывают.

Пронька горестно вздохнул, взял и повертел повестку в руках. Потом небрежно сунул её в брючный карман и направился на затарку. Там скопилось стопка затаренных фасовщицей мешков.

... Ты все подшипники промазал? – машинально спросил он у машиниста Миши, относившего монтировку с ломом в кладовку.

– Нет, еще седьмой вентилятор не смазал.

– Ну продолжай, я пойду к Маше – мешки фасованные соштабелюю.

– Ого! Вон сколько ты тут накидала. Иди передохни, пока я в штабель сложу, – распорядился Пронька. – О! Семь часов уже. ... Маша, я сегодня гуся принес. Ты погрей-ка его на пару, да стол накрывайте. Обедать пора.

Маша прошла в крохотную бытовую комнату, где одиноко стоял покрытый синим пластиком стол, и принялась хлопотать с обедом. Пронька снял куртку и, играя мышцами, принялся складировать фасованные мешки в стройные стопки.

– Тебе помочь, Федорыч? – спустился с камеры Миша.

– Ты Миша руки помоешь, да сбегай, сними картошку. Я на воздуховод пяток штук положил. Девочки кушать пошли готовить. Как соскладирую мешки, все вместе перекусим. Ты когда за монтiroвкой бегал Вдовин там, в операторной?

– Да, в операторной. За режимом следит!

– Беги Миша за картошкой, покушаем да пойдем прямок откачивать...

...Когда он отпер дверь домашней квартиры, жена ждала его в напряженном молчании. Она поставила на стол сковороду с яичницей и неожиданно всхлипнула.

– Ты чего это Валя? – удивился Пронька, – либо случилось что?

– На вот! Повестку тебе прислали!.. Ой господи! – заголосила она. – Да как я теперь одна с ребенком жить буду. И за что мне такие муки.

Она протянула вдвое сложенную четвертинку бумажного листа. Пронька внимательно прочел содержимое.

– Блин, вот бюрократы! – ругнулся он. – Туда прислали, сюда прислали. Я убежать собрался что ли? Да ладно, будет тебе хлюпать, – успокоил он жену. – Не на фронт же призывают! Завтра уволюсь, и отвезем дочку твоим родителя. А ты пока одна поживешь. Ты же работаешь, не пропадешь в коллективе.

Он притянул жену и улыбнулся. Валя доверчиво прижалась к его груди.

Спустя несколько дней Прокофий Бураев отбыл на солдатскую службу.

Глава 24. САСИН В УФИМСКОМ НЕФТЯНОМ ИНСТИТУТЕ

– Можно войти? – в одной из аудиторий местного филиала Уфимского нефтяного института приоткрылась дверь и в щель проснулась остроносая голова Сасина.

– А Михаил Сасин и опять как всегда опаздываем. Ну заходите уж. Извольте порадовать нас своим присутствием. Кстати, почему опаздываем? Пятый курс не первый, надо посерьезнее относиться к учебе.

– Я и так серьезно. Спешил так, что даже домой не заскочил. Катализаторную фабрику пускаем, тьма всяко-разной работы. Мы там новую технологию осваиваем! Кстати, я вам расчеты принес, химизм реакций написал. Силикагели вместо катализатора выпускаем.

– Потом, потом. Проходите Сасин. Не срывайте занятия.

Сасин прошел и привычно присел за парту рядом с Володей Гермашем. Молча поздоровавшись, они продолжили конспектировать обзорную лекцию. До звонка оставалось десять минут, и Сасин никак не мог встроиться в ритм лекции. Он едва успевал переписывать формулы из тетради Гермаша.

Звонок застал молодых людей в самый разгар перелета пи-электронов на восьмую орбиталь атома.

– По-моему ты ему что-то не договорил. Видимо еще чем-нибудь кроме пуска занимаетесь? – спросил Гермаш, едва передохнув от скорописания.

Они вышли в коридор и встали у окна. Оба не курили и не бегали по курилкам, что давало возможность спокойно побеседовать по душам.

Сасин при вопросе товарища, сразу сел на любимого конька. Ему нравились разговоры на технические или научные темы.

– Понимаешь, вычитал я в литературе, что американцы над аэрогелем работают. Вещество такое – твердое, но сверхгорючее, в ракетном деле очень необходимое. Пытаюсь убедить руководство опытную установку построить.

– Что, получается?.. Убедил?

– Получается... – Сасин, глубоко вздохнув, искоса заглянул в лицо собеседника. – Получается, только предлагают мне опытный цех возглавить. Там тщательно теоретическую базу проработать,

потом вести предметный разговор. А мне, сам понимаешь, еще институт добить надо. Просто хоть разорвись – там пуск, там институт, там опытная работа. А наемни Кленовский приехал с пленума, тому нефтехимию подавай.

– Слыхал. Он на обкоме с этим рассуждением выступал. Не только нефтехимию, уже минеральные удобрения освоить предлагает. ...А ты не разрывайся. Ты возьми и получение аэрогеля оформи как дипломный проект. Два зайца поймаешь – теорией в институте с профессором будешь заниматься, курсовой сделаешь и опыты официально проводить сможешь. Потом диплом защитишь. ...Помощников только толковых надо подобрать.

– Слушай, а ты башка! Как я сам не додумался. Помощники как раз есть: Веселовский, Потеряхин. Очень толковые ребята.

– Если толковые, за них крепче держись. Ты их направляй в нужное русло, они будут работать. Кстати, меня в обком пригласили, вторым секретарем. Обращайся ежели что, помогать буду пробивать преграды бюрократов.

Сасин не любил ничего откладывать на потом. Он оформил в качестве дипломной работы проект установки получения аэрогеля. К счастью, декан оценил уникальность проекта и дал зеленую улицу. Результаты обнадежили руководство комбината. Его пригласили к Кленовскому.

– Так вот ты какой! – с удивлением рассматривая невысокого, но плотного и начинающего лысеть Сасина, вымолвил Кленовский. – Наслышан о твоих изобретениях, очень лестные отзывы. Это правда, что в тебе исследовательская жилка бьет?

– Бьет не бьет, но чистую науку люблю. Не могу равнодушно смотреть, где несовершенство замечаю. Все хочется поправить, усовершенствовать.

– Это очень здорово. На этом этапе нам именно такие неравнодушные люди нужны. – Кленовский встал, подошел к Сасину и потечески похлопал того по плечу. – После запуска спутников, у нас некоторые перспективы просматриваются. Ракетное топливо скоро понадобится в промышленных количествах. Надо быть готовыми. У нас созрело предложение. Ты возмись-ка и организуй на базе лаборатории опытно-исследовательский цех. Будешь над топливом работать. Проектировщики ошибаются, исследовательские рабо-

ты затягиваются, потом слишком много просчетов от институтов приходит – надо самим о себе заботиться. Короче: – вот приказ, знакомься и визируй.

Таким образом, Сасину предложили углубить работу, возглавив опытно-исследовательский цех.

– Ребята, – заявил молодой инженер на первом утреннем совещании. – С сегодняшнего дня объявляю по утрам мозговой штурм. 15-20 минут обсуждаем теоретические вопросы, затем текучка. Иначе нас текучка просто заест.

За год теоретической работы, теперь уже Михаил Федорович, аэрогель в лабораторных условиях получил. Прослышав о положительном результате, его опять приглашает Кленовский. Он ждал Сасина в просторном кабинете недавно отстроенного здания управления.

– Получил? – коротко осведомился он.

– Что получил? – не понял подвоха Сасин.

– Аэрогель получил, спрашиваю?

– В лаборатории получил, Иван Афанасьевич.

– Продукт получил, диплом получил. Это конечно хорошо, но нам нужен твой продукт в жидком виде и транспортировать удобно и заправлять проще. Подумай и строй установку получения продукта... Давай назовем его «Продукт...», ну скажем «один»! Устроит? Тогда забирай Веселовского и строй установку в катализаторном цехе.

Большие глаза Сасина округлились и стали еще больше.

– Так это не мое хозяйство, и проекта нет.

– Проект у тебя в голове. А на хозяйство с завтрашнего дня тебя назначаю. Там кое-что подтянуть требуется. Именно твой настырный напор там нужен. Слышал, на второй очереди Ткач систему заморозил?

– Еще и систему. – О том, что при зимнем пуске разморожена установка приготовления растворов, Сасин краем уха слышал. – Не многовато ли будет? Систему восстанавливать, вторую очередь пускать и установку монтировать?

– Ты не все знаешь, – лукаво усмехнулся Кленовский, – еще установка получения жидкого стекла в цехе строится. Поэтому тебя туда и назначаю. Ты молодой, ты справишься. Я вот старик и то видишь, взялся за минеральные удобрения. Нефтянку поднял. А ты сдюжишь, иди принимай хозяйство.

Глава 25. ШПИЛЬМАН

Лагеря изолировались от окружающего мира. В новом бараке Шпильману даже понравилось. Никакой связи меж лагерями, все-таки работали заключенные над секретным объектом. Зеки хорошо питались, одевались, пользовались первоклассной библиотекой, кинотеатром, к ним со спектаклями приезжали столичные знаменитости. Получали зарплату. Лагеря были полностью самокупаемые, излишки, оставшиеся после вычета на содержание лагерного рабочего, переводились на его банковский счет. 50 процентов своего заработка он мог переводить со своей сберкнижки родне.

Шпильман величественно восседал в конторке за столом и, со щелканьем передвигая деревянные костяшки счет, заполнял графы в журнале. Вокруг него толпились бригадиры и мастера.

– Запиши мне двадцать метров траншеи на человека.

– Не могу! По замерам учетчика только шестнадцать получается, а ты говоришь двадцать!

– А разгрузку столбов три кубометра, я после работы делал? Ты Могилину написал, а у нас с ним выработка одинаковая. Сам замерял. Пиши двадцать – сочтемся.

– Ладно, последний раз приписываю! Заходи, вечером поговорим.

– Моя бригада 15 столбов установила... – докладывал следующий бугор.

Здесь, почти повсюду, на всех должностях были задействованы сами зеки. Они сидели в бухгалтерии, плановом, экономических и других отделах. Особо проверенным заключенным выдавали оружие, и они охраняли зону. Стояли на вышках, ходили в конвой. Их прозвали «самоохранники». Коммуникабельный Шпильман попал в среду, где правит хитрость и ум. Занимаясь коммутацией связи, он вынужденно познакомился со многими руководителями. Связь применялась воинская, коммутаторы часто давали сбой и Шпильман стал весьма популярным человеком на стройплощадке. Спустя год он уже подпольно собирал с зеков дань. На эти деньги покупали водку и приносили в лагерь. Порой сами надзиратели снабжали зеков водкой. Эта водка шла на подкуп начальства. Опытный и хитроумный Шпильман умело входил в доверие. Достаточно было принять

подарок, преподнесенный, якобы от имени всей бригады, и человек считался купленным. Работая связистом, Шпильман расставлял сети и заводил знакомства среди вольнонаемных косвенным путем, не брезгуя подслушиванием разговоров.

– Как хочешь, две машины раствора отпусти на узел связи! – требует Шпильман у начальника растворного узла.

– Как я тебе дам у меня очередь на неделю вперед расписана.

– Не дашь, твои вчерашние похождения на столе в парткоме будут, понял? «Ирина поехали со мной в Ишимбай...» – Шпильман изобразил, как начальник растворного уговаривал жену начальника стройрайона на интимное свидание.

– Ладно, не болтай лишнего. На какой объект подвозить? – смягчил тон собеседник.

Выклянчив безлимитный раствор и кирпич, он построил большую телефонную станцию, тем самым проявив себя деловым и оборотистым руководителем.

Он ловко использует знакомства с персоналом женского лагеря и организует там притон. Услугами путан сутенера Шпильмана пользовались многие руководители. В конце концов дело получило огласку, а нечистоплотные руководители сроки.

Даже на этом провале Шпильман укрепляет позиции. Он ставит пострадавших начальников в лагерях на хлебные должности, распускает сплетни о наветах и всячески выказывает свою преданность.

Но вот в политике подули новые ветры. После двадцатого съезда два месяца творилось неведь что. Стройка будто замерла – заключенные не работали. Прошел слух о поголовной амнистии. С раннего утра 9 июня 1956 года у канцелярии толпится группа зеков. Шпильман с чемоданчиком растолкал зеков и встал первым у зарешеченного окна канцелярии.

– Сейчас пойдут на букву «Ш», – его лицо заметили и из окна тут же доносится голос: – Шпильман! Получите документы об освобождении. Тут справка, сберегательная книжка с перечислением зарплаты и проездные билеты до места жительства.

– Мне, начальник, проездные не надо. Мне дорожные тоже деньгами начислите, я здесь остаюсь, – льстиво выговаривает Шпильман в окно.

– Удивительно! Вы же коренной москвич? Неужели в Белогорске останетесь?

– Прикипел я душой к этой стройке. Тут работа надежная, перспектива. Начальство жильем помочь обещало. Нет, я твердо решил – останусь!

Заключенный Шпильман освободился с клеймом невинно репрессированного, то есть пострадавшего от власти. Его отказ уехать в столицу высоко оценен руководством и он, как опытный специалист, назначается главным инженером узла связи.

Шпильман водки не пил, в карты не играл и никому не отсылал зарплату. Потому за время отсидки смог накопить приличный капитал. В первый же отпуск он снимает с книжки 50 тысяч рублей и под предлогом поведать родственников едет в Москву. Оттуда возвращается на новеньком автомобиле «Победа» и с партийным билетом в кармане.

Контора связи ютилась в бараке старого управления. Вольнонаемный Шпильман и на скромной должности главного инженера узла связи смог раздуть авторитет еще выше.

– Таня, пусть зайдет бригадир линейщиков с журналом очердников, – дает он указание секретарше.

– У тебя в резерве сколько номеров? – строго спрашивает он с подчиненного.

– Двенадцать, но...

– Без всяких но. Поставь телефон главврачу больницы и брось воздушку начальнику гаража.

– Начальника гаража полгода как подключили.

– Это другой. Там перестановка случилась. Ты что рассуждаешь, а грузовик тебе не может понадобиться? Ты бобины с кабелем на руках носить собрался?

– Ну начальник гаража еще куда не шло. Хотя мог бы потерпеть. А с больницей как, она же совсем не в нашей системе?

– Сказано поставь! Там Сидора Ивановича дочка лежит, а Сидор Иванович промтоварной базой командует. Ты что, одежду и обувь жене в магазине покупаешь? Нет? Вот так вот. И я на базе отовариваюсь, потому иду на издержки.

Обаятельный красавец, любимец женщин и обладатель редкого автомобиля, он пользуется непререкаемым авторитетом среди ру-

ководителей. Удачно восстановившись в партии, он выступает на каждом собрании и вскоре оказался избран в члены бюро.

Прошел год. Шпильмана назначили начальником узла связи. Однако вскоре он сменил профиль профессии. Каким-то путем разузнав, что первый секретарь горкома Якимов собрался в выходные за грибами, он будто случайно встретил его в лесу. Сделали привал. Шпильман достал из рюкзака початую бутылку водки и налил по сто грамм фронтовых. Выпив, разговорились.

– Помню, стояли мы в Прикарпатье, там оянт – косою коси – в тот год уродилось, – завел разговор Шпильман.

– А вам тоже приходилось в тех местах бывать? – живо заинтересовался Якимов. – Я ведь по карпатским лесам бендеру выкорчевывал. Признаться, не до грибов нам было.

– Бывал. Я же в строительных частях служил, мосты восстанавливал, – не давая разговору затухнуть, ответил Шпильман. – Приходилось кругляк заготавливать в лесах. Благодатные, я вам скажу, края.

Ловко направленный в удобное русло разговор потек сам собой. Шпильман с таким знанием и пылом рисовал окрестности Прута, что Якимов полностью утвердился в его принадлежности к строительным войскам.

Но Шпильман не за грибами шел в лес. Ему позарез хотелось войти в доверие к главному партийному боссу. Для упрочнения доверия он решил выложить козыри из прослушиваемых телефонных разговоров.

– Неудобно сказать, Николаичь, – вновь повернул он нить разговора в нужное русло, – но парторг завода на днях на тебя телегу в обком накатал.

– Чего ты говоришь? – лениво отмахнулся Якимов, – ваш парторг преданный член партии и хороший друг. Он за чистоту рядов в партии как лев бьется.

– Я бы не говорил, да собственными ушами слышал его телефонные переговоры с первым. Лев – он зверь коварный. Таит он зло за пазухой, вот увидишь.

Умудренный политическими интригами Шпильман не стал развивать темы. Главное дело он сделал – зажег огонь сомнения в груди собеседника.

Возвращались Шпильман и Якимов если не друзьями, то хорошими приятелями.

А искра пламени разгорелась. В том же году на партийной конференции парторга переизбрали. По рекомендации Якимова секретарем парткома комбината избрали Шпильмана. Тем временем, завершая строительную фазу, комбинат ведет планомерный пуск установок.

Стремительная карьера приглушила бдительность Шпильмана, и он допустил тактический промах. За удачный ввод в эксплуатацию первых установок нефтянки обком прислал разнарядку на награждение работников правительственными наградами.

В кабинете начальника комбината Кленовского сидят три ветви власти – секретарь парткома Шпильман, председатель профкома Кашкин и начальник комбината.

– Товарищи руководители! – берет слово Шпильман. – Обком срочно затребовал списки на награждение государственными наградами. Не будем терять времени. Дело это политическое и давайте решать по-деловому.

Но спор, однако, разгорелся.

– Наградные списки предлагаю раздать по введенным в строй подразделениям, там есть руководители, они сами разберутся, – спокойно предложил Кленовский.

– Как это разберутся? – возмущенно прервал Шпильман. – А партком для чего существует? Устав забыли? У нас партия не только направляющая, она и руководящая! Во! – Он поднял вверх указующий перст. – Вообще если награды прошли через обком, один орден автоматически вручается секретарю парткома. Вы что азов демократического централизма не знаете?

– Извольте, Михаил Григорьевич! Какое отношение к технологии имеете вы лично? Вы же строитель, и стаж у вас без года неделя! ...И лагерь как никак за спиной.

– Вот, вот! Вы материалы двадцатого съезда видимо плохо изучали. Там отлично сказано: был культ, всех пострадавших восстановить и реабилитировать! Вы обернитесь, а кто вам строил установки, не репрессированные? Да я их с фундамента закладывал. Я больше вас всех школу труда там постиг. Кому из вас довелось на нарах пострадать?

– Я думаю прав Шпильман. Секретарь парткома и председатель профсоюза должны в первую очередь быть награждены. Как организаторы и вдохновители, – поддержал Кашкин.

– Не будет этого! – резко произнес Кленовский. – Ордена получают люди их заслужившие! – сказал, как отрубил.

Оскорбленный Шпильман тут же набрал номер первого секретаря:

– Товарищ Якимов! – произнес он в трубку, – у нас что, начальника комбината партийные указания не касаются?.. – Он помолчал, видимо в трубке что-то отвечали. – Ну хорошо, хорошо! Сейчас я подъеду и все объясню... – Он положил трубку на рычаг и торжественно взглянул на Кленовского.

Спустя пару недель, пиджак Шпильмана украшал орден Трудового Красного Знамени. Пиджак орден украсил, но репутацию Шпильмана в глазах первого руководителя Кленовского основательно запачкал. Нет, раскусить его никто не смог, просто стали два первых руководителя заклятыми недругами.

Глава 26. ПОД ТАНКОВОЙ БРОНЕЙ

Пронька отбывал срочную на Апшеронском полуострове Азербайджана, в зенитно-артиллерийском полку. Полк стоял в небольшом поселке Забрат, где население по-русски изъяснялось с трудом и солдаты обходились без увольнительных. За год службы Пронька досконально изучил свою 76 миллиметровую пушку и к лету стал наводчиком.

Полковые учения для их зенитного дивизиона продолжались почти неделю. Расчет орудия, в котором Пронька Бураев служил наводчиком уже в четвертый раз менял позицию. При каждом развертывании зенитчики, скинув гимнастерки, натружено копали окопы и капониры для пушки. Сейчас они закреплялись на небольшом пригорке, помеченным на карте как высота № 173. Оборудовав капонир и натянув маскировочную сеть, солдаты расчета присели на раздвинутые станины лафета. Утерев пот, они дружно взялись за папирсы. Командир орудия что-то оживленно рассказывал молодому

лейтенанту с белой повязкой на рукаве. Они беззаботно смеялись, видимо разговор шел о чем-то непринужденном. Прикрепленный посредником, лейтенант прибыл проверить готовность расчета к отражению танковой атаки.

Некурящий Пронька взгромоздился в металлическое кресло наводчика и облюбовывал в прицельную щель сектор обстрела. Перед взором по бескрайней долине убегала вдаль проселочная дорога с глубоко выбитыми колеями от тележных колес и конских копыт. Справа от дороги росла небольшая кипарисовая роща, над которой колоннами парили остроконечные кроны пирамидальных тополей. На проселке расплывалось рыжее пятно. Приглядевшись внимательнее, он понял, что это клубится пыль.

– Танки! – возбужденно завопил он, – Вон, вон со стороны Забрата наступают!

– Расчет, рассредоточиться!! Всем встать по местам! – командовал командир орудия.

Сам поднес к глазам бинокль и стал крутить окуляр. По дороге, курсом на их одинокое орудие мчались колонной три танка. Вернее проселок с тележными колеями самопроизвольно выводил их на позицию зенитчиков. Хотя расстояние оставалось не менее пары километров, было видно, что подозрительную возню на пригорке заметили, и хобот передней пушки, пошатываясь, целится на пригорок.

– Трубка пятнадцать, прицел сто двадцать. По наземной цели, подкалиберный зарядай! – командовал сержант.

– Даю вводную! – подал голос посредник. – Вы товарищ сержант убиты автоматной очередью. Ваши действия? – обратился он к расчету.

Частые выезды на учения уже отработывали данный вариант боевых перестановок, поэтому Пронька автоматически соскочил с кресла, его место у визиря столь же привычно занял заряжающий.

– Расчет, слушай мою команду! – крикнул Пронька. – Подпустить на расстояние прямой наводки. ...Без команды не стрелять!

– Противник вас обнаружил. Орудие повреждено снарядом. – Указания посредника были беспристрастны и спокойны. Он взглянул на Бураева.

– Разобрать противотанковые гранаты и занять окопы, – командовал Пронька. Сам схватил скатку с плащ-палаткой, лег на живот и пополз с пригорка навстречу первому танку.

– Ты куда? – закричал командир орудия.

– Вы молчите, вы убиты, – одернул его посредник. Сам с любопытством наблюдал за действиями Проньки.

«Только бы не заметили! Только бы не заметили! – думал Пронька». Танк за травой он не видел. Только по дрожанию земли почувствовал – пора! Он еще от орудия заметил, что средняя колея дороги в этом месте значительно углубилась. До многотонной туши танка оставалось не более десяти метров, когда он скатился с горки и, вжавшись в землю, лег вдоль средней колеи дороги. Над ним, лязгая гусеницами, загрохотало металлическое чудовище. Едва лязг и грохот прошел, Пронька вскочил, запрыгнул на броню сзади башни и накрыл смотровую щель водителя плащ-палаткой. Танк, помотив дулом орудия, остановился.

– Ты чего делаешь, балда? – закричал, высунувшись из люка механик. – Так и разбиться можно!

Но из окопов по танку дружно застучали учебные гранаты. Посредник с улыбкой поднял белый флаг. Бой завершился полной победой артиллеристов.

– Пронька как это ты додумался под едущий танк броситься? – спросил Бураева оживший командир орудия.

– Очень просто. В колхозе пришлось трактористом поработать – под трактором полежать не мало привелось, – простодушно ответил Пронька.

На полковом разборе, за отважные действия на учениях, командир полка перед строем огласил приказ о присвоении Бураеву звания сержанта.

Часть 2

ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ

Глава 1. БУРАЕВ В ЦЕХЕ ПЕРЕГОНКИ

Осеннее утро 1956 года застало демобилизованного артиллериста Прокофия Бураева в постели.

– Кажется будильник звонил? – сонно спросил он, повернувшись в Вале.

– Звонил! Давай полежим еще немного, тебе ж не на работу. Да и я соскучилась за два-то года, – жена обнаженным плечом прижалась к Пронькиной груди.

– Ты что! Мне устраиваться пора, пока побреюсь, доберусь. Кстати, как там с транспортом? Трамвай, слышал, пустили?

– Нет... трамвай еще не достроили, но автобус регулярно ходит, на два маршрута. Пусти, я встану, да пойду, хоть картошки пожарю.

Пронька умылся, одел галифе, натянул сапоги, и посмотрел на настенные часы.

– Садись к столу, успеешь!

– Слушай! Я забыл совсем. Возьми вот, подарок тебе привез! – Бураев достал из-под кровати чемоданчик и вытащил учебник химии. Затем выудил белый с бардовыми розами полшалок и шелковую косынку. – Косынку дочке, как проснется, подаришь, а я побежал.

– За подарки спасибо, – Валя с удивлением взяла в руки учебник. – Химия что ли? Чего ты её таскаешь?

– На службе меж делами кое-что повторил перед дембилем. В институт-то восстанавливаться надо. Лады, я побежал!

В узком коридоре отдела кадров горела всего одна лампочка, отчего он казался мрачным и тесным. Там было довольнолюдно. Отыскав последнего очередника, Пронька стал дожидаться своего черед. Но черед он не дождался. Крупный парень в сапогах и галифе резко выделялся на фоне серой деревенской массы страждущих найти работу и его приметил проходящий по коридору мужчина с картонной папкой в руке.

– Демобилизованный? – спросил он, встав напротив, и разом оживился: – Ба! Пронька, здорово! Отслужил? Ты что, на работу устраиваешься?

Перед Пронькой полный важной самоуверенности и напыщенной значимости стоял его друг и односельчанин Сашка Седаев. Они крепко обнялись.

– Хотелось бы, хватит гостевать, – скромно отвечал Бураев. Он сразу почувствовал разницу положений, и великой радости от встречи не испытал.

– А ты что так поздно служил, отсрочку брал что ли? До армии ты, кажется, на катализаторах работал? – продолжал упорно допрашивать Седаев.

– На катализаторной фабрике, старшим оператором, – добросовестно отвечал Бураев. – А ты на какой должности, что с папками ходишь? – осмелился спросить Пронька.

Седаев как-то разом оживился. Он ловко перебрал папку в левую руку, правую протянул к собеседнику:

– Я уже начальника цеха замещаю, на перегонке! Третью установку пускаю! Давай-ка Прокофий документы, да постой здесь... Хотя нет, пойдем вместе.

Не обращая внимания на недовольный ропот посетителей, он растолкал очередников и провел Бураева в кабинет.

– Трофимыч! Оформи-ка этого орла ко мне на перегонку. Я как раз установку пускаю, а тут специалист готовый по коридору болтается. Совсем не следишь за кадрами. Да смотри, чтоб не перехватил кто, я побегу. ...Мне еще в снабжение, в техотдел забежать надо.

– Через три дня жду на установке, – кивнул он Проньке, выскакивая в дверь. – Спросишь Седаева, там скажут, где меня найти, – донеслось уже из-за дверей.

– Ишь шустряк... Еще заместитель, а уже устрой! Он распорядился и убежал, а что я Сасину завтра скажу? Ты же его человек, – ворчливо бормотал Трофимыч, заполняя положенные при трудоустройстве анкеты.

– Сасин не Михаил случаем? – услышав знакомую фамилию, вспыхнул Бураев.

– Михаил Федорович, начальник катализаторного цеха. Он мне такую головомойку устроит из-за тебя. Упрекнет что специалистов

разбазариваю, хотя есть приказ оказывать содействие пускающим цехам.

– А он что, уже начальник цеха? – еще пуще, удивился Тюгаев.

– Вы знакомы видать были? – вопросом на вопрос переспросил Минаев. Бураев кивнул головой. – Растет молодежь, закончил институт и тебе пожалуиста – начальник!

Рассудив по справедливости, Бураев решил Сасина не искать. На катализаторную фабрику ему возвращаться не хотелось. Открывалась новая перспектива, неизведанные горизонты завлекали свежестью впечатлений. Три дня спустя он входил в кабинет заместителя начальника цеха Седаева на заводе, который по неизвестным ему причинам назывался Ново-Якшибайским. Седаев встретил его как доброго знакомого. После исполнения обычных формальностей по приему его направили на установку разгонки нефти бригадиром операторов. Резко бросилось в глаза, что на новом производстве очень мало зданий, лишь приземистая насосная. Над головой туда-сюда переплетались мощные трубные эстакады, на этажерке из прочных металлических конструкций кучились группами колонны и теплообменники. Трудовой люд, ожидая распоряжений, тасовался в тесной операторной комнатке.

– Вот тебе бригада – два мужика и две женщины, как раз комплект, – начальник установки криво усмехнулся. – Парень ты опытный, тем более сержант. У нас няnek нет! Бери инструкции, учись сам и обучай подчиненных.

– Наконец и у нас старшой появился девчата, – обрадовано воскликнул высокий юноша, – давайте знакомиться: меня Никита Мануйлов звать, это Николай Сидоров, и Валя с Флюрой.

– Вот и познакомились. Меня Федорыч называйте. Пока я просматриваю инструкции, вы и вы, – он ткнул пальцем в мужчин, – перепишите насосы в насосной, а девчата все позиции емкостей в парке и на площадке.

– А это у нас кто такой будет? – Прокофий заметил верткого парня, который не очень спешил попадать ему на глаза.

– Я забыл сказать, к каждой бригаде прикреплен дежурный слесарь. Это Жора Привалов, наш слесарь.

– Жора? – что-то знакомое блеснуло в мозгу Тюгаева, – выйди поближе, что ты там топчешься. Ах, вот какой Жора...

– Признал? – с вызовом отвечал Жора. – Ну и что. Я совсем не в твоём распоряжении, я механику подчиняюсь.

– Жо-ра значить, – раздельно произнес Бураев. Он немного помолчал, раздумывая как поступить. – Я старое не помню. Но отныне будешь в моём полном подчинении, или в вахтовом журнале твоей фамилии не будет значиться, – жестко сказал Прокофий. – Вот так Жора!

– Подумаешь, фраер какой! На испуг Жору взять хотел. ... Это не твоё дело! Сказано тебе, я в подчинении механика нахожусь.

Пока подчиненные выполняли задание, Пронька пробежал по этажерке, даже взобрался на 24-ю отметку. Установка впечатляла, с её высоты открывался широкий обзор местности на десяток километров. Поражала мощь и величина колонн. Теплое чувство гордости щекотало грудь тщеславием: «такая махина, а я здесь бригадир! Я хозяин». Спустившись в операторную, Пронька взялся чернильным карандашом рисовать в солдатскую записную книжку схемы. Рисовал он до конца смены, дома кое-что поправив, аккуратно проставил позиции аппаратов.

– Вот что мои родные. Нечего в операторной зря торчать! – объявил он утром подчиненным. – С утра каждый берем по трубе и проходим её от начала до конца. И так ежедневно. В день по три трубы изучать, буду сам спрашивать. Потом хозяйственные работы выполняем. Заводите записные книжки и переписывайте параметры. При пуске некогда вспоминать будет.

Полтора месяца пробежало как один день. 25 декабря предпусковая суета почувствовалась с раннего утра. В операторную один за другим зачастили заводские инженеры. Но вот пришел озабоченный, но веселый Седаев и сразу жизнь закипела.

– Мануйлов, ступай в парк открой задвижку по нефти, – дал он распоряжение. – Федорыч, принимай пар в коллектор, да не забудь дренаж приоткрыть...

Указания сыпались на всех, люди воодушевленные величием момента едва не бегом бросались исполнять поручения, попутно пачкая себя отдающей сероводородом жидкостью. В 15 часов кочегар пошла разжигать первую форсунку печи. Её сопровождала почти вся бригада.

– Ур-ра-а! – громко разнеслось над печью, когда из летки брызнуло желтыми искрами и заплясало бойкое пламя. Смену сдавали уста-

лые, перепачканные, но ужасно довольные. Расставаться с установкой не хотелось и Пронька, перед сдачей смены, направился на обход.

Проходя последним обходом, Бураев заметил в тусклом свете зимнего заката у третьей колонны белесое облако. Это машинист Мануйлов поливал струей пара застывший трубопровод.

– Ты чего здесь делаешь, Никита? Иди в насосную, скоро перевахтовка.

– Продукт застыл, наверное. Насос работает, а в колонну жидкость не поступает. Меня Валя попросила погреть трубу.

Пронька постоял, понаблюдая неуклюжие действия Никиты и постучал тяжелым металлическим крючком по трубопроводу.

– Никита! Ты что ж пустую трубу греешь? – удивленно спросил он у изумленного подчиненного. – Слышишь, звук звонкий, значить труба пустая. Грей где звук глухой!

Постучав крючком еще в нескольких местах, он строго поманил рукой Мануйлова.

– Пошли в насосную.

Они опустили по маршевой лестнице и прошли в помещение насосной.

– Который насос у тебя не качает? – строго спросил Бураев.

– Третий, вон он гудит и трясется весь. Я же говорю: – работает, а не качает.

– Ты, что же раззява, не видишь у тебя задвижка нагнетания закрыта? Никита, пора уже внимательнее быть. Вам бы только ломовую работу делать. Думать надо.

– Ай, ай!.. Открывал ведь. Сам открывал, как же так, – озабоченно закудахтал Никита. Он взялся за штурвал, и по трубе зашипела перекачиваемая нефть.

Инцидент исчерпался, но тень сомнения закралась в души Бураева и Мануйлова. «Неужели кто специально закрыл задвижку? Неужто Жора здесь руку поганую приложил?» Жора принципиально сторонился и не выполнял указаний старшего оператора.

...Месяц пролетел в приподнятом одухотворении. Приближался день выдачи зарплаты. Её рабочие поджидали с надеждой, ведь за пуск и выполнение плана, всем причиталась премия. Первым у кассового окна стоял Жора Привалов, он с упоением мурлыкал под нос подслушанную где-то песню:

*...И опять в Ереване, в тихом маленьком доме,
Будет много веселья, будет много вина...*

Едва открылось кассовое окошко, Жора сунул туда голову чуть не по пояс. Через три минуты он прибежал к Бураеву разъяренный и, тряся расчеткой, как флагом, заорал:

– Ты чего это, козел, делаешь! Почему мне премию не заплатил? У всех есть, а я что не работал? Я не пускал установку?

Зрачки у Бураева жестко сузились, что было признаком крутого гнева. Он рванулся встечь, сжимая кулаки. Но одумался и встал у стола.

– Ты чего орешь? Ты чего орешь, падла! Я тебя предупреждал? Забыл уже! Жора я четко предупредил – либо ты в моем подчинении и я тебе ставлю рабочие дни, либо проси премию у тех, кому подчиняешься. Так будет всегда. А за козла, сейчас позвоню и сдам тебя в милицию, – и Бураев взялся за трубку.

– Извини Федорович, извини, – заюлил Жора. – Все понял. Перехожу в твое полное подчинение.

– Вот так-то оно лучше и тебе и мне.

Глава 2. БУРАЕВ ВСТРЕЧАЕТСЯ С БИКТИМИРОМ

С бывшим защитником в юношеской стычке Гафаровым Бураев столкнулся в необычайных обстоятельствах. По могучему росту он безошибочно узнал детину, с которым в первый приезд они с Седаевым познакомились в умывальнике общежития. Оказалось тот работает мастером у строителей, и прибыл на установку красить насосную. Бураев временно исполнял обязанности начальника установки и выписывал на его строительную бригаду наряд-допуск.

– Салям джигит, – весело приветствовал его Биктимир. – Ты ни сколько не менялся, я тебя сразу признал.

– Здравствуй, э-э, Биктимир, тебя кажется?.. Рад тебя видеть, ай сколько воды утекло. Я уже в командировку успел съездить, в армии отслужил. А ты чем занимаешься?

– Я строю. Штукатурю, крашу, кирпич ложу. Вот твою насосную разрисую, глаз не оторвешь! Ты здесь начальник что ли?

– Нет... Временно замещаю. Рассказывай, пока я наряд заполняю.

– Давно не виделись. Ты недавно здесь работаешь? А где твой разбитной товарищ? – Биктимир явно перепутал Сашку Седаева с Жорой. – Видя, что Бураев занят и не отвечает, он сменил тему. – Даже если ты не начальник, все равно разрисую. Если успею.

– А куда ты собрался, Биктимир? – оторвал голову Бураев.

– Через месяц профсоюзное собрание, меня в завком недавно приглашали, на должность председателя рекомендуют в управлении.

– Ну а ты?

– А я еще не подумал хорошенько. Должность выборная. Могут не избрать. Грамотешки у меня маловато. Я в институте всего курс проучился, да бросил – некогда. На стройке меня за силу ценят. У нас так – сила есть ума не надо!

Биктимир, сам того не подозревая, наступил на большую мозоль Бураева. Пусковые запарки прошли, младшая дочка подросла, пора садиться за парту и браться за учебу.

– А что Биктимир, пойдем на пару восстановимся? Мне тоже давно пора окончательно определиться, и ты грамотешку повысишь. Давай, подумаем вместе?

– Ты Прокофий спрашиваешь, о чем я не думал в данный момент. Я на вашей установке долго работать намерен, мы еще не раз побеседуем.

– Ты до собрания думай. Могут не избрать ввиду малограмотности, а поступишь, уже другой табак, – подзадорил Пронька туго соображающего гиганта.

В институт Пронька с Биктимиром восстановились, только на разные специальности: Гафаров пошел учиться на механика, Бураев на технолога.

И тут произошла встреча с Сасиным. Тот уже носил очки, вместо медалей на пиджаке прикручены разноцветные планки, а в руках картонная папка и журнал. Шел он, о чем-то беседуя со статной девицей в белоснежном халате. Они лоб в лоб столкнулись на кафедре технологии органической химии, где Сасин читал лекции.

– Здравствуйте Михаил Федорович, – первым среагировал Пронька. В очках и с папками, бывший напарник по практике вы-

глядел весьма солидно и Пронька признал его не сразу. Но лицо Сасина озарила приветливая ответная улыбка.

– О! Прокофий! Ты где пропадал столько лет? Я тебя в родном цехе жду. Ни слуху ни духу. ...Как ушел в армию и исчез, словно как растворился.

– Перегонку пускаю на Ново-Якшибайском, Михаил Федорович. Новизна в технологии завлекла, да случайность к тому подтолкнула.

– Ну, да ладно. Я знал, что ты придешь в институт. Смотрю, друг твой Седаев давно уже защитился, а тебя все нет. Кстати, встретиться бы надо накоротке, поговорить! Да знаешь, и некогда – я ведь производство возглавляю, на пластмассах осел.

– Вы знаете, и я закрутился. Какое с другом, с семьей, с детьми позаниматься некогда. У меня ведь две дочки растут, на работе пуск затянулся. Одну установку пустил, теперь другую пускаем.

– Я на тебя не в обиде. Давай заканчивай учебу скорее, да новые горизонты возьмемся осваивать. Сейчас не установки, спутники пускать модно. А им топливо надежное не могут подобрать. Ох, заговорился я с тобой совсем. Мне же лекцию пора начинать.

У Проньки первой парой была лабораторная работа по химии. Вела занятия та самая статная женщина, в ладно пригнанном белом халате. Представилась она Людмилой Михайловной. И Пронька сразу узнал в ней кратковременную знакомую по Грозному. В первом впечатлении ему захотелось бросить учебу, очень позорной казалась та мелкая трусость, которой они с Седаевым поддались там, в Грозном.

Но женщина, не обнаруживая признаков знакомства, приступила к занятиям. «Может уже не узнала, сколько лет прошло!» – подумал Пронька и успокоился.

– Наша лабораторная работа сегодня посвящена изучению реакции нейтрализации. Вы товарищи студенты разбейтесь на группы. Из прошлого опыта я предлагаю ребятам присоединяться к девушкам, – на этом месте она мило улыбнулась Буреаву.

– А почему к девушкам? – ответил он на улыбку вопросом.

– У девушек руки нежнее, – продолжала улыбаться в сторону Буреава химичка. – А серьезно если – многие из них лаборанты, то есть знакомы с навесками, с титрованием...

– А-а! Зато у мальчиков объятия крепче, – сострил на усмешку Бураев.

– Не острите, Прокофий! – строго одернула она, сама взглянула на молодого человека с интересом. – Какое-то имя знакомое. Тем не менее, вы ведь самый взрослый в группе. Кстати, вы с Михаил Федоровичем давно знакомы?

– Работали мы вместе, на катализаторах.

– Имейте ввиду, это не дает вам права на поблажки! – мимоходом намекнула преподавательница, подходя к шкафу. – Михаил Федорович весьма принципиальный человек.

Доставая порошки из нижнего отделения, химичка невзначай повернулась к нему спиной. При этом халат туго обтянул её ягодицы и Пронька заворожено уставился на девицу. Её свежесть и стать фигуры значительно переигрывали ждущую дома жену. В нем заиграли плотские чувства.

По окончании занятий, выходя из салона автобуса, он заметил впереди знакомую фигуру. Он узнал химичку, догнать которую не составило труда.

– А-а! Прокофий! – улыбнулась девица. – Ты живешь где-то поблизости?

– Да, как раз вот в этом доме и проживаю.

– Ну вот видишь, а я напротив. А память у тебя коротка. С Сасиным ты знаком, с Александром Седаевым. Может и со мной знаком? – в лоб спросила Людмила. – Я ведь тебя сразу признала. Ты несколько не изменился. Что ж вы как испугались?

– Так разговоры пошли, что посадили тебя... – уныло буркнул Прокофий на обидный упрек.

– Посадили, посадили. Никуда нас не посадили. Под следствием подержали немного и выпустили. Эх вы, мужики, а трусы!

– Узнать-то и я тебя узнал, конечно! – признался Пронька. – Не будешь же принародно каяться. Ну коль все так просто решилось, тогда давай объяснимся до конца. У меня давно семья, жена, две девочки растут. Посадили не посадили, к старому возврата нет.

– А старого у нас и не было, к чему возвращаться, – горько усмехнулась Людмила.

К несчастью, жила она в доме напротив и совсем нередко студенту приходилось провозить преподавателя. Случилось однажды

Людмиле ненароком оступиться, и жена в окно заметила, как он подал ей руку помощи. Дома немедленно назрел скандал:

– Так вот ты зачем учиться рвался! Тебе не знания, тебе бабы нужны! – обиженно раскричалась Валентина. – Я с детьми сижу, а он флиртует с девками.

– Валя, опомнись! Это наша преподаватель химии. Ну живет она рядом, что ж я должен домой на следующем рейсе ездить?

Нет, он не раскрыл ей, что Людмила приехала из Грозного. Хотя прошедшая суровую школу Людмила была девушкой без комплексов, она вела себя достаточно дипломатично. Высокий и широкоплечий Пронька ей, бесспорно, приглянулся еще при первом знакомстве, но она ничем не выдала свою привязанность.

Тут время безжалостно вмешалось в частную жизнь. После второго курса Буреаева назначили начальником установки. Предмет общей химии закончился, а жизнь завертелась колесом и хрупкая связь с химичкой совсем прервалась.

Глава 3. ЖОРА ОРГАНИЗУЕТ ПОЖАР В РЕЗЕРВУАРНОМ ПАРКЕ

Привалов не забыл обиды, он затаился и искал подходящего момента, чтоб отомстить давнему врагу и расплатиться иезуитским способом. Хотелось свести счеты жестоко, но привлекать коллег по работе он не пожелал. Проболтнуться могут. Да авторитет его врага среди коллег рос все выше, что особенно больно било Жору по самолюбию. Он решил действовать чужими руками и выжидал случая.

По весне он обратил внимание, что строящееся в полусотне метров от резервуарного парка здание огораживают забором с колючей проволокой. Он стал присматриваться, знать скоро появятся заключенные! Заключенных привел конвой из трех солдат. Сами конвойные укрылись от солнца в дощатой будке, а зыка в рабочее время подчинялись сами себе. Забор стоял, но проход в зону не закрывался и Жора решил действовать. Он прокрался за забор и незаметно подошел к группе уголовников.

– Здорово кореша!.. «Северок» астраханский! Угощаю!
На зов протянулись не менее шести рук. Жора щедро раздавал папиросы.

– Тамбовский волк тебе кореш!..

– Блатной что ли?

– Да не-ет! Чтоб сидел не похоже, – посыпались реплики.

– Случалось всякое, – извернулся Жора. – Но я по делу. С кем серьезно можно потолковать?

– У каждого мазурика серьезное дело. Говори, чего тебе надо? – на него дохнул табачным перегаром угрюмый мужик в черном берете.

– Дело несложное. Мне одному козлу надо биографию испортить. Вот задаток, – Жора достал из-за пазухи бутылку водки. – После дела еще принесу, за мной не пропадет.

– И какую ты пакость запланировал? – вяло поинтересовался собеседник, но бутылку ловким движением руки прибрал в рукав.

– Вон видишь резервуар стоит? Там бензин хранится! Если его поджечь знаешь как заполыхает!

– Не-ет! Такой фейерверк нам не подходит! Поищи других дураков. Тут не пятериком, тут вышкой пахнет.

– Если дураков искать – то да. А если по-умному подготовиться, то на вас никто не подумает.

– И как ты предлагаешь устроить шухер и без виновных?

– Я выложу секрет, но вы ни гугу! Это в ваших интересах. Делается все очень просто. Крышу заливать будете, гудрон на печи плавить придется. Я подкину через забор кусок трубы. Забьете в неё пропитанный соляром пыж потуже и оставите на ночь у печки. Только направьте поточней. Пушка выстрелит ночью, вы спите в бараке – я сплю дома. Кто виноват? Тот козел виноват. Не соблюдает правила.

Разыгранная по сценарию Привалова сцена поджога произошла точно по плану. Бураев спокойно спал, когда тревожно зазвонил телефон. Не успев разлепить век, он быстрее схватил трубку, чтоб звон не разбудил дочь.

– Выходите быстрее на дорогу! У вас на установке пожар, я высылаю машину, – скороговоркой протарабанила диспетчер. Связь тут же отключилась.

Кое-как набросив верхнюю одежду, Бураев выскочил на перекресток центральной улицы. В подъехавшем грузотакси уже сидели Седаев с начальником и несколько специалистов цеха.

– Ты что подлец пожар вздумал устроить? – вместо приветствия, накинулся на него Седаев. – Если найду какое либо нарушение, я тебя под суд отдам.

– А ты чего это при живом начальнике раскомандовался? – обрезал Пронька. – Под суд, под суд пойдешь! Давайте разберемся вначале.

Происшествие было действительно подсудное, но Проньку сильно кольнуло начальническое высокомерие и явное желание бывшего друга дистанцироваться от аварии.

Зрелище пожара было видно издалека. К приезду руководителей полыхало целых три резервуара, причем один из них взорвался, разлив десятки тонн горючей жидкости. Столпившиеся вокруг пожарные поливали резервуары водой, но совершенно безрезультатно.

«Там где руку приложил Бураев, дело всегда наладится! – вспомнил Прокофий завет родителя. – Думай расторопнее, ведь можно рискнуть под пеной».

– Пантоны застряли, резать надо! – моментально определил Бураев.

– Как ты будешь резать, ведь там продукт? – уже с надеждой заглядывая на Бураева, спросил Седаев.

– Дайте команду механику. Пусть привезет резак, под пеной будем резать!

– Не каждый резчик рискнет в пекло лезть, – усомнился Седаев.

– Резчик не полезет, я сам прорежу!

Пока механик доставлял к месту резак, Бураев договорился с командиром пожарного расчета поливать стенку резервуара пеной. Он, встал на границе пламени, лично указывая место, куда подавать пену. К счастью, действие удалось. Хлынувшая в прорезанное окно пена, быстро погасила огонь. Источники на территории устранить труда не составляло. К приезду руководства, пожар был полностью локализован. Облитый с ног до головы пеной, Бураев побежал в кабинет, переодеть верхнюю одежду.

– Мне, конечно, доложили, но я не ожидал такого размаха. Ладно, причины комиссия выяснит. Ты скажи, поделись со стариком, как вам удалось так быстро погасить пожар? – удивился Кленовский, с благодарностью пожимая руку Седаеву.

– Пришлось пойти на риск, Иван Афанасьевич! Я дал указание под пеной вырезать окно, и подать струю пены под понтон.

– Спасибо за мудрость и смелость в принятии решений, – поблагодарил подчиненного Кленовский.

Бураев этого разговора, к счастью, не слышал. Кое-как переодевшись, он немедленно приступил к ликвидации последствий аварии. А дел было много. Организовав две бригады на чистку залитой территории, он бегал по эстакаде, примеряясь, как и где лучше организовать пропарку и подготовку к ремонту.

Ремонт и восстановление изрядно затянулись. Бураев не выходил из цеха. В совокупности он не появлялся дома ровно пять суток.

Зато когда появился, жена была сумрачнее ночи.

– Явился? Ты что думаешь, я с тобой так жить буду? Бросай к чертовой бабушке такую работу! Или я или твоя установка, – она нервно швырнула по столу тарелку с борщом. – У тебя две дочери растут, ими кто, по-твоему, должен заниматься? Смех один: другие дети в садике рассказывают, что папа подарил. А наша хвалится – папа ночевать приходил! Люда вчера двойку получила, нет в школу сходить, разобраться, а тебе одна работа на уме!

– Да ладно ты, шуметь Валя. Вот уладится и займусь детьми. Мне Седаев отгул на завтра дал, схожу с дочками в парк.

– Какой отгул? – Валентина аж захлебнулась от гнева. – Какой отгул, ты чего мелешь! Завтра воскресенье! У тебя что и воскресенье рабочий день уже?

– Ну авария случилась, пойми ты. Я же начальник установки, не могу все бросить и уйти домой.

– У тебя каждый день авария, если не авария, то мороз или потепление. Устала я одна семьей заниматься.

Аппетит был окончательно испорчен. Кое-как перекусив, Бураев пошел в детскую комнату. Лишь там, затеяв бешенную возню с девочками, он получил настоящий отдых.

Глава 4. ПЕРЕВОРОТ В СОЗНАНИИ И ТЕХНОЛОГИИ

За обитым пестрой тканью столом совещаний сидело несколько главных специалистов, приближенных к Кленовскому. Иван Афанасьевич только что прилетел из столицы и был под впечатлением работы весеннего пленума.

– Никита Сергеевич в своем докладе прямо сказал, что наука у нас не сотрудничает с производством. Сельское хозяйство отстает от капстран, как по урожайности, так и надоям. Слабо развита кормовая база. Целинная эпопея ожидаемых результатов не принесла. Надо уметь признавать свои ошибки. Вся Европа давно повышает урожайность с помощью удобрений...

– Иван Афанасьевич, что вы про сельское хозяйство заладили. Про нас он что-нибудь говорил, про химию, нефтепереработку, – нетерпеливо перебил Фиалковский.

– Он все про нас говорил. Коммунизм это электрификация плюс химизация сельского хозяйства. ...Это вам не про нас? Что нефтехимию надо развивать, азотные и минеральные удобрения получать. Вот где наша урожайность.

Сидящие за столом сподвижники пока не могли уловить ход мысли руководителя. Они прекрасно понимали, что главный разговор впереди. Кленовский встал со стула, и по выработанной годами привычке прошел по кабинету. И он начался, главный разговор.

– Мы почти год бьемся над получением гидрюра на газовом заводе. А рядом пыхтит Ново-Якшибайский завод, где горючее почти наполовину дешевле. Не пора ли крепко подумать и принять окончательное решение – нам газовый завод не нужен! Что мы друг другу пыль в глаза пускаем.

– Как это не нужен? Институт проект выдал. У нас сроки пуска на партийной конференции рассмотрены, ЦК график утвердило. Вы что под суд коллектив хотите подвести? – возмутился Фиалетов. Он как директор газового завода только что получил взбучку на горкоме за затяжку с пуском.

Его выступление поддержал секретарь парткома Шпильман.

– Вы внимательно слушали товарища Хрущева, да не все поняли, – укорил он Кленовского. – Напряжение в мире растет, империалисты совсем обнаглели. Государство космос штурмует, вот

еще один спутник с Лайкой запустили. Ракеты нужны стране, а вы карбамиды толкаете. Правильно говорит Фиалетов не коллектив, вас под суд отдать положено за такие рассуждения.

– Победителей не судят, Алексей Николаевич, – ответил Иван Афанасьевич, похлопав Фиалетова по плечу. Реплику Шпильмана он пропустил меж ушей. – Тебе мало приходилось отменять партийных решений? Вы подумайте сами. Водород у нас есть, азот в наличии. Блоки гидрирования простаивают без дела. Да у нас все условия для синтеза аммиака налицо, а там до мочевины рукой подать. Две трубы через колено согнуть и вези на поля удобрения.

– Ты Иван Афанасьевич не заводи людей в заблуждение, – возмутился многоопытный Ниренберг, – здесь инженеры сидят, не чиновники. Какую не какую реконструкцию надо будет проводить. Где фонды на материалы возьмешь? Где кирпич, металлопрокат, оборудование? ... Тут шапками не закидаешь. Опять же проекты надо, а это годы работы.

– Потому и предлагаю, что здесь инженеры. Расчеты выполним. Поручим Никитасу группу создать проектную. Оборудование с законсервированных установок возьмем, мало у нас чего простаивает... Пояски потуже подтянем в действующих цехах. Я предлагаю налечь всем миром и осилим. Осилим ребята. А когда получим карбамид, тогда извините, пускай судят. Поверьте мне, я же азотчик по образованию, не так страшен черт. Тем более, мы не отсебятиной занимаемся. Я вам твердо заявляю как коммунист. Это решение пленума ЦК КПСС, мы обязаны его выполнять!

– Иван Афанасьевич? А вы о рабочих подумали? Об их семьях, о зарплате? – с иронией выступил председатель завкома Кашкин. – Два года люди премий не получают. – Затеете новое строительство – еще несколько лет будут на голеньком тарифе сидеть. Преступно это.

– Премии Анатолий Петрович не получают, её надо зарабатывать! – жестко обрезал Кашкина Кленовский. – Подумал о рабочих. Переведем их приказом в отдел строительства и включим в положение премирование по выполнению разработанных графиков. Это, кстати, надежнее и привлекательнее. Выполнил задания по графику – получи, а с пуском им же хуже – все призрачно и бесперспективно.

Больше желающих возразить не нашлось. Наступила затянувшаяся пауза, все наивно полагали: ну пройдет время и остынут впечатления от московских идей. Но Березовский думал иначе. Он закрыл совещание коротким напутствием:

– Все свободны. Через 10 дней всех жду со своими соображениями.

Расходились помощники Кленовского в глубокой задумчивости. Соратники поняли две вещи: Иван Афанасьевич твердо решил и не отступить от задуманного; и второе – дело затеялось новое, не типичное и спокойной жизни им долго не иметь.

Глава 5. ПАРТКОНФЕРЕНЦИЯ

Проживающий на левой стороне улицы Гафури обыватель в среду 22 августа обратил внимание на необычное количество припаркованных к тротуару легковых машин. Вплотную к тротуару прижалась секретарская «Эмка», два «Бобика» из обкома и легковушка «ГАЗ-64» начальника управления строительства Пономарева стояли позади. В квартальном проезде заняли место «Победа» секретаря парткома Шпильмана и «Эмка» Попова. Но квартальные мальчишки стайкой крутились и разглядывали блестящий хромом роскошный «ЗИМ», принадлежащий однофамильцу директора ТЭЦ, фотокорреспонденту Попову.

– Судя по обилию легковушек, крепко нам достанется, – с усмешкой сказал Кленовский Фиалетову, вступая на невысокое крыльцо.

Он бросил взгляд вдоль улицы. С обеих сторон тянулись новенькие двухэтажки, концом улица упиралась в огромный кирпичный куб строящегося дворца, над которым возвышалась стрела подъемного крана.

– Достанется нам так и сяк, но надо срочно Михаила вызывать из Германии, – задумчиво ответил Фиалетов.

– Бумагу я уже направил, да слишком долго ходит. Такие дела не министром, такие дела в ЦК решаются. А там бюрократы еще те сидят. Полгода не меньше письмо по инстанциям ходить будет.

– Вот и поставь вопрос, чтоб Обком в ЦК обратился. Пусть не только поучают, пусть сами работают.

В зале совещаний уже соломинки негде упасть, столько набилось народа. Приближался юбилей города, и вопросов в повестке намечена тьма. Первый юбилей собирались отметить с размахом, но большой мозолью являлись заводы газовый и гидрирования. Дела там не ладились, хотя пуск шел второй месяц.

Открыл конференцию секретарь парткома Шпильман. После обычных славословий по восхвалению КПСС, он сразу приступил к критике.

– ... Коммунист Кленовский у нас, товарищи, зазнался, потерял партийный этикет. На газовом заводе пусконаладочные работы идут из рук вон плохо. А пункт этот на контроле обкома. Вы думаете к юбилею гидрюр выдавать, товарищ Кленовский? Или обещаниями кормить будем?

На первый выпад Кленовский смолчал.

– Зибинин затянул сдачу лаборатории, опытный цех не привлекается к участию в анализе теоретических просчетов в проектах. На недействующих установках растаскивают арматуру и оборудование, которое приходится восстанавливать... Кленовский, это опять вас касается! Почему охрана из рук вон плохо организована?

– Отвечу на все вопросы в своем выступлении, – с места выкрикнул Кленовский.

– Ответишь, ответишь! ... Партийным билетом ответишь. Есть предложение вынести коммунисту Кленовскому строгий выговор.

– Послушать надо, что он скажет в оправдание, – внес предложение представитель горкома.

Когда Кленовский шел к трибуне, многие сидящие залюбовались его статной фигурой и гордой осанкой. С достоинством неся голову, в ладно сидящем костюме он выгодно отличался от местных провинциалов. Встав за трибуну, он устало обвел взором зал. За шесть лет работы в Салавате всех сидящих он знал лично, бесспорно, знал он и сидящих в президиуме партийных боссов.

Наконец он заложил правую руку за отворот пиджака, и начал говорить. Иван Афанасьевич был непревзойденным трибуном. Говорил он умело, тщательно подбирая слова и уточняя их цифрами.

– Я не скрываю низкую квалификацию инженеров и рабочих на критикуемых заводах. Но все мы помним, решение обкома о первоочередном пуске Ново-Якшибайского НПЗ. Пять тысяч человек туда отвлекли! Там осели кадры, там осели материальные средства и финансы. Не вы ли товарищ Шпильман меня убеждали туда направить кадры? Но не это все же главная причина. Наши инженеры путем теоретических расчетов убедительно доказали выгодность перехода с угольной схемы на нефтяную. К юбилею заводы я пушу. Но я буду биться об их переориентации. У нас зреет решение использования оборудования в других целях. Страна нуждается в минеральных удобрениях. Сельское хозяйство ждет. Именно с помощью оборудования этих заводов мы получим на комбинате мочевины.

С таким же достоинством, как вошел, Кленовский сошел с трибуны и прошел в зал.

– Прожекты все рассказываете Иван Афанасьевич. Не отвечаете по существу. Не ваше дело ревизировать принятые партийные решения. Товарищи коммунисты! Предлагаю все-таки объявить Кленовскому выговор, а директора завода Фиалетова освободить от занимаемой должности. Кленовскому в десятидневный срок определить кандидатуру на должность директора.

Кленовский снова встал и громогласно заявил:

– Прошу записать в протокол: на должность директора завода срочно вызвать из Германии Михаила Семеновича Захарова. В секретари парткома завода прошу предложить коммунистам кандидатуру начальника строительного участка Биктимира Гафарова.

– Молод больно, – усомнился Шпильман. – Ну-ка объясните, какие соображения вами двигают?

– Молодой, да ранний. В строительстве у него громадный авторитет, а нам завтра именно строительную часть подтягивать придется.

Кленовский даже после полученных нареканий мыслил о завтрашней переориентации с грандиозной реконструкцией.

Глава 6. КОНЮХОВ МЕНЯЕТ ПРОФЕССИЮ

Стремительно катилось заполненное важными событиями время. В городе появились улицы, под лесом башенных кранов, как грибы росли многоэтажные дома. Открывались садики и школы. Мальчика Конюховы назвали Глебом и устроили его в новенький садик. И вот уже мать привела малышку в школу. Ладный белокурый мальчишка с любопытными глазами учился хорошо. За годы учебы он не имел плохих оценок.

– На то и коренной белгородец! – с ласковой гордостью приговаривал отец. – Летчиком стать собирается!

– Он может летчиком станет, а ты чего тянешь? Лагеря подряд закрываются, твои подопечные разъезжаются. Ты чего сидишь, работу искать не думаешь?

– У вас у баб одно на уме – мужиков учить! Что я сам слепой? Сам все вижу. Я уже подходил к Кленовскому. На комбинат просился, но он уговорил подождать немного.

– А ты снова иди! У Кленовского кроме тебя забот мало? Иди и напомни о себе. Кленовский раз обещал, то обязательно поможет. Он не пустой трепач, а человек дела. Вот у нас в цехе операторы как раз требуются.

Конюхов сам думал, пора подойти к Кленовскому еще разик. Он тщательно надраил ваксой сапоги, прицепил вместо планок обе солдатские медали пошел к начальнику комбината.

– О! Да ты прямо орел! – удивился Кленовский.

– Извините, Иван Афанасьевич! Я к вам с застарелой просьбой, – скромно молвил Иван Михайлович.

Но разговор их, к удивлению Конюхова, принял совершенно иной, даже неожиданный для просителя оборот. Когда он вошел в кабинете звучал голос Левитана.

– Вот Иван Михайлович, слушаю – человек в космосе побывал! Вы слышали? – спросил Кленовский, левой рукой вращая ручку громкости.

– Разумеется! Об этом событии кто не слышал. Шагнула наука! – поддержал разговор Конюхов.

– Присаживайся, – ткнул рукой Кленовский. – Я вычитал где-то, что до звезды «Проксима» из ближайшего созвездия «Альфа

Центавра» 2,3 световых года расстояние. Как думаешь, доживем до момента, когда туда человека пошлют?

– Вы знаете, я ведь семилетку еле одолел. Я солдат и в звездных созвездиях мало что смыслю, – откровенно признался Конюхов.

– Извини, романтическая волна накатила... Все-таки какое событие произошло!.. Теперь о деле. Ты не думай плохо – я о тебе не забыл, – начал беседу Кленовский. – Кое-что не решенное еще имеется. Ну, да ладно! – решительно хлопнул он ладошкой по крышке стола. – У тебя стаж большой по службе? – неожиданно поинтересовался Кленовский.

– Да уже не малый. Почитай с середины войны воинскую форму ношу. И все время на передовой. То с япощками воевал, потом бендеру выкорчевывал. Теперь вот с заключенными...

– Я знаю, с Якимовым как-то коснулись твоей послужной. Вы знакомы, оказывается? – то ли спросил, то ли утверждая, выказал Кленовский свою осведомленность. – Ну что ж. Такой человек мне как раз нужен. ...Пожар в парке помнишь? Так и не нашли ведь причину. Я много думал, это наших врагов рук дело. – Кленовский долго и в упор смотрел на Конюхова. – Потому надумал я собственную службу безопасности создать, – продолжил он. – Охрану туда подчиним, проверку благонадежности...

Рассказывая, он нажал кнопку и пригласил начальника отдела кадров.

– Трофимович, помнишь нашу беседу о начальнике отдела режима? Вот человек нужный очень кстати подошел. Я его давно лично знаю, давай пиши приказ и оформляй для начала его самого. Его проведешь, посидите, обсудите штат будущих сотрудников и с предложениями вместе подойдете. Месяца вам хватит?

– Вы у него или у меня спрашиваете? – беспокойно уточнил Конюхов. – Если меня, так я вообще абсолютный нуль. Не было даже думки об этом.

– Теперь будет. Не мне ж одному за всех мыслить. Бегом оформляйся, затем поездишь по соседям, посмотришь, послушаешь. Идите, думайте, – нарочито грубо выпроводил Кленовский собеседников.

С этого дня Конюхов окунулся в новую сферу и сделал он это вовремя. Спустя полгода его лагерь тоже прекратил свое существование.

Глава 7. КОНЕЦ ЭРЫ КЛЕНОВСКОГО

На десятом году работы начальником комбината, Кленовский начал сдавать позиции. Сверхпорядочный и чувствительный человек, крупный хозяйственный организатор, он не рассчитал собственных сил и «заглотил слишком большую наживку». Круто развернутое строительство на базе оборудования гидрогенизации угля было выполнено наспех и еле теплилось. Удобрения получили, но с высокой аварийностью. Массированное введение объектов нефтехимии порождало частые неполадки и тоже давало сбои. Москва давила на скорейшую организацию выпуска ракетного топлива. Рост подготовки специалистов не поспевал за расширением производства. Широкие масштабы строительства и перспективы скорых пусков множили не только престиж начальника комбината, они столь же прогрессивно множили его недругов. Гроза не миновала разразиться и ударил гром летом 1962 года.

Внеочередной пленум горкома прошел в духе резкой критики. Березовский ждал и внутренне готовился к бичеванию, но не со стороны собственных сподвижников. На него ополчился и больше всех горячился ставший недругом секретарь парткома Шпильман.

– Товарищи коммунисты, – горячо убеждал он сидящих в зале с высокой трибуны. – Мы воочию видим, что коммунист Кленовский давно зазнался. Решения горкома он не признает. Самовольничает или решает вопросы напрямую с Москвой. Затеял авантюру с карбамидами, и во что она обошлась государству? Кто за это ответит? Мы с вами. С нас Родина спросит, куда мы народные денежки растратили. А у нас теперь нет угольной схемы, и карбамиды лошадиной повозкой возим. Пуск полиэтилена отстает от графика. Партком рекомендовал запустить производство в августе, но мы знаем, что оно пущено явно не будет.

Шпильман умел говорить. Причем делал это с позиции обвинителя. Он сделал длинную паузу, обвел глазами зал и продолжил:

– А что творится на объектах химии? Строительством установок «продукта один» вынужден руководить секретарь парткома Шпильман. Скажите, это мое дело? Инженерный корпус устал и просит освободить его от такого руководителя.

Шпильман сложил тезисы своего выступления в карман и занял место в президиуме. Слово взял второй секретарь горкома. Человек он был неплохой, но он недавно поцапался с Кленовским из-за средств на строительство здания администрации. Не имея злобы и не желая начальнику комбината дурного, он, не разобравшись в политике Шпильмана, изрядно подлил масла в огонь критики.

– Я полностью согласен с выступлением Шпильмана, – начал он. – На критические замечания коммунист Кленовский не реагирует, с представителями администрации не считается. Бюро горкома решило взять из фондов комбината 50 тысяч рублей на завершение отделки здания администрации, так Кленовский не выделил. Не дал скряга, сославшись на необходимость переселения шестого поселка. Поселок мы бы из госбюджета переселили, теперь здание стоит не достроено. Я вам скажу больше, – оратор, чувствуя заинтригованную тишину в зале, все более распалялся. – По сей день на предприятии не развито социалистическое соревнование. Да что там далеко ходить: в Стерлитамаке на содовом трех героев социалистического труда вырастили, на Ново-Уфимском заводе двух, а у Кленовского – ни единого! Только аварии да неполадки. Видите, сколько грехов накопил Иван Афанасьевич? Я думаю, терпеть дальше такое раскольническое поведение невозможно. Есть предложение освободить его от должности начальника комбината.

Второй прошел позади президиума и сел рядом с первым секретарем Якимовым. Из зала было видно, что Якимов что-то зашептал ему на ухо, он согласно кивал головой.

После столь резкого высказывания второго секретаря, в зале застыла гнетущая тишина. Кленовский пользовался высокой популярностью и авторитетом. Сам Кленовский сидел с привычным достоинством держа бритую наголо голову и только излишняя бледность лица выдавала его внутреннее волнение. Прошедший прекрасную школу аппаратных интриг еще в столичной министерской кухне, он понимал: не промахи виною сегодняшних разборок. Его напористость и независимость суждений не дает покоя амбициям городских руководителей. Сердечко тихо ныло, напоминая о возрасте. Сидящий рядом Фиалетов, молча сжал ему руку.

– Что старик, поджигает молодежь? – шепнул он легонько.

– Да, старик, придется сдаваться, – ответил Кленовский.

И он сдался. Что ж, он выполнил все, что наметил: – минеральные удобрения получены. Нефтепереработка давно работает и гонит высококачественное горючее; нефтехимия готова дать салаватский полиэтилен и ракетное топливо, кстати, на подходе. Пожалуй можно с достоинством уступить место. Шестидесять лет возраст вовсе не борцовский.

Он встал и в полной тишине произнес, даже не выходя к трибуне.

– Прошу освободить меня с должности начальника комбината по собственному желанию. Заявление подам в определенном при трудоустройстве порядке.

При полной тишине в зале, было слышно лишь неразборчивое шушуканье первого секретаря со вторым. Пауза изрядно затянулась. Наконец встал Якимов и вышел к трибуне.

– Товарищи коммунисты! Я как первый секретарь вовсе не одобряю резкую критику, допущенную по адресу Кленовского. Его заслуги перед партией очевидны и неоченимы. Но я коммунист и вынужден подчиниться партийной дисциплине. Предприятие, которое возглавляет Кленовский, стало чрезмерно громоздким монстром. Непомерная раздутость делает его неуправляемым. Есть мнение разделить его на строительную и действующую составляющие. Дирекцией строительной части оставить уважаемого Ивана Афанасьевича, а на действующую технологию назначить другого человека.

– Соглашайся Иван Афанасьевич, я пойду к тебе главным инженером, – вновь сжал холодную руку Березовского Фиалетов.

Наутро из Уфы прибыл Осипченко и наступила новая эра. Новая эра как по живому прошла по испытанным производственными передрягами кадрам. Кто-то взлетел высоко вверх, а иным совсем не нашлось ячейки в штатном расписании предприятия.

Глава 8. ОТ НАЧАЛЬНИКА ЦЕХА ДО ГЛАВНОГО ИНЖЕНЕРА

Умный и оборотистый Шпильман давно понял бесперспективность борьбы украинских националистов. Возвращаться на родину, где его могли в любую минуту раскрыть он не пожелал. Властолюбивый и тщеславный перевертыш решает взять реванш на местах. «Если обстоятельства сильнее, надо приспособливаться к обстоятельствам! Здесь, на местах тоже можно неплохо устроиться, – решает он». Он метит в секретари горкома, для чего методично убирает наиболее значимых претендентов. Именно расчищая пути к власти, Шпильман ловко дискредитировал Кленовского. Играя двухактную пьесу, он убивал двух зайцев: – вступив в схватку с могущественным Кленовским, он показал противникам свою силу; вторым актом он действительно убрал слишком тяжеловесного соперника. Нет, он не претендовал на техническую должность при комбинате, понимая, что там требуются знания и опыт. Его вполне устраивала партийная карьера.

Сегодня Шпильман мог праздновать победу. Поскольку пылкий Кленовский чересчур увлекся удобрениями, начальником комбината назначили Осипченко.

Сасина, увлеченно разрешающего нескончаемые хозяйственные вопросы, меньше всего волновали подковерные интриги верхних эшелонов власти. Он строил установку получения жидкого ракетного топлива. Назвал он его с легкой руки Кленовского «продукт один». Он не слезал с телефона: звонил снабженцам и просил добыть огнеупоры, думал как футеровать кислотную емкость и расспрашивал, где достать швеллеры под топливную эстакаду.

Но реформы все-таки докатились до его отдаленного уголка. После нашумевшего Карибского кризиса армия перевооружалась, стране понадобилось много «Продукта один». Не полагаясь на благонадежность преданных Кленовскому людей, Осипченко умело расставляет на ключевые посты своих ставленников. Иногда к этому подталкивают чрезвычайные происшествия. При подаче сырья на опытном пуске установки произошло разуплотнение в холодильнике и выброс газа с загоранием. Погорело большое количество кабелей, их восстановление изрядно затянуло срок получения «Продукта

один». Новому начальнику комбината пришла идея создать укрупненные производства из нескольких однородных цехов.

Вот тут между требовательными телефонными тирадами Сасина прорвался звонок секретаря начальника комбината. Она сообщила, что Михаил Федорович приглашен на «большой ковер». Такие вызовы не предвещали ничего хорошего, и Сасин шел, перебирая в уме недочеты и промахи последнего времени. Их у каждого руководителя водилось немало. Но приняли его весьма благожелательно. Крупный и презентабельный мужчина Осипченко, отличался от местных выдвиженцев элегантностью в одежде и умением держать себя со столичной представительностью и даже некоторым высокомерием, но здесь он выказал корректную предупредительность.

– Весьма наслышан о ваших трудовых успехах, – уважительно встретил он Сасина. – Решаете вопросы оперативно, характер твердый и решительный. Мне именно такие помощники нужны. Экономически целесообразно пристегнуть установки получения «продукта один» к действующему цеху и создать структуру «Производство». Есть предложение объединить цех с получением пластмасс и назначить вас начальником производства.

– Вообще-то я всегда был далек от пластических материалов, но привык работать там, где прикажут, – по-солдатски ответил Сасин.

– Уважаю краткость изречений. – Осипченко внимательно всматривался в носатое лицо лысеющего выдвиженца. Но лицо собеседника было непроницаемо, прямой взор широко поставленных глаз преданно устремлен в начальника. – Вот и хорошо, значит поладили. Сегодня сдавайте дела, а завтра приступайте к исполнению.

Эхо пусковых работ в северных краях предприятия, где распростерлись цехи производства, еще не отгремело, и организационных хлопот хватало в достатке.

Новый руководитель начал с осмотра приданных ему объектов и первой посетил установку получения пластических материалов. На второй день он собрал специалистов в кабинете начальника цеха. Здание было возведено на два этажа. Второй этаж не окончен отделкой и службы ютились на первом.

– Петр Егорович! Кто у тебя контору строит, – оглядев постройку, спросил Сасин, пока они поджидали специалистов.

– Первый район, начальник участка Гафаров.

– А!! Это большой такой?.. Знаю. Послушай, найди его. Пусть подскачет через часик, мы как раз закончим.

Пока начальник цеха разыскивал Гафарова подошли специалисты. Сасин начал заседание с обзора личных впечатлений.

– Я просмотрел техническую документацию. Должен отметить, что техническая документация, схемы, составлены грамотно. С утра побеседовал с немцами. Представители шефмонтажа со мной солидарны, грамотность вызвала неподдельное удивление немцев. Чтоб не было тяжбы, я решаю дать предпочтение в пуске системе «С».

Сасин сидел и смотрел на немногочисленных соратников, стараясь определить на кого можно положиться, а с кем из них окажется не по пути. Он не любил пустопорожние разговоры и вел совещание в сугубо деловом стиле, даже не тратя времени на знакомство.

– О степени готовности приборов кто доложит? Кто здесь начальник участка? Вы, товарищ?.. Как говорите фамилия, Куколев? Ну докладывайте вы.

– Пробный пуск системы «С» на «инертах» прошел успешно. Не обошлось без огорчений, но коллектив промахи устранил силами своих специалистов.

– Можете работать. Коли можете делать не хуже немцев, приказываю наладку всей автоматики поручить собственным автоматчикам, под техническим руководством немецких экспертов, так будет быстрее. С шефмонтажом согласую.

Он заглянул в тетрадь с кожаным переплетом.

– Кто ответственный за механическую часть? Семенов? Ответьте Семенов, почему на горячих трубопроводах используются деревянные подложки?

– Михаил Федорович! Подложки заложены немцами в проекте. Замена потребует длительного согласования с иностранными специалистами. Я их что родить должен?

– Да как вы не понимаете, что в первые же дни подложки сгорят? Это вызовет вибрацию трубопроводов. Немедленно привлечь строительные организации и заменить под мою ответственность на металлические подставки. Три дня вам сроку или ищите место спокойнее. А вот и он сам на ловца бежит.

В приемной толкался Гафаров и Сасин заметил его в приоткрытую дверь.

– Входи,ходи, Биктимир! Не в службу, а в дружбу два дела к тебе есть.

– Какое еще дело? ...Как форму подписать, так Банокину, как дела авральные, так Гафарова ищут, – недовольно проворчал Гафаров, проходя в передний угол кабинета.

– Ты Биктимир большой и надежный как гранитный памятник Карлу Марксу, потому тебя все ищем. А пригласил я тебя по серьезному предлогу.

– Вы мне только скажите что надо, для вас я все сделаю, Михаил Федорович!

– Первое: надо в три дня поменять деревянные прокладки на трубопроводах высокого давления. Осилишь? Кстати, слух прошел, тебя председателем завкома избирают, утка что ли?

– Нет не утка. Самоотвод взял, доучиться надо. А прокладки поменять – нет проблем. В три дня, значит в три дня. А на что меняем?

– Тебе механики скажут. Есть и личная просьба. Видишь, где ютимся? Биктимир, надстрой еще один этаж, по проекту второго этажа. Сможешь?

– Строитель все может. А материалы, кирпич, плиты, окна? Фонды где брать?

– Это все за мной и форма по оплате за мной. Построишь, любой объем подпишу. ... Ну вот и ладненько, – согласно закивал Сасин, заметив, что Гафаров замялся. – Я за этим тебя и приглашал. А то видишь, производство есть, а апартаментов нет.

Сасин не только на лету схватывал недостатки, он принимал решения и взваливал на себя ответственность. По его указаниям решили первой пускать налаженную комбинатскими специалистами систему «С».

В начальных числах октября цех заработал. К счастью, пуск прошёл успешно, получили товарный продукт, очень дефицитный и нужный в ракетных войсках как топливо. Начальник производства Сасин вселился в просторный кабинет на третьем этаже новенького здания.

– Леонид Иокифович! – докладывает Сасин в телефонную трубку прямой связи, – можете порадовать коллег, пуск установки получения «продукта один» прошел с первого нажатия кнопки. Прошу обратить внимание, что профессиональный авторитет советских тружеников получил высокую оценку немецких инженеров.

– Поздравляю, поздравляю. Мы это событие широко отметим.

– Я об этом и хотел просить. Неплохо бы отметить, наградить достойных людей правительственными наградами. Достойных людей много, мы списки уже подготовили.

– Потерпи, Михаил Федорович. Дворец Культуры в ноябре поспевает, строители отделку штурмуют. В нем отпразднуем вашу победу. Объяви народу, что я официально обещаю. Очень ярко будет и знаменательно. Потерпи.

В дни празднования Великой Октябрьской революции пуск производства «продукта один» широко праздновали в новом зале собственного Дворца Культуры. Высокую оценку за решительность действий при освоении производства получил Михаил Федорович и... возглавил пусконаладочную службу комбината. Но не надолго.

Глава 9. ШПИЛЬМАН НА ПОСТУ СЕКРЕТАРЯ ПАРТКОМА

Свалив с места генерального директора Кленовского, Шпильман обрел в городе всемогучий авторитет. Но расслабляться нельзя и Шпильман очень зорко всматривался в ряды перспективных инженеров. Несмотря на шестой десяток, он не растерял былой привлекательности и энергии. Округло выпячивая недостатки высших руководителей и умело присваивая чужие заслуги, он старательно налаживал контакт с людьми обиженными советской властью. Он проталкивал их в секретари, в крайнем случае рядовыми членами парткомов на заводах.

Теперь надо было убирать главного инженера Ниренберга. Кроме того, своим звериным чутьем он чувствовал – на комбинате восходит звезда своенравного и не менее честолюбивого Сасина. Осипченко еще не укрепил позиции, самое время указать, кто в доме хозяин.

Пока не взошла звезда Сасина и Осипченко окружает себя преданными ставленниками, он решает захватить лидерство в управлении. Он собирает бюро парткома.

Оглядев своих подопечных, Шпильман заметил: – Осипченко нет! Он немедленно нажал кнопку звонка.

– Пригласите сюда Осипченко! – дал он указание секретарше.

– Леонид Иокифович! – сурово отчитал он Осипченко, – Вы член партии?

– Да, я член КПСС и стаж у меня на мно-о-о-го выше вашего! – подчеркнув слово «много» смело ответил Осипченко, проходя за свое место.

– Тогда почему опаздываете на бюро? Это нарушение партийной дисциплины.

– Вы же знаете, у меня были военные. Мы обсуждали выгодные для предприятия контракты по поставке топлива.

– Вам что, технические вопросы важнее партийных! – взорвался Шпильман, – вы не знаете, что руководит у нас в государстве партия? А партия работает по уставу. Прошу впредь не нарушать устав! Садитесь.

Он так подгадал окончание фразы, что у присутствующих создалось впечатление, что Осипченко сел на место именно с его разрешения. Но сидеть ему не пришлось. Вопреки уставу, его вызвали к прямому проводу на разговор с министром.

– Товарищи коммунисты, – начал свою речь Шпильман. Он решил воспользоваться отсутствием Осипченко. – Осипченко у нас человек новый. Он не знает принципиальных особенностей производства. А меж тем последний декрет Политбюро гласит – необходимо обогнать соединенные штаты в освоении космоса. По вине Кленовского, который увлекся удобрениями и ничего дальше своего носа не видел, космические программы отстали. По его же вине отстает от графика возведение азотной компрессии. Вот справка: монтаж на 90 процентов, это без учета недоделок. На отделочных работах вообще конь не валялся. И вот ведомость недоделок на триста пунктов. Кто скажет, когда мы должны сдать объект?

– К маю, так в графике стоит.

– Правильно к майским праздникам.

– Там по водной отмывке много вопросов, – прервал длинный монолог секретаря главный инженер. – Я что-то не пойму вашу позицию, товарищ Шпильман, вы что уже комбинатом руководите?

– Я вам помогаю руководить. Вы по партийной близорукости многого не видите. Распыляете силы на вспомогательные объекты. В то время, как каждый скажет – водная отмывка подождет. Я вам настойчиво рекомендую: снимите с неё бригаду и ставьте на основной объект. Подпишем акт, затем примемся водную отмывку форсировать. Данные горкому обещания надо выполнять!

Второе. Наблюдения показывают, нам надо отделить газовое хозяйство от жидкостного. Я предлагаю все процессы получения очистки водорода и углерода объединить в одно производство, а гидрирование сделать вторым. Это облегчит управление, уменьшит потери в экономике, снизит, в конечном счете, себестоимость. Будет один хозяин по газу, второй по жидкостям.

– Михаил Григорьевич! Ведь так нельзя. Это ж технология. При гидрировании газ в жидкость превращается, в сепараторе из жидкости газ выделяется, тут одними указаниями не возьмешь, – еще раз несмело возразил главный инженер.

– Это не указания, это партийные директивы, товарищ Ниренберг! – строго поднял палец Шпильман. – Надо документы съездов внимательней просматривать. Какой там у нас третий вопрос? – наклонился он к Сереброву. Тот, как редактор газеты, вел секретарские обязанности.

– Уже четвертый, – улыбнулся Серебров. – Первым я записал персональное дело Осипченко за отсутствие на заседании бюро. Теперь утверждение графика пуска.

– Это тоже вопрос ясный. Конец апреля. Других сроков партия не признает.

Глава 10. РЕФОРМЫ ПО ШПИЛЬМАНУ

Реформы по Шпильману стали тормозить работу и путать эксплуатацию уже в самом своем зародыше. Ситуация, при которой компрессор подающий газ оказался в одном подчинении, а потребитель в другом немедленно отразилась на качестве газа и регулярности его подачи. Инженеры сбились с ног, выясняя причины при внезапном прекращении подачи газа на гидрирование продукта,

приводящего к катализаторным вспышкам и разуплотнениям. Масса времени терялась на согласования и всевозможные увязки при приеме – подаче газов.

Осипченко, упорядочивая неразбериху, издал приказ объединить производства в одно и создать на их базе завод.

Об этом доложили Шпильману. Он немедленно прикатил на производство с проверкой. Ничего не понимая в технологии, он обошел строящиеся объекты кислородно-азотной станции. Свежевыкрашенные здания объектов выглядели празднично, трубы, разбегающиеся по эстакадам, тоже имели заверченный вид.

– Подписать акт и пустить станцию! – приказал он начальнику цеха. – Пустим, и при вспышках станем подавать на катализатор азот.

Из-за спешки с азотной станцией и указанной неразберихи в управлении газовыми и жидкостными потоками, 30 апреля в 16 30 произошел взрыв. Первая же порция поданного на катализатор азота имела превышения по содержанию кислорода и в соединении с водородом образовалась гремучая смесь. Взрыв был настолько силен, что могучий толстостенный ресивер высокого давления разлетелся на куски. Взрывной волной повыбило стекла с рамами и сбросило часть труб с эстакады. На территории возник пожар.

Едва услышав об аварии, Шпильман сел в машину и покатил в горком. Еще сыпались из оконных переплетов стекла, а он спешил первым отвести от себя вину.

– Вот я говорил вам, добром это не кончится! – вскричал он, врываясь в кабинет первого секретаря. – Долго еще нам будет аукаться партизанщина Кленовского. Его удобрения с карбамидами. Нагнул труб через коленку и в кусты! Он и помощников наставил себе под статью! Куда смотрел этот Ниренберг? Взял и подписал акт с недоделками.

Не зря народная мудрость изрекает – первое слово дороже второго! В головах городских властей прочно укрепилось убеждение, что Ниренберг по собственной инициативе подписал акт приема объекта.

Техническим руководителям и специалистам недосуг было кляузничать. Они бросились устранять последствия аварии.

Заместитель главного инженера по пусконаладке Сасин прибыл на место взрыва одним из последних. Пожар уже потушили, пожарные в облитых пеной костюмах не спеша скатывали рукава,

а группа руководителей стоя на грунте за дорогой направляла технологов к местам отсекающей арматуры. Из провисших трубопроводов еще посвистывали газовые струи, и участок оцепили посты газоспасателей.

Невысокого роста и в накинутаой поверх костюма спецовке, Сасин не походил видом на большого начальника. Видимо именно поэтому женщина в рабочей одежде подбежала к нему.

– Я с водооборотного узла, машинистка! – взволнованно затараторила она. – У нас руководство пока не прибыло. Окна повыбивало и в насосную валит газ. Остановить бы надо насосы, двигатели не взрывозащищенные.

– Противогаз! – закричал Сасин. – Дайте противогаз! Где у вас щитовая? Нет, электрическая!

Шум привлек внимание руководства. Женщина махнула рукой на приземистое здание в прямке. Схватив кем-то сунутый противогаз, Сасин кинулся к зданию. Он видел, что насосное помещение находится ниже уровня, что усугубляло скопление газа.

– Там, в насосной! Но туда уже не войти, я еле успела выскочить.

Но Сасин её уже не слышал. На ходу натягивая маску, он бросился в помещение. В узком коридоре шумел монотонный гул нескольких насосов, и по обеим сторонам темнели двери. Какая из них ведет в щитовую? Он бежал, хватаясь за ручки, но иные двери вели в кладовые, а некоторые не открывались. К счастью он наткнулся на всем известный череп, пронзенный стреловидной молнией. Этого было достаточно, чтоб догадаться, но дверь оказалась заперта на замок. Сасин заметался в бессильной ярости. Времени на раздумье не оставалось, сквозь маску уже просачивался запах газа. Тут взгляд наткнулся на алый противопожарный щит в конце коридора. «Там багор должен быть! Или, в крайнем случае, лом, – подумал Сасин, бросаясь к щиту».

Запор он выворотил быстро. Но в помещении окакзалось темно, как в склепе, и найти что-либо можно было только лишь ощупью. Проведя рукой по гладкой поверхности щита, Сасин наткнулся на рукоять выключателя. По аналогии с другими распредками, он помнил, рукоятей должно быть три. Так! Одна, другая, третья – и наступила зловещая тишина. Сасин для верности постоял и прислушался. Но непривычная тишина просто давила уши.

«Все, шабаш! Кажется успел, – подумал Сасин. Ему не хватало воздуха, он хотел вздохнуть, но вспомнил, что он в противогазе. – Надо быстрее вырваться из этого ада!»

Глаза его немного привыкли к темноте, и он разглядел светлое пятно двери. Коридор, освещенный дверным проемом, он одолел в два прыжка и, оказавшись на свежем воздухе, с удовольствием снял мокрую от пота маску. Только теперь, дыша полной грудью, он воочию понял, какой опасности подвергал себя, бросаясь в загазованное помещение.

– Молодец, Михаил Федорович! – подошел к нему Осипченко. – Молодец, что сообразил. А мы стоим рядом, а не догадались. Со всем невдомек, что там не взрывозащищенное оборудование. Взрыв мог быть объемным, посильнее первого. От всей души спасибо!

– Спасибо машинистке. Она надоумила, – устало улыбнулся Сасин.

В висках его еще стучали молоточки от недостатка кислорода. Рисковал, разумеется он, но присваивать все лавры было не в его правилах.

Конюхов, впервые столкнувшийся со столь крупной аварией, не находил себе места. Он прекрасно помнил слова Кленовского о недремлющих врагах и надежду, возложенную на руководителя отдела режима. Кроме того ему не давали покоя республиканские службы безопасности. Звонки трещали каждые пять минут, всем абонентам немедленно хотелось знать причины и виновных.

Технические причины лежали на поверхности. Но ведь технические факторы лишь следствие. Как человек привычный к воинской организованности, он чувствовал, что главным обстоятельством является организация труда. Даже не организация, а её отсутствие. Он несколько раз допросил начальника цеха, главного инженера и чувствовал – нити тянутся выше. Шпильман! Эта фамилия не выходила из головы. Хотя столь экзотическая фамилия встречается не часто, но ему казалось, что он её уже где-то слышал.

Допрашивать самого секретаря парткома у молодого начальника отдела не хватило духа. Он принялся за изучение анкет. Да Шпильман отбывал срок заключения в лагере. Да, он бывший полковник, но даже самое скрупулезное изучение личного дела, не дало повода усомниться в его чистоте.

Глава 11. ОЧЕРЕДНОЕ НАЗНАЧЕНИЕ

Много недоглядов в обеспечении контроля за работой оборудования и состоянием качества реагентов были повинны в несчастном происшествии, но имелись человеческие жертвы. Главного инженера Моисея Абрамовича Ниренберга отстранили от занимаемой должности. Михаила Федоровича Сасина приглашает к себе Осипченко. Как бывший куратор цеха Сасин понимал, что его тоже не минует кара. Но тот конфиденциальный разговор состоялся в гостевой комнате тет-а-тет, чему гость чрезвычайно удивился.

Когда референт Анна Ивановна провела Сасина в гостевую комнату, он обратил внимание, что на полированном столе блестят китайским фарфором два чайных прибора и ваза с сахаром. Леонид Иокифович элегантно помешивал жидкость серебряной чайной ложечкой. Лицо с крупным носом сосредоточено, но добросердечно. Сисин присел с другой стороны стола и тоже взял в руки ложечку.

– Миша, – необычайно доверительно обратился к нему Осипченко. – Дело оборачивается таким образом, что мне нужен толковый помощник. После некоторых трагических происшествий Моисей Абрамович от должности отстранен. . . – Его крупное лицо доброжелательно, в тоже время с пристальным вниманием следило за собеседником. – Не буду кривить душой, я просмотрел много личных дел.

Михаил Федорович слушал молча, он еще не вник в суть беседы и занял выжидательную позицию. Леонид Иокифович тоже не спешил полностью раскрыть карты. Он предупредительно подливал чай, расспрашивал о семье, о жене и дочках. Наконец он решился.

– Мой выбор пал на тебя. Вот твой послужной список, – он подвинул по крышке стола пару печатных листов бумаги. – Это я вышлю в Москву. Ты знаешь, необходимые согласования я должен провести с Уфой и Москвой, но, полагаю, там мои предложения поддержат.

Осипенко достал из кармана пиджака коробку папирос «Казбек», долго разминал папироску в задумчивости, прикурил и глубоко затянулся ароматным дымом. Он двинул коробку по столу в сторону гостя и коротко бросил:

– Курите?!

– Нет, этой заразе я как-то не научился. Даже армейская служба не приучила.

– А я вот никак не могу бросить. Сила воли не та. – Осипченко спрятал коробку в пиджак и продолжил беседу.

– Миша, на комбинате много проблем. Но я тебя беру главным инженером. А главный инженер обязан из многих проблем уметь выбрать одну – главную. Многие идут неправильным путем, увязая в мелочах по предыдущим местам работы. Чтоб этого не случилось, ставлю в известность: сегодня у нас главное направление ракетное топливо. Там огромное поле деятельности, там твое место. Но другие отрасли тоже не забывай. Двое суток даю тебе на изучение всего производства, потом возвратимся к нашей беседе.

Он встал, давая понять, что аудиенция закончена. Сасин тоже встал.

– Иди в первый отдел, там выдадут пропуск.

Глава 12. В ПУСКОНАЛАДКЕ

Жизнь кипела страстями, бурлила карьерными падениями и взлетами. Бураева она зацепила крылом после майского пленума 1958 года, когда Кленовский усиленно штурмовал строительство удобрений. Пару лет спустя, подоспел к пуску цех аминолов. Припомнив удачную ликвидацию пожара, Кленовский назначил Седаева как весьма инициативного руководителя, начальником цеха на отладку этого неведомого продукта. Сашка Седаев стал Александром Ивановичем, он возглавлял цех аминола. Михаил Федорович Сасин взлетел на пост главного инженера комбината.

Признаться и Бураев не слишком долго засиделся на посту начальника установки. Уходя с должности заместителя, Седаев предложил руководству назначить на свое место Бураева. Тут его и разыскал бывший наставник Сасин.

Кратковременное пребывание бывшего бригадира Сасина на должности заместителя главного инженера по пусконаладке вряд ли прибавило лавров её обладателю. Не отразилось это пребывание также на качестве пусков. Но одно положительное явление оно вызвало. Став главным инженером предприятия, Сасин решил образовать подразделение по подготовке новых цехов к пуску. Подбирая

туда руководителя, он сразу вспомнил своего младшего питомца.

– Найдите мне Бураева, – немедленно дает он указание секретарю директора Ново-Якшибайского завода.

– Прокофий, ты чем сейчас занят? – кричит он в трубку. – Инструкцию пишешь? Хорошее занятие для инженера. Ты институт, надеюсь, окончил? Я так и думал. Ты выбери время, подскочи ко мне. Разговорчик деловой имеется.

Кабинет главного инженера находился в смежном помещении с апартаментами начальника комбината в двухэтажном здании управления и Бураев явился в назначенное время. Секретарша, лишь уточнив фамилию посетителя, немедленно впустила его к Сасину.

– А-а, пришел. . . Ты проходи, садись. . . Стул придвинь и садись, я тут завалился бумагами. – Сасина было не разглядеть за кучей раскрытых чертежных рулонов. На столе лежала горка упакованных в тюки чертежей, которые накрывали веер папок технологических регламентов.

Сасин зачем-то повертел в руке печатный листок, положил его в папку, завязал папку тесемками и, хлопнув по ней ладошкой, бросил:

– Зашиваюсь, брат. Ты вот что. Ты сколько установок пустил? . . . Три? Вот и отлично. Я помню, ты как-то бахвалился: где Бураев руку приложит, там дело пойдет на лад. Помнишь? Так вот, послушай. . . Есть предложение создать собственный цех по подготовке производств к пускам. Пойдешь начальником? – заметив, что Бураев вздрогнул от неожиданности, Сасин улыбнулся.

– Я тебя сразу предупреждаю, покоя не жди. Завод удобрений хромает, никак не выведем. Космические программы развиваются, требования все жестче и новые установки как грибы растут. Людей опытных не хватает, если пойдешь, то все отдаешь работе. В семье у тебя все в порядке? Ну так я и думал. С переводом я все улажу сам, требуется только твое согласие. Ну так идешь? Там интереснее – новые технологии, новые люди!

– Заманчиво, конечно. Создавать, . . . а кадры как? Специалисты? Пусконаладка, это же высокая квалификация! – Бураев сомнительно потряс пальцами руки у правой щеки.

– Два заместителя уже есть: Скибин и Васильев. Народ поможем скомплектовать, приказом переведем. А специалистов подбирай сам, на свое усмотрение. Работа интересная, но сложная.

– Михаил Федорович! Мы давно друг друга знаем. Я пойду, но с одним условием – при пуске любого производства, верховные полномочия мне! Иначе порядка не навести. Ведь новый цех это новый коллектив, без традиций, без опыта, там твердая рука нужна.

– Ну насчет твердой руки я не сомневаюсь, этого в тебе не отнять.

– И сколько сегодня производств в стадии пуска?

– Пока два пускаются, да местах в трех порядок с технологией навести требуется. Но ты создай коллектив. На объекты тебя начнем привлекать не ранее, как осенью.

Нетерпеливый Сасин не любил лишней демагогии. Он встал, и посмотрел на часы.

– Сегодня у нас что? Четверг? На этой неделе готовься, а в следующую пятницу партком. Поведу утверждать, будь готов!

Бураев понял – пора удаляться, и тоже встал.

– По рукам?

– По рукам.

В пятницу немного взволнованный Бураев прибыл на заседании парткома комбината. Он подождал Сасина в коридоре, в кабинет они вошли вместе.

Члены парткома важно восседали за отдельным столом у передней стены, Бураев присел рядом с Сасиным на первый ряд из приставных стульев.

– Бураев! Стаж работы десять лет, пустил три установки, – перечислял Сасин. – Мы с ним начинали на катализаторной фабрике...

– Понятно!.. Друга тянешь на хлебное место, – бесцеремонно прервал Шпильман.

– Почему друга?.. Я же пояснил: опытный руководитель, пустил три установки, работает заместителем начальника цеха...

– Вам технологам кажется – пустил установку и герой. А как он политику партии понимает? Как людей воспитывать собирается? Микроклимат создавать в коллективе... Вот что главное. Всюду прогулы, пьянство процветает, а вы задвижками от людей отгородились. Самоустраиваетесь.

Шпильман полистал анкету.

– Так, родился в Кузоватово. Мы кажется уже обсуждали кого-то из этого села?

– Да, в прошлом году на аминолы Седаева назначали, – напомнил Сасин. Шпильман листал дальше.

– Так-так! На перегонке... Скажите товарищ Бураев, это вы пожар в резервуарах затеяли? – спросил он.

– Не затеял, а ликвидировал! Хотя причину комиссия не выявила, моей вины там не обнаружили.

– Это сущий недостаток работы комиссии. Скажите, Бураев, а в Чили какая партия у власти сегодня находится?

– При чем тут Чили? – удивился Бураев. – Извините, но меня же не на должность парторга рекомендуют...

– Михаил Федорович! – грубо перебил Шпильман. – Ты что какого выскочку привел, он себя элементарно вести не умеет! Рассуждает на парткоме, бравитует... Помнится земляка его Седаева утверждали – совсем другой человек! Вы помните, – обернулся он к членам парткома, – покладистый, обаятельный такой. И политику партии и правительства правильно понимает. А этому... Этому э-э выскочке, я предлагаю испытательный срок установить. Все. Через месяц снова рассмотрим. Вы свободны, готовьтесь лучше.

– Ну и что мне делать? – спросил Бураев у Сасина, когда они вышли из кабинета.

– Работай! – сурово бросил Сасин. – Работай. Покобенился и утвердит, это не его номенклатура.

Глава 13. ЖОРА ПРИВАЛОВ

Жора Привалов после того как Бураев выгнал его с установки перегонки, давно переквалифицировался в аппаратчика. Он устроился подальше от Бураева на завод удобрений и обслуживал установку грануляции. С Бураевым он столкнулся в первый же час, после передачи установки в пусконаладку. Он только что вылез через окошко и браво шагал по трубе эстакады, держа в руке ведро с краской, которую стырил в цеховом складе. Он беззаботно обдумывал, где временно припрятать сворованную из кладовой краску, когда увидел незнакомого мужчину. Даже бегло брошенный взгляд узнал его давнего недруга. Тот остановился и снизу вверх наблюдал за нарушителем безопасности.

– А ну слазь! – строго приказал Бураев. – Слазь, говорю! ... Ты чей будешь?

«Если опускаться по лестнице, то как раз попадешь в лапы этого лихоимца, – подумал Жора». Жора попадать не хотел. Тем более он заметил, что недруг его под каской не узнает.

И круто развернувшись, он бросился в другой конец эстакады, где была смонтирована вторая лестница. Опустившись, он забежал в корпус через задние двери. Поднявшись на второй этаж, спрятал ведро в венткамере и спокойно вошел в операторную.

Бураев проводил его взглядом и махнул рукой. «Не бегать же самому за каждым шалопаем. Завтра дам нагоняй начальнику цеха, пускай воспитывает! – подумал он».

Жора меж тем ввалился в операторную и, задыхаясь, выпалил:

– Знаете кого к нам прислали?

– ????

– Бураева с пусконаладкой, сейчас только собственными глазами видел.

– А зачем? – удивленно переспросил Тимошин, – мы же не пускаемся, мы ведь давно работаем!..

– Зачем, зачем!.. Неясно тебе что ли? Это такой хлюст! Я с ним на перегонке еще поцапался. Зажмет и в хвост и в гриву. Будет по пятам за каждым следить: кто опоздал – без премии, кто режим нарушил – без премии. Заводу экономия. Такой живодер, спасу нет.

– Пускай погоняет вашего брата, может и наведет порядок, а то совсем разболтались мужики, – с надеждой вздохнула оператор синтеза Рита Конюхова.

– Чем это мы разболтались? – ехидно спросил Жора.

– А тем! Спекулируете на доброте начальника. Остался насос собрать на часик – отгул, заглушки, что положено по инструкции в рабочее время ставить, поставил – отгул! Спутник сам же заморозил, сам отогрел – отгул! Вот и получается половина бригады в постоянном отгуле, а другая половина на постоянных перекурах.

– Ты я смотрю, Конюхова, очень много знаешь! Ну вам не объяснить. Пойду начальника цеха обрадую. Ему уж не позавидуешь, хорошая подстава.

Жора повертелся еще немного и побежал в кабинет начальника.

– Начальник у себя? – мимоходом, скорее для виду спросив у секретарши, он тенью проскользнув мимо её стола, влетел в кабинет.

– Ты чего, Привалов? – приподнял голову от стопки бумаг Седаев.

– Новость принес! Вы знаете, к нам Бураев со своей шарагой прибыл?

– Знаю!.. Ну и что? Меня об этом еще вчера известили.

– Знаете, да мало понимаете. Его на ваше место прислали. Ох, подсидит он вас. Я с ним на перегонке сколько цапался, ничего не понимает.

– Ты иди-ка Привалов, занимайся своими делами. Тоже мне радетель какой выискался, мы уж тут сами как-нибудь разберемся.

– Разберетесь, когда совсем уберетесь, – пробурчал под нос радетель и вышел. Встревоженный Седаев, однако, встал и подошел к окну. «Эх, жизнь индейка, – подумал он. – Он еще многого из предыдущей подоплеки не знает. Как теперь быть? Тяжко мне придется под его началом».

Глава 14. ДВОЕВЛАСТИЕ

Сасин знал что обещал. Личная жизнь у начальника пусконаладочного цеха осталась в далеком прошлом. Он и раньше выходных не видел, ныне же их как бы не существовало. Если на одном производстве режим наладится, тут же найдутся огрехи на другом.

С год он выправлял технологию на получении спирта. В цехе, который два года не мог выйти на режим. Неприятности поджидали всюду. Почистили от кобальта центрифугу и стали пускать. Едва набрав обороты, двухметровое колесо соскочило с опор и покатилося по залу, сиюминутно грозя кого-нибудь придавить. Обошлось без жертв, но расследование показало, что слесарь не выполнил качественно центровку, и сверхдопустимой вибрацией сорвало болты. Еще хуже дело обстояло на аминалах, где еще при поспешном строительстве было допущено много упущений.

Чтобы не поставить в неприятное положение друга, Бураев решил пройти по установкам один. Посмотреть, оценить обстановку,

и решить, как себя вести с бывшим начальником, волей судьбы попавшим в его косвенное, но подчинение.

Ситуация была удручающей. В помещение насосов мог войти разве только самоубийца. Там и сям шипели паропутечки. Над фланцами курились вонючие аммиачные дымки, лужи на полу наполовину состояли из аммиачной воды и без резиновых сапог по машинному залу не пройти.

Бураев перенял многие черты своего покровителя, поэтому решил для себя действовать с нарушителями жестко и решительно. Но от такого количества безобразий даже он растерялся.

– Вы что же какой бардак тут развели? – обратился он к проходящему мимо рабочему. Но тот даже не среагировал, возможно за монотонным шумом многих утечек не расслышал. Бураев поднялся к Седаеву. Кратко поздоровавшись, он взял телефонную трубку.

– В девять часов прошу собрать инженеров и руководителей! – сердито бросил он Седаеву. Сам начал докладывать Сасину результаты первого знакомства. Седаев оставаясь на своем месте, молча слушал их беседу. Вернее одну её сторону.

– Я вам доложу Михаил Федорович, руки управленцев в цехе даже не заметно. Что делать думаю? Пока займусь наведением порядка. Одновременно устанавливаю глубинные причины в технологии. Да, да, да! – согласно кивал он головой. – С одним условием, мне полное доверие и власть. Как договорились.

Пока он объяснялся, в кабинете собрались подчиненные. Бураев вынул авторучку, взглянул на часы и на листе бумаги набросал короткий план действий.

Ровно в девять часов, он спрятал ручку и придвинул лист.

– Александр Иванович! – официально обратился он к Седаеву, – доведите, пожалуйста, до подчиненных, что с сегодняшнего дня абсолютное руководство цехом переходит в наши руки. Все команды, отданные мной моим подчиненным, обязательны вашему персоналу для исполнения. Если ясно, то начнем.

Он посмотрел на лежащий перед глазами лист бумаги:

– Иван Николаевич, вы обратили внимание на загазованность? Берите бригаду слесарей и немедленно перекупорить все фланцы. Все до единого! Вам пару дней на эту операцию достаточно?

– Времени достаточно. А как быть с работающим оборудованием?

– Я останавливать установку не позволю! – встрял взбешенный Седаев. – У меня план, у меня люди, за блага которых я отвечаю! Вы пришли и ушли, а у меня коллектив – его надо кормить.

– Вы Александр Иванович уже создали блага, такие блага, что работать невозможно стало, – резко осадил бывшего друга Бураев. – Будем переходить на резерв, – обернулся он к подчиненному. – Приступайте!

– Суздальцев! Устранить все парочечки! Если без остановки сможете дам пять отгулов каждому.

В первый день он озадачил коллектив навести хотя бы элементарный порядок. Трудности поджидали с канализацией. Она оказалась забита намертво. Но и эту недолгу одолели. Копали, пропускали проволоку, забивали штанги. Спустя два дня рабочие не узнавали собственной установки. Загазованность прекратилась, зловонные лужи на полу исчезли. По залам появилась возможность ходить без противогоза.

Однако в один миг все проблемы не решались.

– Прокофий Федорович. Пропуск по высокому давлению, остановка требуется, – докладывает как-то старший аппаратчик Тимошин.

– Келарев! Найдите по нарядам слесаря, который ставил линзу и увольте, – приказал Бураев. Он немного подумал. – ... Так. Сегодня же подготовьте распоряжение: замену линз уплотнений проводить только в присутствии старшего оператора и с составлением акта.

Проходя утром по машинному залу, он обратил внимание на стук в группе движения компрессора. «Он долго не продержится, надо остановить и сдать в ремонт», – решил Бураев.

– Ну-ка, подите сюда! – строго поманил он машиниста. – Почему компрессор работает в половину производительности? Вы что посторонний шум в группе движения не слышите? Почему не вывели в ремонт? Немедленно остановить и поставить в ремонт. Это мое распоряжение.

Для верности, Бураев войдя в операторную, фиксирует распоряжение в журнале. Каково было его удивление и гнев, когда он спустя некоторое время увидел компрессор работающим.

– Кто дал указание пустить неисправный компрессор? Вы же мне кулачки размолотите! – грозно вскричал Бураев.

– После вас пришел начальник цеха и приказал включить машину, – объясняет напуганный машинист.

– Немедленно остановить и подготовить в ремонт. Каждый час простоя за ваш счет!

– Вы с Седаевым определитесь, кто из вас главнее, – буркнул машинист, – один кричит – уволью, другой кричит – уволью.

– Инструкция главнее. Инст-рук-ция и технологическая карта! – заострил он внимание на слове «инструкция». – За эксплуатацию неисправного оборудования и нарушения технологической карты буду карать жестоко, вплоть до увольнения.

Старший оператор доложил о повторном распоряжении Седаеву.

– Михаил Григорьевич, – сняв трубку прямого провода, просит Седаев секретаря парткома Шпильмана, – совсем не дает работать Бураев. Самодурничает, оборудование останавливает, мои указания отменяет, – надо бы побеседовать с ним. План вы с меня спросите. Народу тоже надо выполнение для премии.

– Михаил Федорович! Зайдите ко мне! – распорядился Шпильман.

Он долго смотрел на Сасина молча, даже не пригласив присесть. Очень хотелось показать кто в доме хозяин. Но Сасин от природы не любил церемонностей и, выдвинув приставной стул, бесцеремонно сел к столу.

– Уймите вы своего ставленника! Я повторяю – уймите! В противном случае обоих на парткоме проработывать придется!.. – он стукнул ладшкой по столу. – Вы что самодурство в ранг возвели, партийные принципы игнорируете... – грозит Шпильман Сасину.

– Не кипятитесь, Михаил Григорьевич! – успокоил парторга Сасин. – Побеседую я с ним... А если конкретно, в чем проявляется самодурство, Седаев не говорил?

– Останавливает оборудование, отменяет указания.

– Может быть нарушает Седаев что, а он не позволяет? Со знайте, есть такой грех за Седаевым?

– Да у кого этих грехов нет, господи. План-то на Седаеве висит, вот он и крутится.

– Ну если есть, то Бураев прав. Нельзя крутиться на грани аварии. Бураев, давно себя показал: – где он руку приложит, там дела идут на лад. Я ему дал право решительно пресекать все нарушения.

Сасин встал и, не попросившись, вышел.

– Седаев! – набрал Шпильман другой номер, – ты общественность подклочи. Мне что тебя учить надо? Рабочих с жалобами собери, сегодня модно снизу давить. Сегодня пролетариат гегемон, с его помощью мы твоего земляка быстрее проучим.

Глава 15. БУНТ

Работа в технологических цехах не бывает одного цвета. Этот цех давно лихорадило полосами – то плохо, то еще хуже. Простой оборудования, бесконечные отключения насосов в ремонт создавали высокую загазованность. Планы давно не выполнялись. Жесткая политика начальника пусконаладки Бураева вконец озлобила персонал. В цехе назревал социальный взрыв. В немалой степени недовольство разжигал отстраненный от власти начальник цеха эксплуатации Седаев.

– У меня семья! Как по-вашему, чем я детей кормить должен? – трясет перед Седаевым рабочий расчетным листом. В дверь входит другой рабочий.

– Александр Иванович! Ну сколько можно без зарплаты сидеть? Работа адская, в газу, в противогазе. А в расчетах голый тариф!

– К Бураеву идите, – Седаев лишь разводил руками, но сам настраивал рабочих против Бураева. – Вы же видите – он не дает работать! Ему главное планоно остановить насосы, компрессоры. Заставляет бесконечно ремонтировать, потому и не выполняем план.

– К черту! За такую зарплату пусть ишак вкалывает, а я пойду и напишу заявление, – вскричал первый рабочий.

– Пишите! Пишите, все пишите, – подзудил Седаев.

Бураев чувствовал отторжение, но настойчиво добивался порядка. Назрел взрыв после того, как он дал распоряжение остановить и почистить промывную колонну.

– Вы что Александр Иванович всю жизнь брак гнать собираетесь? – ткнул он ручкой в журнал анализов.

– Не ваше дело Прокофий Федорович! – столь же официально отвечает Седаев, – с лабораторией контроля я договариваюсь, и не лезьте!

– Не договариваться надо, а выправлять брак! Колонну осмотреть пора, почему она не работает? На вашу строптивость, я отдаю указание: колонну остановить и почистить! Вам на это определяю времени полсуток! Завтра проверю.

Колонна с пуска выдавала сплошной брак. Разумеется, Бураеву доложили, что колонну почистили, но качество продукта по показаниям анализов не улучшалось.

Он прихватил с собой начальника установки и поднялся на вторую отметку площадки. Подошли к колонне и обман вскрылся с одного взгляда.

– Кто вскрывал колонну! – рассвирепел Бураев. – Ты что подлец такой саботаж устраиваешь? – он поковырял пальцем ржавчину на шпильках – колонну явно не вскрывали. – Да я тебя сейчас с отметки сброшу негодяя! – его так взбесило, что он схватил обманщика за локти рук и затряс. Одумавшись, отпустил руки. – А ну пошли к Седаеву!

Бураев опытным глазом видел не только то, что крепеж на колонне не трогали. Колонна явно запирается, а его обманывают! Его подставляют! Раздражению уже не было предела. Он опустил с площадки и тут же собрал подчиненных в кабинете начальника цеха.

– Александр Иванович! Или ты слеп или туп? У тебя под носом сплошной обман, в персонале техническая безграмотность! – заметив, что Седаев пытается возразить, он взмахом руки усадил его на место. – Примеры? Вот и пример: гидрозатвор даже простым глазом видно на два метра короче нормы. Куда смотрят инженеры? Как вы работаете? Такого поведения я не потерплю! За саботаж и прямое невыполнение моих указаний, я буду настаивать перед руководством вам, как начальнику цеха, объявить выговор. Начальника установки предлагаю немедленно уволить! – он даже не пытался сдерживать гнева и кричал, не слушая возражений.

Тут Седаев, ни слова не говоря, выдвинул ящик стола и вынул из него пачку бумаг.

– Прокофий Федорович, остыньте. Вот результат вашей принципиальной требовательности! Натэ, посмотрите.

– Что это вы там прячете?

– А вы полюбуйте. Заявления на увольнение. Сразу две бригады подали.

Бураев бегло перебрал листки, снял трубку и доложил начальнику комбината.

– Леонид Иокифович! Надо бы срочно разобраться. Нездоровая обстановка сложилась, распоряжения саботируют, меня шантажируют! В чем проявляется? Идет брак, даю указание почистить колонну – и что вы думаете? ...Почистили? Доложили, что почистили! А крепеж как был ржавый, так не тронут даже! Гидрозатвор не соответствует давлению. Начальника установки прошу освободить от должности – мне суют пачку заявлений, – гремел его голос в трубку. – Приезжайте, приезжайте. Мы соберем народ, – согласно кивал он.

Он понял, что на него опять поступила жалоба и неспроста Осипченко просит собрать коллектив. На следующий день красный уголок был набит народом до отказа. Приехали не только свободные от вахт, многие вырвались на минутку со смены. Люди курили, вполголоса переговаривались, ждали начальника комбината.

Начальник комбината Осипченко появился с главным инженером Сасиным и председателем профкома Кашкиным. Он был как всегда элегантен, в темной пиджачной паре и белой сорочке. Неторопливо пройдя за стол президиума, он оглядел зал. Зал настоженно молчал, но в воздухе чувствовалась всеобщая неприязнь и враждебность.

Кашкин привычно встал, он хотел, как принято процедурами, избрать президиум.

Чувствуя неординарность обстановки, Осипченко не стал соблюдать обычных формальностей. Он одернул Кашкина, встал сам, еще раз окинул взором бурлящий зал и негромко произнес:

– Товарищи! Мы собрались для разговора начистоту. Пожалуйста, высказывайте все, что наболело. Мы выслушаем и решим, как же поступить дальше.

Что только тут началось. Выступающие рвались к трибуне, многие кричали с мест. Наиболее рьяные надрывались откровенно враждебно:

- Это крематорий не цех!..
- Тут работать невозможно...
- Нас держат за подопытных кроликов.
- ...Это русское чудо, где можно работать только подневольно.

– Сами бы здесь поработали с вахту в противогазе...

Шум стоял невыносимый, но Осипченко никого не унимал. Он спокойно взирал на гудящий улей зала и не торопился отвечать. Он выжидал, когда из котла выйдет пар.

И пар вышел. Страсти остыли сами собой. Крикуны все выкричались, заготовленные призывы кончились. Все смотрели на начальника комбината, ожидая его действий.

Осипченко спокойно встал. Снял пиджак и повесил его на спинку стула. Это было приметой его высокого напряжения. Сам вышел из-за стола и задумчиво прошелся по ряду, держа руки за спиной.

– Нельзя дальше работать? – остановился он против невзрачного мужика в застиранной спецовке. Тот видимо пришел на собрание прямо со смены. – Что товарищ, пойдешь завтра на нефтехимию?

– Не-е! ...Нет, – отрицательно замахал головой мужчина, видимо растерявшись. – Завтра не могу. У меня компрессор раскидан, собирать надо. ...Только бы зарплату побольше, – как-то жалобно попросил он, спохватившись.

– Ну, что ж, собирай. Товарищи!.. Если нельзя дальше работать, давайте закроем цех, – обратился Осипченко в зал. – Я издам распоряжение. Вам работу найдем. У нас нефтехимия недостаток в кадрах испытывает, химический завод. Закроем цех, за ним седьмой цех закроем, двадцать пятый, второй, четвертый. Люди останутся без работы, поля останутся без удобрений.

В зале висела гнетущая тишина, редкий скрип при движении стула нарушал её. Это сидящие, оборачиваясь, изумленно шушукались. Никто не ожидал столь конкретной реакции.

– А может найдутся среди вас люди, готовые выправить ситуацию, заставить цех работать? ...Может есть патриоты, которым дорога судьба коллектива? – неожиданно громко и властно спросил Осипченко.

– Есть... – вначале робко, – ...есть, есть! – все громче и дружнее раздавались голоса из разных углов зала. – Патриоты есть, только надо что-то делать...

– Ну, так что же. Коли есть, тогда выходите сюда и вносите деловые предложения, – как будто ничего не случилось, спокойно и ровно произнес Осипченко. – Выступайте и прямо говорите, что нужно сделать.

Первым слово взял приборист, что было заметно по торчащим из кармана отверткам. Он долго разглагольствовал о двоевластии в цехе, о засилии пускачей и их зряшных придираках.

– ... Уберите от нас Бураева с надзирателями. Нам не нужны учителя, – призывал он, – мы уже достаточно хорошо все знаем!..

После него к трибуне вышел Бураев. Он весь кипел от негодования, слушая незаслуженные выкрики и оскорбления. Но публично отвечать на выпады недругов было не в его правилах.

– Я предлагаю создать комиссию. Да, да, комиссию! – повторил он, услышав недовольный ропот зала. – Сейчас прямо избрать из рабочих. Выбрать и посадить членов комиссии в красный уголок. Пусть она все замечания и предложения выслушивает и записывает. Всем, кто знает любые недостатки, или имеет дельные предложения, приходите сюда и высказывать их комиссии. ... После обсудим.

Неожиданно для мужчин слово взяла оператор Маргарита Коныхова. Все смотрели на неё с любопытством, чему это нас баба учить вздумала?

– Я в технические вопросы не полезу, – сразу определила Коныхова суть речи. – Из-за попустительства и добротства у нас почти всегда работает половина бригады. Мужики то с похмелья, то в отгуле. Не секрет иногда и в прогуле бывают, что тоже тщательно скрывается. Это все знают, я не об этом. Написали заявления? И пусть уходят. Я баба, прошу сделать одну показательную женскую бригаду. Нам шесть человек достаточно вместо восьми. Я берусь обслуживать установку силами женской бригады из шести человек!

– Ну, что ж, теперь вижу – есть патриоты! ... Это уже деловые предложения, – Осипченко удовлетворенно кивнул. – Я согласен. Комиссия начинает работать прямо сейчас. Через десяток дней посмотрим. По деловым предложениям, составим мероприятия, по кадрам примем решения.

– Михаил Федорович, – повернулся он к Сасину, – ты побеседуй с людьми. Выясни их настроение, через недельку доложишь свои соображения. А с Коныховой надо попробовать, эксперимент привлекательный.

Собрание закончилось вполне миролюбиво. Десять дней люди шли и ехали в красный уголок, неся письменные и устные предло-

жения. Десять дней кипели страсти и разгорались споры в курилках и кабинетах руководителей.

Личность главного инженера Сасина знали многие, и он мог беспрепятственно беседовать как с рабочими, так и с инженерами. Прямых вопросов намекающих на свое предрасположение к руководству цеха и завода он не выказывал. Он запросто заглядывал в курилки, беседовал с операторами в щитовых, расспрашивал о настроении, о взаимоотношениях между начальниками и подчиненными. Принимал прямые и косвенные жалобы на руководство цеха.

– Бураева надо ставить! Слаб Седаев, – прямо говорили ему рабочие. – Бураев строго за порядок ратует, а тому – что начальство скажет! Он готов в рот заглядывать любому руководителю. Вот и не идут дела. Качественно не ремонтируем, вот и не работает оборудование. Бураев за график. Чтоб строго по графику текущий и капитальный ремонты, а наши гонят пока из строя не выйдет. Отсюда постоянная штурмовщина.

В общем Сасин доложил свои наблюдения Осипченко, не оставив без внимания многолетнее личное знакомство.

Социальный взрыв в цехе крепко всколыхнул сознание генералитета управления. Осипченко решил разъединить недругов. Удобный случай не заставил долго ждать. Чтоб разделаться со Шпильмановскими экспериментами окончательно, в конце лета Осипченко затеял реорганизацию управленческого корпуса. Он ввел заводскую структуру с директорами технологических заводов и отдельными управлениями. Седаева он надумал назначить директором на вновь созданный завод занимающийся выпуском засекреченного продукта.

– Михаил Федорович! Зайди, кадровые перестановки обсудим, – пригласил он главного инженера.

Когда вошел Сасин, Осипченко держал в руках лист печатной бумаги. На другой стороне стола независимо восседал Шпильман. Шпильман несколько секунд смотрел на Сасина молча.

– Ты, вероятно, прекрасно понимаешь, что противостояние в цехе аминолов к добру не приведет, – промолвил он после паузы. Он понимал, бразды уплывают, но пытался создать видимость своей значимости.

– Да, да! – перебил Шпильмана Осипченко. – Мы посоветовались и решили их разъединить. Подберите с Бураевым удобное вам

человека на пост начальника цеха, а Седаева я переведу директором химического завода.

– Слабоват Седаев, не тянет руководителем. Ему бы в главных инженерах с годик походить, – раздумчиво произнес Сасин.

– За одного битого двух небитых дают! – снова встрял Шпильман. – Напрасно наговариваете, Михаил Федорович! Руководитель он опытный, такими кадрами разбрасываться нельзя. Парень обаятельный с людьми ладить умеет.

– Когда резервуар загорелся, помните? Он организовал ликвидацию аварии, – Осипченко напомнил, как Седаев прорезкой окон ликвидировал пожар, и сделал выбор.

– Не по моему сердцу такое назначение! В новом коллективе жесткая рука нужна.

– Жестких рук у нас переизбыток. Правильно партия направляет – в душу надо добро вкладывать, а не топтать её душу-то! – назидательно произнес Осипченко, и двинул проект приказа к Сасину.

«И чем его подкупил этот щеголь? – подумал Сасин, но далее возражать не стал». Он молча завизировал приказ и вышел. Начальника цеха амиолов они подобрали из бывших коллег по катализаторному производству.

А Бураев пресекал и реконструировал. Реконструировал по-Сасински – где руку приложит, там усовершенствует. А работал по отцовскому завету. Так трудился, что слава впереди его покатила: где Бураев со своим коллективом руку приложил, там жди порядка и стабильности в работе. Стабильность появилась уже в следующем месяце, но слава перешла к его приемнику.

Глава 16. ТАКИЕ РАЗНЫЕ ЗАДАЧИ

«Опережающее развитие вторичных процессов нефтепереработки, – строчит главный инженер Сасин красным карандашом в ежедневник. – Автоматизация и централизация управления!..» Он написал второй пункт и поставил крупный восклицательный знак. Как все это далеко от любимой космической темы.

Нет, он не устранился от ракетного топлива. Даже дома он не мог не размышлять о производстве. На кухонном столе, где он находился веером лежали справки и отчеты. Он пришел к выводу, что стал главным инженером предприятия, где все ветви равны и одинаково дороги. А недостатков доставало с лихвой: неважно с технической документацией. Не поспевает за вводом производств подготовка кадров. Имеются случаи высокой межразрядной разницы. Отсюда неполадки и аварии.

Решать задачи приходилось по трем направлениям – экономическому, организационному и техническому.

Телефонный звонок застал его врасплох.

– Миша, ты забыл что ли? – узнал он тревожный голос жены.
– Меня же сегодня выписали!

В заботах об улучшении производства, он совсем забыл, что отпросился у Осипченко, чтоб забрать жену из роддома. Наспех накинув пальто и шапку, он схватил подмышку детские санки и бросился в родильный дом. В палате его жены выстроился почти весь наличный персонал больницы. Ждали главного инженера комбината, чтоб торжественно поздравить. Озабоченный Сасин даже не заметил, что его приход сильно разочаровал медиков. Он схватил в охапку завернутую в одеяло дочь и понес укладывать в санки.

– Вы уж извините его. Такой он человек. В личной жизни совсем не приспособленный, – стеснительно оправдывалась перед сотрудниками жена. Она приняла букет от главврача и поспешила за мужем.

Так на санках главный инженер комбината привез из родильного дома вторую дочь. К счастью мороз в тот день калил со всей силой и свидетелей столь неординарного поступка не оказалось.

Трудиться не считаясь со временем, с личными планами и идти на работу как на праздник был главный принцип главного инженера Сасина.

Но Сасин напрасно думал, что в мороз жизнь замирает повсюду.

Утром следующего дня на оперативном совещании начальник отдела режима доложил, что у забора в укромном районе обнаружены подозрительные следы автомашины. Рядом лежали припорошенные снегом пустые бочки. Он созвонился с Конюховым и

выехал на место. Когда Сасин подъехал, Конюхов осмотрел внутреннюю и внешнюю сторону периметра. Он уже проанализировал суть ситуации и поспешил доложить её.

– Да здесь все просто, Михаил Федорович! Я думаю: – тут поработала криминальная группа, или как они себя называют – шайка.

– Причем группа явно организованная, Иван Михайлович! – перебил его Сасин. – Приглядитесь, ведь на этом участке снег чистить нет необходимости, а он почищен. Знать бульдозерист как-то связан с преступниками.

– Я уже понял механизм, – выдвинул гипотезу Конюхов. – Подвозят груз к забору на ковшовом погрузчике и перекидывают в плотно пригнанный с другой стороны автомобиль. Просто и сердито.

– Коль вы так быстро решаете задачи, вы мне и найдите виновных! – Сасин сел в персональную машину и убыл.

Десять дней Конюхов расследовал это дело. С бульдозером просчет выяснился быстро – снег дорожки почистили по заявке для ремонта оголовка колодца канализации. Тогда он пригласил ревизоров и заставил перевесить все партии сырья и реагентов на складах. Поднял накладные на отгрузку и сличил вес с паспортами. Следов хищений или недостачи продукции не было. Опрос работников тоже не дал результатов.

Привезли на место происшествия водителя ковшового погрузчика.

– Можешь перекинуть ковш с грузом через забор? – спрашивает Конюхов.

Посмотрел водитель. Померил шагами вдоль и поперек и отвечает:

– Смогу! А что нужно перекинуть?

– Такого-то числа вы где работали? – допрашивает Конюхов.

– Это когда мороз сильный был? Я на базе реагентов вагон разгружал.

Сверили путевку, опросили работников базы полное алиби у человека. Второй погрузчик по вине мороза вообще на линию не выезжал – лопнул гидравлический шланг.

Очень дотошный человек Иван Михайлович. И докопался все-таки до истины. А сложность заключалась как раз в отсутствии

организованной группы. При чистке реактора в одном из цехов затарили в бочки шлам. Шлам всегда затаривали и вывозили как отход на свалку. Но однажды ночью бочки со шламом исчезли. «Пропали и бог с ними, – подумал начальник цеха. – Баба с возу... Меньше забот». Отходы за ним не числились – криминала в пропаже не было, и беспокоиться не о чем.

Но Шпильман не был бы Шпильманом, если бы не знал, что половину шлама составляет драгоценный металл кобальт. Он подбил Привалова, перекинуть бочки через забор.

– Ну и как ты их вывозил? – спросил Конюхов Привалова. – Ты что, не знаешь, с территории ничего нельзя выносить?

– А я и не выносил, – нагло отвечал Привалов.

– Как не выносил, а это что? – Конюхов показал на пустые бочки.

– Это? Да это отход! – небрежно махнул рукой Привалов. – Мне дали указание – вози на свалку, я сел на рогача поставил бочку и вывез.

– Но ведь ты не на свалку вывез, а за забор.

– Вот забор, вот я. Я за забор не выезжал! Тут ворот нет. А кто и чем командовал, я без понятия! Может они на городскую свалку возили.

Механизм прорисовывался простой. Конюхов, конечно, же догадался. За десяток минут в ночное время цеховым автопогрузчиком перекинуть в стоящий на той стороне автомобиль несколько бочек, дело выеденного яйца не стоит. Погрузчик в цехе без контроля, место безлюдное.

Вычислить виновного трудности не составляло, но не было нанесенного предприятию ущерба. Хищение есть – ущерба нет! Парадокс! Расследование завершилось, но наказать нарушителей юридически оказалось невозможно, ввиду отсутствия пострадавшего. Конюхов доложил Сасину.

– И что ты предлагаешь делать? – сурово спросил Конюхова Сасин.

– Могу только пост установить дополнительный, – посетовал Конюхов.

Глава 17. ПРЫЖОК К ОЛИМПУ

– Сегодня у хозяина по плану что-нибудь есть? – выйдя из смежного кабинета, поинтересовался Сасин у секретаря.

– Сейчас гляну, – та вытащила из ящика стола план график и пролиставала его на нужную страницу. – Нет, до семнадцати часов просмотр переписки.

– Тогда доложите, что я загляну, – попросил Сасин. Секретарша вошла в дверь кабинета начальника и через минуту вышла.

– Минутку подождите, он с Москвой разговаривает.

Пару минут спустя Сасин входит к шефу.

– Леонид Иокингфович, – обратился он с порога, – не дает мне покоя одна завлекательная идея.

– Уж что-что, а на идеи ты горазд, – устало улыбнулся Осипченко, – ты присядь хотя бы, не стоя же беседовать будем.

Сасин с шумом выдвинул стул и присел напротив шефа.

– Ну, давай генератор! Рассказывай, что за идея у тебя родилась.

– Начиная работу над «продуктом один» я создал опытно-исследовательский цех. – Сасин смолк, немигающими глазами глядя в упор на начальника.

– Да, да, слышал об этом! Продолжай дальше. Что за манера испытывать терпение.

– Ракетное топливо находит все больший спрос. Сейчас этот коллектив работает над более энергоемким веществом «продукт два». Дело это новое, пригляд науки нужен постоянный.

– Ну чего ты просишь?

– Так вот я предлагаю на базе опытного цеха научно-исследовательский институт создать! Вы просматриваете какая опора будет?

Осипенко отрицательно тряхнул головой.

– Нет, реальной пользы не вижу!.. Честолюбием, вернее манией величия, наверное, болеем.

– Вы не спешите с отказом. У нас уже три кандидата наук на подходе есть. Лаборатория всем оборудованием оснащенная. Инженеров грамотных сотни, в общем – непочатое поле деятельности.

– Ну хорошо, хорошо – создадим! А прок от этого какой будет? Экономический!

– Прок, говорите?.. – Сасин вздохнул как при тяжелой ноше и сделал продолжительную паузу. – Прок в том, что сами проекты установок выполнять получим разрешение. Качество их повысим, средства на сторону уходить не будут. Инженерный корпус квалификацию повысит.

– Что ж, идея действительно завлекательная. Подумать стоит. Кто там у тебя на хозяйстве сейчас сидит?

– Там Колосов заворачивает, – способный парень, перспективный ученый. О нем отзывы гостей из НИИ очень лестные поступают.

– Ну, хорошо, а база какова? Ну-ка просвети немного.

– База давно переросла себя. Численность выросла до 420 человек, построено около двух десятков опытных установок, созданы две научно-исследовательские лаборатории, введены должности зам. начальника по науке, по опытной базе, главного механика, оборудована механическая мастерская, создано складское хозяйство, – вот какое гигантское хозяйство.

Осипченко долго молчал, что-то высчитывая. Наконец он поднял трубку.

– Анна Ивановна! Соедините меня с академиком Семеновым. – Слушай, а какое сегодня число, – внезапно спросил он, обернувшись к Сасину.

Вопрос был настолько не в теме, что Сасин ответил не скоро.

На том конце провода видимо появился Семенов, потому что Осипченко не стал ждать от Сасина ответа, а во весь рот слащаво улыбнулся. Потом разразился в трубку длинной приветственной тирадой.

– Да нет, – опять ответил он на неслышный для Сасина вопрос. – Способных помощников набрал, они покоя теперь не дают. Вы скоро к нам прилетите? Через недельку говорите? Ну хорошо. Ждем. Нет, нет, – видимо на какие-то другие вопросы отвечал он собеседнику, – помощник предлагает идею симпатичную, обсудить надо бы. Приедете – поговорим.

– Через недельку Семенов прилетает, – пояснил Осипченко Сасину. – Он по нашему округу депутатом в Верховный Совет проходит. Он в этих делах дока, ты готовься хорошенько, мы его здесь ловчее округим.

Ровно неделю спустя Осипченко завел разговор о создании научно-исследовательского института на базе опытно-исследователь-

ского цеха с прибывшим в город академиком Семеновым. Теперь он ему рисовал радужные перспективы и, кажется, убедил старика.

– Знаешь, что. Я идею поддерживаю. Но существует определенный порядок. Вернусь вот в Москву и подошлю к тебе ребят. Они посмотрят, оценят, тогда воротимся к теме подробнее.

Все было готово для придания цеху более высокого статуса. Спустя неделю после отбытия академика, на предприятие приехали семеро экспертов из столицы, как один доктора наук. Стали ревизию наводить на предмет подготовки документов для обращения в Госкомитет по науке и технике. Неделю корпили с Сасиным и Колосовым.

Уехали ученые с коробом обещаний.

Спустя вторую неделю Осипченко поступает звонок от Семенова:

– К сожалению, Леонид Иокифович, номер не проходит. Бюрократы и в нашем ведомстве водятся. У вас на предприятии на сегодня нет ни единого ученого с ученой степенью.

– Та-ак. Вот тебе и Юрьев день. Ну и как на этом перекрестке разойтись? Чтоб степень получить – нужен институт. Чтоб институт создать – остепенить людей надо! Замкнутый круг какой-то получается.

– Вы переговорите с министром. Можно организовать опытный завод, это в компетенции Министерства – вот единственное, что могу посоветовать, – отрезал Семенов.

– Пригласите Сасина! – обратился Леонид Иокифович к секретарю

– Вот что Михаил. Номер с институтом не проходит. Докторов надо несколько, а пока их нет. Ты переделай-ка документы на завод, да пошли толкового человека в Министерство. Праздники на носу.

– Может после нового года пошлем? – попытался возразить Сасин.

– Сразу видно, не знаешь ты столичную публику, Миша! – по-отечески упрекнул оппонента Осипченко. – Такие дела перед праздниками намного проще решаются. Только пошустрей человека подбери, да денег выдели на шампанское с конфетами.

Гонец вернулся буквально 31 декабря, аккурат к домашней елке. Вернулся и привез приказ о создании опытного завода.

Глава 18. ПАРТОРГ ГАФАРОВ

Десять дней спустя после памятного собрания Бураев был назначен директором завода удобрений. Осипченко прекрасно помнил их ссору с Седаевым, но не мог не заметить результаты методической деятельности главного пусконаладчика.

Утром 16 августа 1966 года Бураев стремительно вошел в кабинет директора. Непривычный к роскоши он был немного смущен его простором и величиной покрытого пестрым сукном стола. На отдельной тумбочке стояла целая батарея разноцветных телефонных аппаратов.

Он сел в торец стола и задумался. С чего начинать деятельность? Но жизнь зачастую управляет обстановкой помимо воли руководителей. Как не избегал Бураев досадных эксцессов, деятельность свою на посту директора начал с неприятной стычки. Заявления на увольнение двух бригад еще лежали у него в папке – не хотелось щекотливое решение оставлять приемнику.

Он поднял трубку прямой связи.

– Вера, пригласи ко мне Гафарова, – положив трубку на рычаг, он подждал секретаря парткома. Хотелось посоветоваться, как уладить конфликт до конца.

Зазвонил аппарат связи с операторной цеха аминолов:

– Прокофий Федорович, упали плашки на задвижке подачи сырья в гранбашню! – сообщает начальник смены.

Дело выеденного яйца не стоит, и Бураев автоматически выдает команду диспетчеру:

– Снять и заменить задвижку на резервную! – привычно распорядился он, и сам рассмеялся двусмысленности положения. К нему обратились, еще не осознавая, что директива такого уровня не входит в функции директора.

Еще будучи начальником цеха он завел порядок среди механиков, отревизировать пару десятков арматуры и держать их в горячем резерве.

Вдруг ему докладывают, что задвижек нет!

– Задвижек нет?.. Как это нет, ведь я дал указание... – он даже захлебнулся от возмущения и гнева.

Бураев тут же бросил трубку и сам помчался в ремгруппу, проверить склад. Он хорошо помнил и знал все цеховые закутки. В

ремонтной мастерской курили два слесаря, один притирал плашки. Стоя рядом, за ним наблюдал механик установки. Курящие при виде директора, побросали сигареты и разложили на верстаке вскрытое чрево задвижки.

– Куда дел арматуру? – с лету накинулся он на механика и схватил его за грудки. Не рассчитав гнева, он жестоко затряс его крепкими руками. Тот в такт движениям мотал головой, он просто физически не мог ответить.

Спohватившись, что хватил лишнего, Бураев выпустил винoвника.

– Куда арматуру дел? – сурово спросил он.

– Панченкову отдал, – сквозь зубы выдавил механик.

– Какому еще Панченкову? ...И по чьему указанию! Я же распорядился поставить задвижки в резерв!

– Да тут парень в бобочке прикатил на тягаче, записка от Седаева. «Выделить химзаводу 20 единиц арматуры». Поступила команда дать арматуру – я и отдал, думал у вас согласовано!

– Парень в бобочке... думал... – передразнил Бураев. – ...А трубку поднять слабо уже? Директор вам не начальник? – Бураева вновь захлестнуло бешенство. На всякий случай он убрал рвущиеся к подчиненному руки за спину.

– У него же письмо от директора, я думал...

– Думал, думал! – не дал ему закончить Бураев. – Что ты заладил. О себе думать надо. Когда теперь насос пустишь?

– Пушу!.. Через час пушу. Заканчивают уже ребята притирку плашек.

– Если через час не пустишь, шкуру спущу! – пообещал Бураев и отправился в сторону управления.

– Набери-ка мне Седаева, – на ходу бросил он секретарше, входя в кабинет

– Александр Иванович! – кричит он Седаеву десять минут спустя, еще не остыв от гнева. – Это что у тебя за парень в бобочке там шустрый такой? Приехал, обобрал завод.

– Не сердчай, это я его послал. Сказал, что с тобой сам улажу. Понимаешь, испытания проводить с котлонадзором, а тут арматуру снабженцы задерживают. Куда ж обратиться, как не в родной коллектив? Извини уж, как привезут, так все верну сполна. А с Пан-

ченковым как-нибудь познакомлю, интересный парень. Главным инженером недавно взял.

В кабинет Бураева вошел Гафаров. Заметив, что директор разговаривает, он терпеливо выждал паузу и обратился к хозяину кабинета:

– Разрешите войти?

Бураев пригласительно ткнул рукой на стул и торопливо свернул разговор с Седаевым.

– Серчай не серчай, а план ты мне чуть не сорвал. Ну, да ладно, до встречи.

– Что же ты из-за десятка задвижек план срываешь? – с явной усмешкой подковырнул Седаев.

– Десяток, да все легированные. Быстро не найдешь.

Он не стал выставлять напоказ собственные неурядицы и положил трубку. Потом посмотрел на Гафарова, ожидая, что тот скажет. Биктимир корректно разглядывал стены, делая вид, что разговор его не касается. Тогда Бураев выдвинул ящик стола.

– Что Биктимир с этими бумагами делать будем, – вынул он пачку заявлений и потряс перед Гафаровым. – Они же что мина замедленного действия, в любое время сработать могут.

– Что делать? Общественность подключать надо. – Биктимир говорил спокойно и уравновешенно, чувствовалось, что он продумал свои действия. – Общественность и партию. Вы дайте мне половину пачки, а половину передайте председателю профкома. Будем по одному приглашать рабочих и беседовать тет-а-тет. С глазу на глаз рабочих легче уговорить.

Бураев протянул ему всю пачку заявлений.

– О! Жора Привалов – знакомый тип, – он уткнулся в веер заявлений. – Ну этого вы хорошо знаете, его давайте уволим. Он и есть заводила всей смуты. Остальных уговорим, приглашайте председателя профкома. ...Ладно, я задачу понял, вы с председателем наедине перетолкуйте, будто инициатива исходит от вас. А я пойду и начну проводить беседы.

Биктимир не любил красноречие. Он просмотрел сменный график работы и подчеркнул в нем даты бесед. Приглашая рабочих поодиночке, он, как и предполагалось, быстро убедил забрать заявления. Тем более, что дела в цехе заметно наладились. Там стало чище и спокойнее работать настолько, что даже Привалов свое заявление забрал.

Глава 19. ПОЧИН КОНЮХОВОЙ

Маргарита Конюхова по стажу работы являлась ровесницей цеха. Созданная по инициативе Риты Конюховой сокращенная женская бригада начала деятельность неудачно. В самый канун выходного, перед концом утренней смены пропустил торец насоса. Молоденькая машинистка впопыхах допустила неверные действия при переходе, и случился перелив емкости через свечу.

Когда Рита выбежала на улицу оценить масштабы произошедшего инцидента, девушка сидела на фундаменте опоры и, уткнув лицо в колени, горько плакала.

– Не плачь дуреха! Ты чего реवेशь как корова. Вставай быстро. Бери шланг, настрой воду и смывай в колодец органики. Сейчас я тебе крышку открою.

– Меня теперь уволят, да? – с мольбой уткнула покрасневшие от слез глаза в бригадира девица.

– Дуреха! – ласково погладила её Рита, – у всех ошибки бывают. Только не все быстро исправлять учатся. Иди, работай. Делай, что я сказала! – уже сурово прикрикнула она.

Направив двух женщин прибирать запачканную территорию, двух женщин в целях ускорения ремонта Конюхова направила на помощь слесарной группе. Пока устраняли неполадки, выбилась из режима оставшаяся без контроля башня грануляции.

Привалов, принимая вахту, предъявил ультиматум:

– Что это у вас уровень в башне как прыгает? Пока не установите режим, домой не пойдете.

Формально он был прав, инструкция этого требовала. И женщины беспрекословно подчинились.

Когда устранили все отклонения и сдали смену с режимом, идущим в ниточку, вышли из проходной с чувством глубокого удовлетворения.

– Мы все смогли! Мы никому не уступим!

Об инциденте узнал Бураев. Несколько дней спустя он случайно встретил Конюхову.

– Ты материться умеешь? – ни с того ни с сего спросил он.

– Умею, а что?

– А то, что иногда кое-кого можно послать подальше. Свою честь тоже надо отстаивать. Ну а за одного битого двух небитых дают!

– Учимся, Прокофий Федорович. Такие ситуации нас только закаляют.

– Учитесь! Мне помнится, отец хо-о-роший наказ давал. Тебе по секрету скажу: – где Конюхова прошла, там любое дело должно наладиться! – с улыбкой переиначил он отцовский завет.

Месяц спустя, все руководители заметили: в бригаде Конюховой народу меньше, а порядка больше. Вместо перекура девушки красят оборудование, выдается свободная минутка, они протрут от пыли трубопровод и помнут насос. Закрепленная территория всегда убрана, в помещениях чистота и порядок. И загазованности не случается. И стрелки приборов у них всю вахту как прилипшие к шкалам стоят.

Понаблюдая директор за работой бригады месяц. Понаблюдая два и пригласил начальника цеха аминола на беседу:

– Абдул Абдурашитович! Тебе не кажется, что в цехе почин созрел?

– Вы имеете в виду с женской бригадой?

– Да нет, я вовсе не это имею в виду. С меньшей численностью люди работают. Зона обслуживания шире. Так почему не установить девушкам доплаты за расширение зон? Мы насильно внедряем чужие эксперименты – Щекинские там, всякие Полоцкие. А тут под боком, в собственном цехе эксперимент родился, а мы не замечаем. Ты поговори с отделом труда, несправедливо это!

Неожиданная прибавка к заработной плате за расширение зон обслуживания еще более подзадорила дух женщин. Они стали получать оплату выше многих мужчин. Пример оказался заразительным и эксперимент быстро распространился по заводу. Текучка кадров прекратилась. Месяц за месяцем и дела в цехе пошли на лад.

Глава 20. ЗНАКОМСТВО С ПАНЧЕНКОВЫМ

Знакомство с Панченковым состоялось в день химика на туристической базе. Директорский корпус с женами и семьями выехал на природу отпраздновать профессиональный праздник. Жена Бураева по долгу службы традиционно укатила на республиканскую конференцию, и Прокофий оказался на празднествах один. Пальчев

– эффектный высокий парень с волнистой шевелюрой и красивым окающим выговором привлек внимание не одного Бураева. С ним наперебой заговаривали женщины, с удовольствием знакомились мужчины.

Однако Бураев не любил шумных компаний и по утренней зорьке скромно уединился на берегу реки с удочкой. Едва вошло солнце, с обрыва спустился Панченков.

– Можно я около вас постою? – вежливо спросил он.

– Вставай. Теперь вижу, не мог мой механик устоять перед таким красавцем и обаянием, – усмехнулся Бураев. Сам он был среднего роста и с нерусским обликом лица.

– Это вы о чем? – не понял намека Панченков.

– Да о своем я, – не стал вспоминать Бураев. Он видел, что Палычев даже не ведаёт, о чем он про себя подумал.

– Вы ведь директор завода удобрений? – уточнил Панченков, Бураев сразу понял, что подошел тот неспроста.

– Да. ...Бураев моя фамилия, – немного подумав, представился он, – а вы что рыбачить не собираетесь? Мы всех пескарей распутили в заводи.

– Вы знаете, поздно уже. Пескари да и сорочки тоже в это время спят. Рыба, с другой стороны, здесь давно привычна к пьяным разговорам. ...Я по делу поговорить хотел.

– Ну говори уж, коли хотел. Охота она пуще неволи.

– Я о вас слышал, но видеть не приходилось. Мы ведь от вас аммиачную воду берем. Я предложил схему переработки её с получением аммиака. Но нам аммиака мало требуется, а воды много потребляем. Не возьмете избыток?

– Чудак человек. Схему он разработал... – передразнил Бураев. – В таких делах утвержденный проект нужен. Все-таки не труба через коленку, межзаводская схема. А качество ты как, на уровне нашего поставщика дашь?

– Проект уже заказали и чертежи схем делаем, – ни сколько не обидевшись на едкое замечание, ответил Панченков. – Ваше принципиальное согласие требуется.

– Знаешь что, молодой человек. Такие дела на пальцах не решаются. Давай сегодня порыбачим, а в понедельник подойдешь ко мне с бумагами и обговорим конкретно.

Хотя он урезал молодого главного инженера, идея Бураеву приглянулась. Человек был он хваткий, и суть уловил мгновенно. Она обещала немалый куш заводу. Тем более поставщик постоянно держал завод на голодном пайке.

– Приходи в понедельник в десять, сразу после селекторной оперативки.

Палычев смолчал, в этот момент у него покачнулся поплавок, и он ловко подсек небольшого ерша.

– Ну вот, а ты говоришь сорочки спать легли, – засмеялся Бураев.

– Вот вы где прячетесь! – внезапно услышал он приятный женский голос. По круче обрыва, подбирая юбки, к рыболовам спускались две статные дамы.

– Так я же сорочек имел в виду, а то ерш попался, – довольный эффектом снимал рыбку с крючка Панченков.

– Сразу видно, везучий ты, – позавидовал Бураев. – Я уже почитай час стою, ни тебе ерша – ни сорочки.

– Ой, какая рыбка симпатичная! А как она называется? – заворковали женщины. – А кто её поймал?

– Он! – Бураев ревниво ткнул рукой с зажатым в ней крючком в напарника. – Он ловит, я пока зря время убиваю, – сказал он, насаживая нового червя на крючок.

Что-то больно кольнуло его в сердце. Он узнал в одной из подруг бывшую преподавательницу, но встречи не желал. Размахнувшись со всего плеча, закинул удочку и уставился на поплавок, выжидая исхода событий. Подошедшая с Панченковой женой женщина выглядела стройной и высокой, и Бураеву неудобно было выказать себя перед новым знакомым влюбленным юнцом. Сама она, томно скривив губы в заманчивой улыбке, рассматривала его с глубоким вниманием.

– Так я все-таки на Волге вырос, – тем временем беспечно отвечал Панченков, насаживая новую наживку.

Он был заядлый и опытный рыбак и немедленно увлекся рыбалкой. Его жена, стоя рядом, с откровенным восхищением любовалась его сноровкой.

Но подруга, словно загипнотизированная, не сводила глаз с Бураева. В конце концов она не выдержала.

– Вот вам благодарность к преподавателям, учишь их, учишь, а они даже не узнают! – неожиданно произнесла она.

Бураев, восторженно выслушав на голос, оглянулся. Перед ним стояла статная женщина бальзаковского возраста не увядающей красоты. Настолько близкое и родное просвечивало в чертах её лица, что он сдался. «В третий раз нас участь не напрасно сводит, – отрешенно подумал он. – Знать судьба!»

– Мать честная, да никак Людмила? – будто бы не узнав бывшей пассии, воскликнул он.

– Что вы! Боже упаси! – возмущенно передернулась женщина. – Я вообще вас в первый раз вижу!.. – не выдержав игры, она улыбнулась. – Вернее в третий.

– Людмила, такая же едкая. Я вас узнал, да волос раньше каштановый был, он меня смутил! – притворно заулыбался Бураев.

– Да-а! Узнал. ...Я вас уже полчаса как гипнотизировала, а вы хоть бы что. Хотя на природе могли бы уделить внимание одинокой женщине, с которой знакомы несколько месяцев. В общем-то с храбростью у вас с юности не очень, – намекнула она.

- Жизнь полна различных кульбитов, – глубокомысленно изрек Бураев. Ему стало до неприличия неудобно за проявленную в молодости слабость.

Помолчали. Говорить было не о чем, но расходиться не хотелось. День они простояли на берегу, в попытках поймать ершей. Но это не удалось, зато к вечеру стали друзьями.

А вечером посидели в домике Бураева. Жена Панченкова принесла с собой гитару. Мужчины набрали валежника и разожгли на улице костер. Вспомнив, что он тоже играет на гитаре, Бураев спел пару бардовских песен. До полночи горел костер на туристической базе и директора, забыв производственные невзгоды, как безусые юнцы весело напевали под гитарные переборы:

*– ...Знают все инженеры, к завершенью карьеры
Утомленные нервы, нас до срока сразят!
За былые азарты, лишь инсульты инфаркты,
Как крапленые карты нас угробить грозят!..*

Расходиться не хотелось. Проговорив немного с Панченковым Бураев подсел к старой знакомой послушать романтические напевы, пока их бражка не разбилась по интересам. Жена Панченкова продолжала демонстрировать несложный цыганский репертуар. Потом Панченков, прихватив супругу, собрал принадлежности и ушел. Они,

опустившись по пологому спуску к воде, попробовали заниматься ночной рыбалкой, а Бураев остался наедине с первой любовью. Он уже знал, что она работает технологом в одном из подразделений у Седаева. Заморосил редкий дождь.

– Лет десять с женщинами наедине не приходилось оставаться! – признался Бураев.

– Ладно оправдываться! Прикрой меня пиджаком да прижми посильней. Комары одолели и свежим ветерком потянуло! – подтрунила над ним Людмила, неожиданно для себя, выказав гибкую инициативу. Пары шампанского возбудили в ней плотские чувства, и она не скрывала их.

Прокофий сидел с чужой женщиной и чувствовал её горячее дыхание. Им постепенно овладевало желание, которое уже трудно было утаить. Чтобы что-то делать, он предложил даме прогуляться. Дождь прекратился, но травка была волглая и сырая. Гитарные переборы явственно слышимые от реки и выпитые три бакала шампанского, возбуждали самые сладострастные чувства. Побродив в окрестностях зоны отдыха по асфальтовым дорожкам, Прокофий вдруг услышал:

– Пойдем в домике посидим! Все ноги промокли уже.

– Пойдем, – согласился он, – да и спать давно пора.

Пластиковый домик, рассчитанный на двоих отдыхающих, стоял, притулившись к асфальтированной дорожке, и прижавшись правым боком к раскидистой ветле. Сочно пахло озоном и рыбой. Прокофий, прощаясь с дамой, чувствовал, что она нетерпеливо тянет его в дверь. Не имея сил отказать, он вошел следом. Войдя последним и закрывая дверь, скорее машинально, чем с умыслом накиннул крючок и запер её. Людмила, покосившись на запор, села на запровленную шерстяным одеялом кровать. Прокофий, чувствуя, как горячо забилося его пылкое сердце, присел рядом и, обхватив Людмилу за талию, плотно прижался к ней всей грудью.

– Отпусти, пожалуйста! Не надо, не надо! – жарким шепотом дыша прямо в лицо, пыталась оттолкнуть его Людмила, но этим возгласом лишь еще более разжигала внезапно заплывшую страсть.

– Сейчас, сейчас я, – бестолково прошептал он, отыскивая губами её приоткрытый рот.

Он прижался к её губам и поцеловал продолжительным поцелуем. Прогнувшись в спине и откинув голову, Людмила затрепыхалась упругим телом, как выброшенная на берег рыбка, но постепенно все больше затихая.

Вышел он глубокой ночью, когда ярко сверкающие, словно промытые августовские звезды весело подмигивали с небес, подтверждая нетленность вселенского мира.

Глава 21. ДАЕШЬ МИЛЛИОН ТОНН!

– Прокофий Федорович, возьмите трубку, Сасин! – соединяя связь, привычно сообщила секретарь.

Бураев оторвал голову от сводной суточной ведомости и схватил трубку.

– Прокофий Федорович, ты не смог бы подъехать? У меня тут по твою душу люди сидят.

– Что-нибудь брать, отчеты, цифры?

– Нет, налегке приезжай, просто побеседуем.

Когда Бураев вошел в кабинет главного инженера, Сасин сидел глубоко задумавшись.

– Приглашали, Михаил Федорович? – вежливо спросил Бураев.

– Да. Приглашал, проходи садись, – жестом руки указал Сасин на стул.

Бураев сел в выжидательной позе.

–... Я вот сижу и думаю, – как бы беседуя сам с собой заговорил Сасин. – Только что от меня узбеки вышли. Разговор занимательный состоялся. «Мы положили мочевины по одной норме на гектар, спалили хлопок!» – улыбнувшись, сковеркал он язык на узбекский манер. – На следующий год урезали норму пополам – все равно сожгли! В этом году опять урезали пополам. Так знаешь, как на дрожжах хлопок пошел! Растет хлопок по часам. Ты понимаешь?

– Нет!.. Мы же знаем, что удобрения форсируют рост растений.

– Зря не слышал, как они рассказывали!.. Приезжали председатель колхоза и агроном. Из самого Узбекистана прикатили. Говорят волшебная у тебя мочевина, в три раза урожай поднимает!

– Михаил Федорович, мы ж рекомендации прилагаем по применению, пусть выполняют!

– Нет, ты только посмотри! Его хвалят, а он не понимает! Товарищ вот просит пару вагончиков срочно подкинуть. ...Подумай, осилишь сверх лимитов?

– Уж коли хвалят, грех не помочь. А если чуть с отклонением? Есть у меня неликвидный продукт, ОТК не пропускает.

– Это с ОТК тет-а-тет решайте, как договоритесь. Я ведь совсем для других целей тебя пригласил. Спасибо, узбеки просветили меня немного. Большое издалека лучше видно! У них в Узбекистане еще две трети колхозов не слышали о мочеvine, а ты уже не обеспечи- ваешь спрос. Расширяться надо!

– А я, по-вашему, что делаю? Каждый год по одной нитке реконструирую, уже полмиллиона тонн в год даю!

– Мало! Миллион давай, не меньше. ...Мил-ли-он, ты слышишь? – четко по слогам повторил Сасин.

– Миллион это многовато! На этих мощностях я не вытяну.

– Я тебя не для того пригласил, чтоб ныть слушать! Ему говорят: – давай, страна просит! А он: – не вытяну! Это указание, не просьба. Вперед на вершок смотреть учись. Завтра уже по-другому спросят.

– На этих мощностях не вытяну, – подумав, поправился Бураев. – Если серьезно, то надо новое производство строить!

– Давай Прокофий! Бегом задание, готовь проект и новый цех строй. Ох, закроет нас партия, как все вкус раскусят. На опережение будем с тобой работать. Не сиди – оборудование тащи. Завтра же посылай гонцов в Челябинск, Магнитогорск, в Тагил.

– Нарядов нет Михаил Федорович. Кто с нами из машиностроителей разговаривать без нарядов станет.

– Я же говорю, людей пошли. Да посмышленее. Ты им повязки на рукав повяжи, и удостоверение народного контролера выдай. Пусть пошукуют по складам – в загашниках все запас держат. Кой разберутся, глядь мы кое-что выклянчим.

Всегда суровые глаза Сасина задорно блеснули под очками. Сумасбродная идея с повязками Бураеву приглянулась.

– А что!.. Завлекательная идея. Завтра же командирую. Задачу понял, Михаил Федорович! В следующей пятилетке дам тебе миллион. Слово мужика.

Вернувшись на завод, Бураев собрал помощников и подробно осветил весь разговор. Тертые и закаленные длительными реконструкциями и выводом технологии, помощники встретили его рассказ довольно оптимистично.

– Технические службы, я вижу, правильно поняли суть поручений. А ты, – обратился Бураев к секретарю парткома Гафарову, – собирай народ и принимай повышенные обязательства. Чтоб каждый человек задачу знал.

– И снова в бой труба зовет... – пропел, перефразируя известную песню, главный механик Арсланов.

В непрерывных строительных и монтажных хлопотах подошел десятилетний юбилей завода. Юбилей праздновали широко и разнопланово. Операторные украсили лозунгами. Подразделения выставили на лобных местах образцы продукции, завком наградил цеха переходящими знаменами. Большую группу рабочих представили к правительственным наградам.

Бригадир женской бригады Маргарита Конюхова удостоилась звания героя социалистического труда с награждением Золотой Медалью и орденом Ленина.

– Наслышан, наслышан о твоих подвигах, – обнял Седаев Прокофия Федоровича при встрече. – Молодец. Не опозорил родную альма-матер. Всех наградил. А у меня с наградами как-то не получается – не одного героя не вырастил.

– У тебя Александр Иванович больно кухня таинственная, – отшутился Бураев. – Тебе нельзя светиться. Но заслуги не только по звездочкам на груди определяют, иногда об успехах судят по звездам на погонах, или по стремлению к звездам в небесах, – намекнул он на связь Седаева с космонавтикой.

Встречаясь с Седаевым, он испытывал борьбу двух ощущений – уважение как к земляку и товарищу и чувство подозрительной недоверчивости. Бывший красавец Саша Седаев чуть раньше назначен директором завода. Он немного раздался в теле, лицо округлилось и украсилось очками. Он даже вида не подавал на обиду за прошлые унижения и вел себя дружелюбно и раскованно. Бураев из уважения к чину тоже выказал признаки вежливости.

– Извини, брат – не в обиду за звездочки. Работа у каждого своя. ...Как твоя Валентина поживает? – резко сменил тему раз-

говора Седаев. – Чем занимается? Ты, кстати, имей ввиду, дочь у меня обустроена – замуж выдал. А сын школу заканчивает, скоро на работу устраивать придется. Понимаешь ли, неудобно к себе на завод устраивать, может возьмешь его на свой завод? Пусть похлебает рабочих щец, потом с институтом определимся.

– У нас работы всем хватает. Конечно, возьму. У самого-то обе дочки. Молодцы! В институт обе подались. А жена по профсоюзной линии пошла, инспектором недавно назначили. Дома права качает, на службе права качает – не житье, а каторга, – засмеялся Бураев.

– Ладно, забегай на досуге. Побеседуем.

– К тебе разбежишься, ты ворот наставил повсюду, проходных. Лучше уж ты ко мне.

– А-а! – безнадежно махнул рукой Седаев. – Тебя же не поймаешь на месте. Я давно пробовал тебя найти, так ты ж как гончая собака мечешься – то в одном цехе, то в другом.

Так и расстались друзья, не договорившись о встречах. Они работали, встречаясь лишь на оперативках.

Глава 22. ШПИЛЬМАН ЗАТЕВАЕТ КОЗНИ

Шпильман не любил ждать – следующая ступень уже горком. Для этого надо похитрее убрать первого. Это был враг, причем враг матерый и оголтелый. Но задача перед ним стояла двуединой – планомерно разрушая социалистическое хозяйство, всемерно повышать собственное благополучие. Понимая, что расслабляться нельзя, Шпильман очень зорко всматривался в ряды перспективных инженеров. Несмотря на шестой десяток, он не растерял былой привлекательности и энергии. Округло выпячивая недостатки высших руководителей и умело присваивая чужие заслуги, он старательно налаживал контакт с людьми обиженными советской властью. Он проталкивал их в секретари, в крайнем случае рядовыми членами парткомов на заводах.

Чтобы убрать первого секретаря, надо хорошо поработать на комбинате – устроить там серьезное ЧП, чтоб прогремело от Москвы до самых до окраин. Звериным чутьем он чувствовал – надо

действовать в двух направлениях: разлагать коллектив и найти сподвижников в среде руководства. Опытный в организации козней, он вспомнил организатора пожара в парке Жору Привалова и директора завода Седаева. Двое есть, но этого мало, тем более Седаева еще надо приручать. И Привалова приближать нельзя – уровень не тот. Он написал две фамилии, затем смял, разорвал бумагу и бросил клочки в корзину.

– Александр Иванович! – звонит он Седаеву, – в сентябре месяце наклеивается пара путевок в круиз вокруг Европы. Не желаете поплавать?

Став невероятно честолюбивым, Седаев понимал, что просто так секретарь парткома бесплатный круиз не предложит и решил отказаться.

– Путевка это пустое. Круиз я сам могу устроить. Если хотите мне помочь, организуйте лучше зятю должность парторга! – напрямик попросил он.

– Ну ты Седаев удав! Только что тебя назначили, ты уж зятя тащишь паровозом. Кстати, как его фамилия?

– Вы его знаете, он редактором газеты работает. Серебров.

– Да. Этого товарища я помню, он не перед чем не остановится. Ты подошли-ка его ну скажем в субботу ко мне на дачу. Мы тет-а-тет побеседуем.

Шпильман несколько раз пробовал выйти на личный контакт с Сасиным. Он приглашал того на охоту, на рыбалку. Но Сасин к чужому мнению не прислушивался. Закомплексованный на ракетном топливе, он не тратил время на дружеские застолья или общественные мероприятия. Выйти на контакт с Сасиным, Шпильману не удалось.

«Ну что же, – думает он. – Тем более надо щелкнуть этому выскочке по носу!»

Округло выпячивая недостатки высших руководителей и умело присваивая чужие заслуги, он старательно налаживает контакт с людьми обиженными и пострадавшими от власти. Таких много оказалось среди сокращенных во времена хрущевского правления военных. Он вовлекает их в общественные лидеры и расставляет по ключевым местам.

В последние годы Шпильману явно не везло. Его честолюбивые планы требовали любой ценой притормозить работу над космиче-

ским топливом, и он искал подходящий момент. Опытный интриган, он понимал, что настойчивый в исполнении целей Сасин скоро переключит в кресло начальника комбината. «Под видом усердных тружеников все рвутся вверх или в столичные круги, – думал он». Разрабатывая долгосрочные комбинации надо загодя расставлять сети на будущих претендентов. Ими виделись директора заводов Седаев и Бураев. Если к Седаеву он благоволил, Бураев вызывал неприязненное отношение.

И он начал действовать. Неугомонный враг и карьерист Шпильман решаете организовать взрыв на заводе удобрений. Подготовка велась очень скрытно и продуманно.

К тридцатилетию победы хитроумными путями добившись присвоения себе ордена Отечественной войны, Шпильман меняет тактику. Подумав, и тщательно взвесив вис и контра, он решает действовать в двух направлениях: он организует моральное разложение подчиненных в цехе аминолов; одновременно расставляет на посты секретарей или председателей цеховых комитетов своих людей. Тут просьба Седаева подоспела как нельзя кстати.

Его ставленники строчат жалобы от лица рабочих. Вторым актом стало личное посещение цеха. И он появляется в цехе с инспекционной проверкой. Под предлогом разбора жалоб и письменных заявлений, Шпильман прибыл в цех аминола. Афишируемая цель – отставание от графика выполнения годового плана. Тайная миссия организовать техническую неразбериху и суету. Надо посеять семя неразберихи. Завершая собрание, Шпильман взял слово и начал рассказывать о витающих в стране новых принципах хозяйствования и возможностях самим зарабатывать деньги.

– Товарищи! Партия всегда защищала интересы молодежи! Я о том, что надо смелее ставить на руководящие посты молодежь. Это авангард рабочего класса, это грамотные инженеры. У вас застой в кадрах. Вот и пример налицо! Старший механик в цехе пенсионного возраста. Почему не заменить его Серебровым? Образованный, энергичный парень.

– Зарплата низкая? Она в ваших руках. Есть рекомендации партии. Самофинансирование, хозрасчет. Создавайте хозрасчетные бригады! Отказывайтесь от услуг ремонтников – это ваши деньги, это ваша высокая зарплата!

Не имея образования, он слабо разбирался в делах технологии, и совсем не представлял ремонтные тонкости, но зерно стяжательства в руководстве посеял умело.

Намек сделан, далее он вел разговор о многом другом. Пока все складывалось удачно, и по плану.

Теперь надо в деле проверить Сереброва и он решает устроить ему испытание.

В субботу он встретил Сереброва на даче и предложил сыграть партию в бильярд.

– Все начинающие игроки думают, что бильярд простая и безобидная игра, – разглагольствовал он, разбивая шары. – А в бильярде масса возможных приемов нанести противнику поражение.

Серебров, желая угодить высокопоставленному патрону, благополучно промазал свой удар, и очередь перешла Шпильману. Безусловно, тот видел, что соперник не случайно промахнулся и решил преподать урок. Он тщательно натер прокладку кия мелом и неторопливо обошел вокруг стола.

– Есть прямой удар, при котором в лузе оказывается чужой шар. – Шпильман прицелился и ловко вкатил в лузу пару чужих шаров. – Это легко, таким ударом обычно пользуются неопытные игроки. Свой шар тоньше и требует более длительной тренировки. – Он двумя ударами с оттяжкой закатил в лузу пару свояков подряд.

– Опытные игроки как преферансисты, любят сложные комбинации и бьют дуплетом по два шара в разные лузы.

Скрикошетив от двух бортов, оба шара упали в лузы противоположных углов.

– Верхом мастерства среди бильярдистов, является крученный удар – карамболь. При этом надо рассчитать и силу удара, и траекторию полета. – Вертящийся вьюном шар подпрыгнул и влетел в угловую лузу, за ним скатился другой. – Все батенька, партия! – складывая кий, объявил Шпильман огорошенному сопернику.

– Для достижения успеха в нашем нелегком деле мы с вами вынуждены применить весь комплекс комбинаций: бить своих и чужих, бить прямо и дуплетом. План у меня предлагается такой:

– Тебя я временно протолкну старшим механиком цеха. На аминолы, где мне нужен небольшой фейерверк! – инструктировал

Шпильман своего протеже, – для того тебя и ставлю. Там работает оператором Привалов, запомни эту фамилию...

– Вы уж очень мелко меня опускаете! – возмутился собеседник. – Механиком, да еще с операторами работать! Неужели я с оператором буду сомнительные дела обтягивать?

– Это еще тот прохиндей, ты его просто не знаешь! – успокоил Серебров Шпильман. – Тебе с ним напрямую общаться не придется. Он используется нами вслепую. Ты затей суматоху, заставь его устроить пропуск газа, затем перекинь на другую, более срочную работу.

– Но ведь любая комиссия меня обвинит в аварии, – воспротивился собеседник. – Это же тюрьма!

– А я тебе что, пешка на шахматной доске? Прикрою. Затем, на место секретаря парткома пойдешь! А в партком легче с низов, с технических должностей толкать, ты не понимаешь, что ли?

– Парткома комбината? – не поверил Серебров. – А вы куда? Увольняетесь что ли?

– Да, парткома комбината. Даю тебе слово, сразу после моего ухода организуем перевыборы.

– Ну что ж! Тогда игра стоит свеч.

Глава 23. КОНЮХОВ МЛАДШИЙ

Пока Глеб Конюхов заканчивал школу, Бураев выбился в директоры завода. Глеб не стал легчиком, как пророчил отец, а увлекся химией и решил делать карьеру на местном заводе. Два года назад, Рита Борисовна попросила Бураева принять Глеба в цех аминала.

Когда высокий подтянутый юноша вошел к нему в кабинет, Бураев встретил его удивленным возгласом.

– Мать честная, вылитый отец! – он встал и пошел к нему навстречу. – Такой же худощавый и обаятельный. Только одного, очков не хватает. Хотя, тебе сколько? Восемнадцать? Ну, в твои годы отец еще с япошками воевал! Так ведь, я правильно говорю?

От природы малоразговорчивый Глеб лишь слабо кивнул в ответ головой.

– Извините, мне когда на работу выходить? – несмело спросил парень. Его явно тяготил разговор с незнакомым директором.

– В отделе кадров все скажут, опустишь на первый этаж и найдешь в углу у выхода окошко инспектора. Ну давай парень желаю удачи.

Три дня спустя, Конюхов младший приходит в операторную. Он скромно встал у окна и наблюдает, как озабоченные люди в серых спецовочных костюмах принимают вахту. Закончив процедуру пере-
сменки, бригадир обратил внимание на одиноко стоящего парня.

– Конюхов? – коротко спросил он, оглядывая худую фигуру.

Тот молча кивнул головой в беретке. Высокий и поджарый телом парень видимо пришелся по душе бригадиру. Он тут же учинил допрос.

– Ты сдал экзамен по охране труда? – спросил бригадир.

– Сдал, еле-еле. Что у вас за порядки? Ваш начальник установки достал меня вопросами, – простодушно пожаловался Глеб.

– У нас порядки строгие, так что не балуй. У нас начальник установки строгий и директор строгий – сразу привыкай к дисциплине. От директора исходит манера к порядку. В общем так! Дуй к кладовщице, спросишь у неё пары две метелок. Когда придешь, вот тебе в помощь две женщины стоят, подметете дорогу.

– Ой!.. Я как-то мести дороги не умею. Я же оператором устроился, мне говорили кнопки нажимать.

– Кнопки нажимать успеешь. Научись порядок и чистоту на территории блюсти, тогда посмотрим. На твой век кнопок хватит. Вон их сколько, видишь? – бригадир смеясь ткнул рукой вниз щита управления, где в три ряда шли сотни кнопок. – Научись дороги подметать, – за чем-то повторил бригадир.

Целую вахту Глеб как прокаженный мел дорогу, собирал граблями кучи мусора и возил на самодельной тачке мусор на свалку. Рабочий день прошел как в тумане. Пришел домой разбитый и вконец сокрушенный.

– Ну, как первый день работы прошел? – полюбопытствовала Маргарита.

– Это не работа, это ад какой-то, – сумрачно ответил сын.

– Ну-ка, ну-ка, расскажи сынок, что случилось? – встревожилась мать.

– Отец все распинался: аппаратчик! Аппаратчик! – передразнил он папу, – приборы будешь крутить. А там всю вахту полбригады с метелками ходит. Скоро он придет?

– Ты иди мойся, я как раз кушать приготовлю. Глядишь, и папа подъедет.

Выйдя из ванной комнаты, Глеб встретил отца в коридоре. Тот снял сапоги и определял на вешалку китель. Оставшись в майке, он тепло прижал к груди сына.

– Ну как пролетарий, первый рабочий день успешно выдержал?

– Пап! Ты можешь этого зануду начальника установки уволить? – сходу поинтересовался Юрка.

– За что это уволить? – устало улыбнулся отец. – Ты что-то парень круто взялся. День отработал и уволить. Так ты у меня до института всех руководителей разгонишь. Ну-ка повтори, за что уволить?

– Задолбал он нас своей уборкой. То мети, то полы мой, то трубы крась. Всю вахту только и делали сегодня, что порядок наводили.

– Загонял говоришь? Ладно, разберусь я, – смеясь пообещал отец. – Завтра позвоню вашему директору. Идем, покушаешь, да отдыхать пойдешь, коли устал.

Наутро Коныхов звонит Бураеву и с задорной иронией спрашивает:

– Прокофий Федорович! Кто это у вас начальник установки на аминолах?

– Да вроде нормальный мужик, хозяйственный. А что? – обеспокоенно заволновался Бураев. Служба режима справок так просто не наводит.

– Парень мой пришел с работы и жалуется. Говорит – порядок очень любит. Загонял бригаду, мести, мыть красить заставляет. – Он слово в слово повторил слова сына. – Видно очень добросовестный человек. Вы ему благодарность объявите, в общем отметьте как-нибудь.

– Спасибо за совет, отмечу. Ты сыну-то скажи, что это его мать всех приучила к порядку, мужики теперь за женской бригадой тянутся. А благодарность объявлю. Приятно слышать хорошую оценку. Спасибо.

– Ну с сыном разберемся, привыкнет. Станет еще как мама ге-

роем труда! Жаль у нас не применишь такой почин. Хотел было внедрить, да у нас условия совсем другие, женщин маловато. Ну да ладно, успехов вам. А за сынишкой все-таки присматривайте.

Глава 24. НАКАНУНЕ ТРАГЕДИИ

Ситуация складывалась как нельзя благоприятная. Спустя месяц после громкого юбилея на аминалах Осипченко убыл в Москву. Чрезвычайно высоко оценили в министерстве инициативного руководителя. Начальником комбината он предложил назначить Сасина.

– Ты, Михаил, к Седаеву присмотришь хорошенько. Неплохой парень, коммуникабельный, с военными ладит, – на прощанье напутствовал Леонид Иокифович.

Принявшему пост Сасину идея с хозрасчетными бригадами пришла по нраву. Человек хваткий до всего нового и честолюбивый он немедленно решает применить метод на практике. Он собирает совещание начальников цехов и ставит задачи.

– Давайте проведем экономический эксперимент. В нескольких цехах ремонт организуем своими силами, без привлечения подрядных организаций. А выделенные средства переведем на оплату своих рабочих. Я обращаюсь к директорам и начальникам цехов – создавайте хозрасчетные бригады! Нет. Давайте по несколько бригад в каждом цехе создадим, и отремонтируем установки сами. Не надо ждать, когда дядя зарплату поднимет, вот ваши приработки! – будучи докой в теоретических делах технологии, он не лез в ремонтные тонкости.

– Скажем, со всеми работами, вы Михаил Федорович перегнули! У нас людей обученных недостаточно, лицензий нет многих, да без монтажников сварочные работы кто выполнять будет? – дело с хозрасчетными бригадами было незнакомое, и главный инженер неохотно соглашался на авантюрное указание.

– А ремонтные цехи на что? Грузи их, пускай тоже впрягаются...

Когда объявили инженерам цеха аминала о замысленных планах, они, как это часто случается, немедленно поделились на

две группы: одни приветствовали возможность заработать, другие категорически возражали.

Втянулись в авантюру и поняли, что втянулись напрасно уже слишком поздно. Рабочие, не имеющие соответствующих навыков, да, чего уж греха таить и мало верящие в обещанные заоблачные заработки работали спустя рукава. Сварных не хватало, затягивалась сдача аппаратов надзору и контролирующим службам. Ремонт явно проваливался.

Теплый безветренный день начался обычной суматохой, присущей предшествующему окончанию ремонта. С утра один за другим в цех зачастили вояжеры от управления. Они выдавали каждый свои указания, отчего беспорядок еще более усугублялся. Пик нервозности создал звонок секретаря горкома Шпильмана. Мотивируя запросами от колхозников, он проявил личную заинтересованность в ускорении пуска. Начальник цеха видел, что к пуску цех не готов, но пути назад оказались отрезаны. Он направился к начальнику установки дать разгон.

– Кузьмич, приказ помнишь? – без обиняков спросил он.

– Какой еще такой приказ, – не понял Кузьмич.

– Капитальный когда заканчивается? Как платить народу будем? Это наш с тобой вопрос, так что брат поворачивайся, послезавтра быть на режиме!

– Окститесь! У вас что в мозгах крыши с петель полетали? Колонну-то еще не прессовали! А её заполнять только сутки!

– Снимай заглушки, газом надавим на рабочее давление вместе со всей системой и пойдет колонна, куда она денется! – дал команду начальник цеха.

– Ой, как это не продумано! С огнем играете! – переходя на официальное обращение, покачал головой недовольный Кузьмич. Он, как говорится, собаку съел на газовом продукте и знал цену предстоящего риска.

– Ставь аппаратчиков и снимай заглушки! ..Я приказал! – нервно вскричал начальник цеха на непокорного подчиненного. Кузьмич послушно вышел.

Старший аппаратчик, перехватив пару подчиненных, в числе которых оказался Жора Привалов, направил их на снятие заглушек на перетоке колонны, подготовленной к испытанию. Площадка, на

которой находился фланец, примыкала к округлому боку колонны и видимость на ней была слабой.

Разболтили фланец и вынули шесть шпилек. Это дело заняло «шесть секунд», по рассуждению неунывающего Привалова. Остальные ослабили и стали вынимать толстенную заглушку. Заглушку тянул за хвостовик стоящий по другую сторону Привалов.

– Отжимай Володь, фланец, сейчас мы её как миленькую выдерем, в смысле снимем! – напрягая силы, что есть мочи, промолвил он. Нога его, поскользнувшись по рифленке, столкнула вниз лежащие на просечке свободные шпильки. Шпильки с грохотом летели вниз, глухо постукивая об изолированные бока колонны.

– Так, вот и выскочила, в смысле готово, затягиваем! – Привалов аккуратно положил на рифленую площадку, снятую секунду назад заглушку и посмотрел под ноги. – Так, а где же наши шпильки? – удивился он. Он даже не заметил в напряжении, что сам же столкнул их вниз.

– Так они же все свалились, еще когда ты заглушку вытягивал, ногой столкнул, – ответил работающий на другой стороне товарищ.

– Ты, Володь, ставь прокладку! В смысле зачищай и обтягивай! Ну, я бегом спущусь, подниму. В смысле мне же крутить все равно нечего! – заторопился Привалов.

Шпильки отсутствовали с его стороны, и он оставался без работы. Он, не раздумывая, обошел колонну и направился вниз по лестнице.

– Привалов! ... Вот, как раз ты и нужен, – окликнул его будто невзначай встретивший старший механик Серебров. – Поди сюда!

– Некогда мне, заглушку снимаем, да шпильки свалились на пол, в смысле попадали все, – хотел проскочить мимо Привалов.

– Успеется с твоей заглушкой. Идите на печь, помогите ребятам обвязку теплообменника по топливу собрать! В ночь печи пускать, а теплообменник не готов!

Привалов, глухо ворча: «в смысле загонял мол механик», крикнул товарищу:

– Володь, собирай инструмент, пошли! Нам другую работу дали! – и друзья направились в сторону печи. Работа по сборке обвязки затянулась. Забыв про упавшие вниз шпильки, они про-

должали исполнять все время меняющиеся указания механика. Работы было много, и конец рабочего дня отодвигался все дальше.

На второй день начальник появился в цехе уже около семи часов утра. Появился и напрямик прошел в кабинет. Следом подошел механик Серебров. Утомленный, но довольный механик протянул начальнику цеха акт:

– На, вставляй в перечень документации! Все! Теперь можно спокойно пуском заниматься, акт подписан! – он поднял трубку прямого провода с операторной.

– Кузьмич! – гаркнул в трубку механик цеха. – Кузьмич, пускай установку! Колонну прессуй газом!

– Газом? Это же правила запрещают!

– Это не твое дело. Я акт еще вчера утвердил, знать установка принята в эксплуатацию.

Кузьмич, по признакам видя явственное давление со стороны администрации, в управлении цеха старался не показываться. Он продул газом топливный трубопровод, запалил по одной форсунке и начал разогреть печи. Прихватив пару аппаратчиков, он настроил газ на прием в систему. Пока система заполнялась, Кузьмич, не теряя времени, обошел оборудование и проверил плотность. Внешне все выглядело спокойно.

Установка пускалась. Готовилась к пуску, готовилась спешно и расторопно. Кузьмич, сидя у стола старшего аппаратчика, принимал доклады и посылал подчиненных на узлы: снять заглушку, сделать направление или проверить наличие пропусков. Команды он отдавал четко, и оставалось лишь контролировать их выполнение по показаниям приборов. Он, безусловно, был опытный начальник установки, много раз запускавший их разные и непохожие, но сегодня необъяснимая тревога жгла его сердце. Непередаваемое чувство беспокойства не покидало его с самого раннего утра.

Печи тем временем постепенно нагревались, температура росла по нижней кромке разрешенных графиком значений. Кузьмич дал команду прижать подачу топлива и вдруг услышал слабый хлопок и страшный свист. Он бросил взгляд на манометр – давление в колонне падало. Схватив противогаз, Кузьмич кинулся на установку, но газ достиг форсунок печи.

Глава 25. ВЗРЫВ

В 17 часов 10 минут теплого августовского дня в цехе получения аминаола прогрехотал взрыв. Внезапный взрыв прогремел раскатисто и глухо. Он блеснул режущим глаз молочным светом и четко высветил несколько застывших в испуганном танце фигурок. Две из них, пригнувши голени и головы, застыли под мощной эстакадой. Разогнувши голени, они заметили, что тесно прижаты провисшими трубами к земле.

– Надо же!.. Как нас не придавило! – растерянно посмотрел вверх Жора Привалов. Нежданный взрыв застал их на пути со смены к проходной.

– Бежим быстрее, что-то газом пахнуло. Как бы опять не ша-рахнуло, – поторопил напарник, вскачь припускаясь прочь.

Откуда-то сверху засвистела коричневатая струя неизвестного пахучего продукта. Выскочив из-под провисших труб, рабочие побежали от струи, в ужасе приглядываясь к догонявшему их огненному валу. Они стремительно неслись в сторону железнодорожного полотна, две другие фигурки, яростно работая локтями, мчались в противоположную сторону. Тут последовал другой и более мощный взрыв. Над изгибом проваленной эстакады, где только что скорчившись стояли Привалов с другом, полыхнул столб огня.

Сорокалетнего директора завода Бураева взрыв застал в соседнем цехе, где он контролировал работу недавно запущенного агрегата. Схватив первый попавший под руку противогаз, Бураев бросился на выход. С южного выхода из здания масштабов трагедии пока не просматривалось, но на востоке вздымался черный клуб дыма. Едва выбежав на улицу, он краем глаза заметил первый след ужасной аварии: на крыльце здания лежал неведомо откуда прилетевший кусок металла размером в автомобиль.

«Ну, надо же, какая необузданная сила у химических процессов! – не к месту на бегу подумалось Бураеву, – это ж надо! Аппарат высокого давления разнесло в щепки!». Выскочив из-за угла здания, он увидел бушующий огневой вал на эстакаде. С правой стороны клубился дым от разорванного аппарата, который кинжально рассекала огневая струя. К месту трагедии с двух сторон бежало несколько человек, на ходу раскрывая раструбы огнетушителей.

– Мать вашу растуды-то, стойте! Прекратите, я вам говорю!
– издали закричал им Бураев. – Пока не тушите! ...Вы что, не понимаете? Пусть горит, пока давление не сбросим.

Рабочие недоуменно остановились, они не знали расположения трубопроводов и оказались в большей степени просто сторонними наблюдателями.

– Старший смены есть? – меж тем деловито начал распорядиться Бураев.

– Нет здесь никого с той установки, – по решительности определив в нем главного, отвечал мужик в промасленной спецовке. – Я из вспомогательного цеха, он вовсе с установки конденсации, – ткнул он пальцем в товарища напротив.

– Который с конденсации немедленно к телефону, продублировать сообщение об аварии, – ты беги да сообщи в скорую помощь, – Бураев бесцеремонно совал пальцами на первых попавших на глаза рабочих. Двое-трое из них тут же убежали.

– Это что за трубопровод свистит, кто знает? – обратился Бураев к оставшейся кучке зевак.

Зеваки оказались случайными. Персонал частично погиб, частично останавливал установку. Решать пришлось быстро и самому.

Вялое горение промасленной изоляции трубопроводов его мало беспокоило, он опасался кинжального огня из разверзнувшегося уплотнения фланцев. По белизне пламени угадывалось – горит углеводородный газ! Надо срочно перекрывать арматуру, к счастью за несколько лет он хорошо узнал схемы на этом месте эстакады. Но она объята пламенем.

– Это газ, там есть отсекающая блок задвижка да к ней сейчас не подобрешься, – потоптавшись, показал на эпицентр пламени рабочий.

– Огнетушителями ничего не тушить, пускай давление выгорит, а то опять жажнет. А вон как раз и пожарные едут, – обрадовано воскликнул Бураев.

Гудя сиренами, с дороги один за другим заворачивали сразу пять пожарных автомобилей. Три из них проскочили в сторону взорвавшегося ресивера, а две веером встали на территории. Привычно выскакивая из кабин, деловито приступили к разворачиванию серозеленые фигурки пожарных. Следом подкатили две «Волги» с

руководителями. Но Бураеву было не до них. Для себя он решил что надо делать, потому, не теряя времени, подбежал к усатому майору пожарной службы.

– Ставь пару стволов с одной стороны струи, пару с другой и отсекай пламя! Поливайте именно вон в то место, где пламя белесое! – дал он указание. – Дай-ка скорее бушлат и свои рукавицы! – обратился Бураев к спешившему куда-то пожарному.

Тот удивленно остановившись, снял и протянул Бураеву несгораемые рукавицы, затем, помявшись, скинул бушлат.

Майор видимо разгадал его замысел и бросился распоряжаться подчиненными. Совсем вскоре засвистели тугие водяные струи, и зашипела вода в языках пламени. Хотя вокруг плавали космы белесого пара, на высоте человеческого роста от рифленной площадки показалась задвижка.

– Плесните-ка ребята вон на ту задвижку, – распорядился Бураев, натягивая маску противогаза. – Теперь на меня плесните, – глухо крикнул он из-под маски.

Надо сказать, майор не зря носил усы. Опытный пожарный, он понимал его с полуслова. Окотив нелепую фигуру струей воды, чем даже сквозь бушлат насквозь промочил пиджачную пару, он приказал направить один ствол на штурвал задвижки.

Не тратя зря времени, Бураев натянул маску, надел рукавицы и полез на площадку. С обеих сторон его облизывали языки пламени и поливали водяные струи.

«Только бы давление воды не упало. Эх! Надо было трех пожарных поставить с обеих сторон, – думал он пробираясь к шипящей и раскаленной арматуре».

К счастью, штурвал, хотя был горячим, но вращался свободно. «Ишь как легко идет, видимо сальник выгорел, – облегченно подумал Бураев, вращая штурвал». С каждым его оборотом струя огня ослабевала и вскоре совсем затухла. Погасить облитые эстакадные трубопроводы и очаги вокруг фундамента ресивера, было делом нескольких минут.

Когда Бураев сошел с площадки, его встретил откуда-то прибывший на место аварии Сасин.

– Бери мою «Волгу» и езжай домой, переоденься, – толкнул он его в плечо.

Бураев отказаться не мог, от пережитого волнения и холодной воды его уже бил крупный озноб. Он сел в машину начальника комбината и покатил к дому. Как развивались события в дальнейшем, он узнал только после приезда на службу.

Кстати, подвиг, которому сам он в горячке не придал значения не остался незамеченным со стороны руководителя комбината.

Спрессованное на события время внесло много изменений после аварии. Взрыв изрядно потряс административную верхушку предприятия и города. Он свалил первого секретаря горкома, главного инженера и некоторых других руководителей комбината. Однако, позицию Сасина даже тот памятный взрыв не потряс, и он назначает главным инженером комбината Бураева, а третьим лицом – главным технологом становится Александр Иванович Седаев.

Почему Сасин выбрал в главные инженеры Бураева? Он высоко ценил склонность к науке и исследовательской деятельности, но практические результаты Бураева перевешивали все научные достижения. А Седаева, чтоб потрафить советам Осипченко, назначил главным технологом.

Глава 26. ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ДИРЕКТОР

Прошла очередная пятилетка. Тот февральский день начался торжественно. Скромный пост начальника комбината переименовали в должность Генерального директора.

Сасин с утра принял десятки поздравлений.

Но от природы не тщеславный, он не признавал праздной болтовни и график работы на этот день оставался столь же насыщенным. Посетив в обед рабочую столовую, он строго отчитал пожилую заведующую.

– Почему у вас до сей поры тарелки алюминиевые! Вы как советского трудящегося кормите?.. Мы что, мало денег на общепит выделяем?

Заведующая, впервые лично встретившись с начальником комбината, тряслась, словно осинový лист и ничего не могла возразить вразумительного.

– Да не трясись ты, а мотай на ус. Если завтра будут те же тарелки, пеняй на себя. – Сасин смягчил тон, видимо вспомнив, что перед ним женщина, он улыбнулся. – Так и передай Ломовцеву, чтоб намотал на ус.

После обеда первый генеральный директор комбината Сасин принимал гостей из космической отрасли, когда ему сообщили, что в цехе получения «продукта один» возник пожар. Немедля вызвав персональную машину, он прибыл на место.

Место он хорошо знал, так как бывать там приходилось нередко. Он помнил, как трудно доставался этот продукт. В цехе масса агрегатов и машинного оборудования, которое установлено, но конструктивно оказалось не доведено.

– Да-а! Выучка не та, что при мне была, – вслух подумал Сасин, оглядывая территорию. Опытный взор сразу отметил не слаженность действий персонала: на улице толпой стояли зеваки, знакомые лица руководителей цеха мелькали с огнетушителями, заливая очаги. Еще он натренированно заметил, что черный органический дым валит из труб вытяжной вентиляции и опасности для конструкций не представляет.

– Беготню прекратить! Всем построиться – первая установка направо от меня, вторая налево! – выбрав удобную для руководства позицию между главным и вспомогательными корпусами, закричал Сасин.

Заметив первого руководителя, персонал начал выбегать из здания и занимать место в строю.

– Бригадирам, проверить личный состав. Никто не пострадал? Все на месте? Зевакам – марш по рабочим местам, – привычно и сурово раздавал команды Михаил Федорович.

В суетной суматохе сразу образовался какой-то порядок.

– Двое справа, бегом остановить всю вентиляцию! Двое слева закрыть все окна и двери. Четверо с огнетушителями по очагам.

Едва отключили вентиляцию, некоторые очаги сами собой погасли, некоторые загасили пеной огнетушителей. Оказалось, воспламенение произошло именно в вентиляционных воздуховодах.

Тут к Сасину подбежал запыхавшийся начальник цеха. Он при возгорании не присутствовал и не имел достоверной информации. Они подошли к группе руководителей и начальник цеха стал допрашивать подчиненных, что же приключилось?

– Да, мелочи. Воздуховоды воспламенились, – сказал механик.

– Ты Эрнст Минигалеевич после разберешься. Устранять последствия надо быстрее, да работу продолжать. У меня в приемной, наверное, не зря генералы сидят.

Михаил Федорович приказал собрать к нему специалистов подразделения.

– Главный механик есть? Главный приборист есть? – спросил Сасин, бегло осмотрев место происшествия.

– Я, Я! – Двое мужчин тотчас встали перед ним.

– Вы, немедля тащите сюда САК и сварного. Организуйте тщательную проверку на плотность. Фланцы перекупорить, организовать ремонт прогоревших участков.

– Вы, указал он на начальника участка КИП, – прозвоните и отбракуйте кабельные и пневматические трассы.

– Михаил Федорович! Пожарные огневое разрешение не согласовывают. Рабочий день закончился, – доложил начальник цеха.

– Я беру ответственность на себя. Дважды на одном месте даже снаряд не падает. Обеспечьте средства тушения и будем варить без согласования.

– Михаил Федорович, там вас к телефону секретарь просит!

– Спросите, что ей надо.

– Спрашивает, что с гостями делать, да интересуется долго ли здесь пробудете?

– Передайте – я сегодня занят. Пусть Кашкин на турбазу их везет, отдохнут. Да, снабженцев сюда и работников базы задержать. Тут материалы понадобятся.

– Так ведь Кашкин... – заикнулась секретарша.

– Знаю. Он лучше это дело организует. Небось не забыл ходы-выходы.

– Михаил Федорович! – огневой пожарные так и не подписали. – Работать не дают!

Сасина буквально разрывали на части, но он быстро принимал решения и находил ответы.

– Это кто не дает! – строго вскричал Сасин.

– Начальник караула, капитан Гусев! – смело отрекомендовался пожарный. – Без отбора анализа из труб резать не разрешу.

– Ну и черт с тобой. Пошел отсюда вон! Будем резать под мою личную ответственность!.. Режь! – приказал он сварному.

– Без анализа не могу. Это грубое нарушение, – замялся сварщик.

– Отдай резак механику и тоже иди отсюда! – зарычал Сасин. – Режь! – приказал он механику.

И тут случилось страшное. Едва механик прикоснулся к трубе горелкой, полыхнуло пламя. Разогретый продукт брызнул на его костюм огненным веером. Он вспыхнул как свечка. Механик бросился бежать горячей свечкой, чем усугубил развитие ситуации. Не растерявшийся Сасин догнал пострадавшего и, приемом «подножка», моментально свалил его на землю, придавив собственным телом. К счастью случилось все мгновенно, и ожоги оказались не опасны для здоровья механика.

Наутро в пожарной части случился переполох. Начальника караула Гусева искали для разговора с генеральным директором. Когда Гусев взял трубку, сослуживцы прочили ему скорое увольнение.

– Капитан Гусев слушает, – по-военному четко доложил Гусев.

– Извините, товарищ Гусев! Я вчера был неправ! Благодарю за ревностную службу, – донеслось из трубки. И раздалась короткая гудки.

Глава 27. КАШКИН

Когда в угоду политическим веяниям, катившимся по стране, на предприятии ввели должность генерального директора, первым с поздравлениями о назначении в кабинет Сасина немедленно явился председатель профкома и бывший сослуживец Кашкин. Он принес бутылочку импортного коньяка и шоколадку. Сасин не любил афишировать пьяных застолий, поэтому не стал тревожить секретаря с сервировкой стола. Вынув из шкафа пару рюмок, налил по стопочке, одну поставил против Кашкина, другую держал в руке, просматривая жидкость на свет.

– Поздравляю Михаил Федорович. Вот и сбылось мое предсказание. Помнишь, в роте разговор был? Как я сказал тогда, так и вышло. Ты начальник, а я в твоём подчинении. За сбывшееся предсказание давай выпьем.

– Помню, помню. Даже вспоминаю иногда, как мы с тобой япошек брали. Такое, брат, не забывается. – Сасин глубоко задумался, ушедши в прошлое, но отхлебнул чуть-чуть. Спиртного он не потреблял.

– Как же не вспомнить. Если бы не книжка твоя, лежать бы нам в земле дальневосточной, – Кашкин отщипнул и сунул в рот клеточку шоколада.

– Федорыч, – как бы задумчиво обратился он к сослуживцу. – Ты вот все растешь. Пора обо мне подумать. Сколько я могу на выборной должности ужом крутиться.

– Чем тебя твое место не устраивает?.. Самое твое! Президиумы, колокольчики, почитание – все атрибуты власти имеешь и ни за что не отвечаешь.

– Сегодня это не надежно очень, промахнулся в чем-то и не изберут. Теперь народ всюду грамотный, за все цепляется. Поставь меня куда-нибудь на техническую должность, ну хотя бы начальником цеха.

– Ты хватил Петрович!.. Сам же сказал – грамотешки нет. Начальник цеха – для этого специальное образование нужно.

Сасин прошел всю карьерную лестницу и прекрасно понимал абсурдность ситуации: Кашкин начальник цеха! Не вязалось это с его представлениями в табели о рангах.

– Ты не гони лошадей! Мало у тебя цехов не связанных с технологией: дорожный, тепловой ... Недавно вот открылся цех ширпотреба. Ты меня туда и назначь. Я же коммерсант прирожденный. Я тебе там такую прибыль принесу, что сам не пожалеешь.

– Подумать надо, – с сомнением покачал головой Сасин. – Погоди, а куда я старого начальника должен деть? Там есть руководитель, ты же знаешь, Хайбуллин.

– Знаю!.. Даже больше знаю. Хайбуллина Шпильман рекомендует директором завода. У тебя же два места директора освободилось. Вот и ставь на одно место Хайбуллина.

– Спасибо. Вы Анатолий со Шпильманом, совсем грань потеряли. Что вы в технические-то дела лезете? Занимаетесь демонстрациями, подпиской и достаточно.

– Федорыч! Извини, не угодил. Я же из благих побуждений, все равно назначения грядут, вот и решил с просьбой подойти. Момент жалко упускать.

– Ладно, я подумаю, а ты иди не мешай работать.

Кашкин не дожидаясь хозяина, налил еще одну стопочку.

– Пью за мою новую должность! – полушутя заявил он и выпил.

«Да нет в том ничего предосудительного, – подумал Сасин. – Перестановка вроде безобидная. А потрафить другу можно, все-таки вместе жизнью рисковали на границе».

– Ладно! – решу я твой вопрос, твердо пообещал он. – Ступай! Только Шпильману можешь передать, что Хайбуллина я главным инженером к Панченкову назначаю. Иди, иди! Ко мне с утра гости рвутся, тоже под шумок просить что-нибудь будут. Всегда так, только приятное дело случится, тотчас отравители прутся.

– Обижаешь, Федорыч. Я тебе отравитель что ли? – делая вид, что обиделся поднялся Кашкин. Хотя сам был весьма доволен результатом беседы. Он давно ждал выгоды от знакомства с высоким покровителем.

– Иди, иди. Не даст бог передумаю. Сказал – сделаю. Пока. – Сасин встал и выпроводил назойливого гостя.

Глава 28. ТОПЛИВО ДЛЯ «САЛЮТОВ»

– Ну счастливый ты, Сасин! – упрекнул как-то новоявленного генерального директора министр нефтехимии. Сасин сидел напротив министра и вертел в руках автоматическую ручку. – Недавно Королев на заседании ЦК откровенничал, что именно на твоём топливе вся космонавтика летает. Но ты не успокаивайся. Армия перевооружается – на новейшие системы ракет переходит. На баллибали-стические. Вот, старику даже не выговорить. В общем «Восток» отлетал свое, теперь «Салют» изобрели. Им много топлива требуется и качеством выше. Давай-ка опустишь на землю и нацель ребят на более чистое производство. В общем, пока строй опытную установку для получения «Продукта два». Опыта тебе не занимать, ведь «продукт один» кажется тоже твоё детище?

– Давно это было Виктор Степанович! ... Бегут годы. Сорок пять уже отметил. А тогда еще и тридцати не было.

– Года это богатство. Так, кажется, Кикобидзе поет. Поезжай домой и разворачивайся во всю мощь. Помни, тебе везде зеленая улица.

Вернувшись из Москвы, Сасин немедленно созвал совет. Пока вышел приказ он уже гнал стройку на всех парусах. Спрос был чрезвычайно жестким. Работы одновременно велись в нескольких направлениях: опытный завод ставил опыты, монтажники по указаниям инженеров вели монтаж трубопроводов, проектировщики шли следом и чертили проекты. Все было поставлено с ног на голову. Частыми гостями на комбинате стали представители космической отрасли, оборонки и совещания тянулись бесконечно.

– Миньков! Почему в отделении ректификации два теплообменника не смонтированы? – строго спрашивает Сасин заместителя начальника цеха.

– Монтажники сняли бригаду, – оправдывается Миньков.

– Кто позволил снять бригаду? – строго спрашивает Сасин.

– Не готовы фундаменты, нет арматуры для обвязки и анкерные болты не в комплекте, – «монтажным приемом» быстро переправляет гнев генерального руководитель строительного управления.

– Я вам блох считать не буду! Если завтра к совещанию аппараты не будут установлены, оба ищите работу!

Работа на площадке кипела днем и ночью. На ограниченной площади несколькими кранами ставили аппараты, бригады монтажников тянули в разных направлениях трубопроводы, строители вели кладку высоких вытяжных труб. В приемке фундамент залили на только вчера засыпанный гравий.

– Вы что делаете балбесы? – кричал Миньков, – гравий осядет и обвязка не состыкуется... Но его замечания никто не слушал. При виде такого безобразия у заместителя начальника цеха случился нервный срыв. Его увезли в больницу с давлением. Вскоре Миньков ушел из жизни от сердечного приступа. Столь жесткий ритм работы выдерживали не все.

Год спустя двести литров «продукта два» получили. Москва ставила все новые горизонты. Едва подписали акт на пуск, план увеличили втрое. Молодая космическая отрасль строптивая. «Восходы» уходили в прошлое, на смену им в космос полетели «Салюты». Не успели освоить «Салюты» – их заменили «Союзы». Нужно более мощное производство. Сасин затеял строить промышленную

цепочку. Однако технология не ладилась. Много работников оказалось списано по состоянию здоровья.

Сасин одевший рабочую фуфайку был одержим. Он дневал и ночевал на установке пытаясь увеличить выработку «продукта два» до двадцати тонн в сутки. Недостаток кадров уже был запредельным, но Сасин оставался неумолим.

– В недельный срок подберите и укомплектуйте кадры! – дает он указание заместителю по кадрам.

– Михаил Федорович! Ведь это невозможно, – взмолился тот. – Медицинские осмотры, проверки согласования...

– Обеспечьте производство кадрами! Иначе вам невозможно будет занимать данную должность! – коротко и недвусмысленно отчеканил Сасин.

На завод прибыл министр. Осмотрев с главным инженером в столь краткое время возведенную установку, он удивленно воскликнул:

– Молодцы! Не ожидал! Я думал у вас все производство на деревянных подставках. А вы в столь короткий срок смонтировали капитально и по проекту. ...Молодцы!

– Виктор Степанович! Сасин никогда не догадается попросить! Вы бы ребятам премию подкинули, за досрочное освоение, – удачно намекнул главный инженер.

– Запустим «Союз» всех отблагодарю, – как-то не очень обязательно ответил министр.

Однако слово сдержал. Спустя два года после первого полета «Союза», инженеры цеха получили по сто рублей премии.

Часть 3

СКВОЗЬ ТЕРНИИ ПЕРЕСТРОЕК

Глава 1. СЛОЖНЫЙ ПУТЬ В ГЕНЕРАЛЫ

Шпильман празднуют на даче избрание первым секретарем горкома. Круг гостей невелик, лишь его испытанные подручные: Кашкин, Серебров, Хайбуллин.

– Ну вот! Вы помогли мне, я помогу вам. Все как обещал: тебе Серебров освободил место секретаря парткома. Хайбуллина двинем директором завода.

– Извините, Михаил Григорьевич! Но там же восстанавливать цех придется, там работы непочатый край! – взмолился Хайбуллин.

– Да успокойся ты! Не на аминолы, на космическое топливо пойдешь, на место Седаева. Обещанное надо выполнять, я рекомендую Сасину предложенный культбит.

Кашкин, хотя знал о принятом решении Сасина, но благоразумно смолчал. «Когда паны дерутся, – резонно подумал он, – у холопов чубы трещат!» Сасин не терпел указчиков и на место Седаева поставил Панченкова. Хайбуллин довольствовался постом главного инженера.

Но вмешалась фортуна, и случился новый кадровый переворот. К завершению восьмидесятых Сасин перешел в министерство. По кабинетам зашелестели прогнозы о приемнике. Хотя существовали давние традиции: приемником всегда становится главный инженер. На этот раз сарафанное радио традиции игнорировало.

Чрезмерно принципиальный Сасин в столице наткнулся на стену клановых бюрократов и в борьбе с ними упустил руку с пульса. С давних пор знакомые и шедшие параллельными курсами два подготовленных приемника Седаев и Бураев по заслугам вполне могли занять кресло генерального оба.

Главный инженер Бураев, увлеченный космическим гептилом, в дрызги не вникал и занимался новым видом ракетного топлива. Шла великая гонка вооружений, генералы не выходили из его кабинета неделями.

Круги о смене власти на предприятии, однако, расходились все дальше. Однажды в коридорах обкома Бураева встретил Шпильман и решил прозондировать его позиции. Разумеется, не с целью услужить. Цель преследовалась расшатать их приятельские отношения, вбить клин и расширить трещину.

– Ты что как пассивно себя ведешь? – услужливо спросил он Бураева. – Ты думаешь, тебе должность генерального директора на блюдечке поднесут? ...Надо бороться за это место!

– Не буду я ни с кем бороться! Если считают достойным, сами предложат, – как все люди увлеченные наукой, Бураев оставался по-детски наивным.

«Ну ты братец идиот, – поразился Шпильман и махнул на него рукой. – Этот фанатик далеко не уйдет, – успокоившись, решает он». В то время обаятельный и проворный Седаев действовал энергично. То он вечерком прогуливается с Президентом филиала академии наук, то с военпредом. Иногда можно было услышать его шутивно-прозрачные намеки женскому полу в высоких отделах министерства. Всем в штабе стало ясно, это уже прелюдия к большой игре. Руководство и партком были «обложены» со всех сторон. Не чурались и распуска черного пиара в виде слухов. Шпильман для укрепления позиции тут же пустил слухок, что Седаев сродни генеральному секретарю Брежневу. Это немедленно отразилось на позиции первого секретаря обкома.

Когда Бураев очнулся от спячки, приказ о назначении генеральным директором главного технолога Седаева оказался подписан всеми инстанциями и утвержден министром. Это назначение на карьере Бураева напрямую не сказалось, но начавшие крепнуть приятельские отношения с Седаевым он утратил.

– Ну и как вы будете работать, поменявшись ролями, – встретившись, намекали Бураеву сотрудники.

Еще не отошедший от душевной травмы, Бураев на шутку не обиделся.

– Никак не будем. Уйду я на научную ниву. Говорят в Грозном директор института на пенсию уходит, я подал заявку на конкурс. Учет комиссия, что я там практику проходил.

Разумеется, никуда он не ушел. Прикипев к предприятию и душой и телом, он продолжал искать все новые пути для совершенствования космического топлива.

Лихорадка в верхнем эшелоне закручивалась все круче. Если Бураев утратил приятельские симпатии, то Седаев не преминул укрепить позиции зачислением в помощники бывшего однокашника. И Бураев остается главным инженером нефтехимического комбината.

– Давай Прокофий, поддерживай, – обратился к бывшему соратнику Седаев. – Я в технологии не силен, займусь организацией, а ты подтягивай технологию. Я знаю, ты можешь, в пусконаладке вон экую славу приобрел.

Отныне кабинеты их оказались напротив, и Бураев мог воочию любоваться методами работы Александра Ивановича. В отличие от сухого и делового стиля Сасина, Седаев любил шумные массовки. Он чаще стал устраивать совещания, к нему зачастили представители разных организаций и предприятий. Стали появляться гости из Уфы и самой столицы.

– Александр Иванович, вот я наблюдаю несколько месяцев, ведь у тебя нет никаких данных для административной работы, – как-то прямо заявил ему Бураев.

А тот отвечает:

– С чего ты взял? Я их просто не проявлял, так как это работало бы на пользу Сасину!

– Да я не о прошлом. Я к вам сегодня часами не могу попасть. Так нельзя работать Александр Иванович, надо же производственные задачи решать, – как-то посетовал Бураев.

– Вот ты и решай. Ты же главный инженер! Тебе все карты в руки. Я же при назначении тебя предупредил – тебе технология, мне организация.

Глава 2. ЮРКА И ЖОРА

Юрка Седаев угодил в бригаду орденоносца Тимошина. Бригадир его был суровый и правильный мужчина. Но он угодил именно в тот месяц, когда Тимошину вернули на воспитание знаменитого обалдуя Жору Привалова.

– У тебя это своя фамилия Седаев? – в первую же минуту знакомства спросил у Юрки Жора.

– А чья же еще может быть? – простодушно удивился наивный парень.

– Так ты Седаеву не родственник случаем будешь?

– Не родственник. Он мой отец.

– Э-вон оно как... – последовала длительная пауза. – А что же ты тут в аппаратчиках сидишь, если отец у тебя генеральный директор? – раскрыл рот от удивления Жора. В его прожженном мозгу никак не могло вместиться сочетание, что сын генерального директора может трудиться простым рабочим.

– Папа посоветовал перед институтом поработать в цехе. «Пощупаешь руками, – говорит, – технологию познаешь. Потом легче будет».

Тут в операторную вошел начальник установки.

– Седаев и Привалов, – строго обратился он к парочке. – Все равно без дела оба сидите. – Там слесаря реакционные трубы сняли, надо их почистить хорошо. Отнесите на пустырь. Механик даст вам скребки, и отчистите от кокса и полимеров. Да хорошенько почистите изнутри и снаружи. Задание вам понятно?

– Понятно, чего там не понять. Как грязная работа так Привалов. Ну погодите. Вот Седаев расскажет отцу, как вы издеваетесь над рабочим классом, вы у меня поплатитесь за все. Пошли, Юрка.

Оглядев принесенные на пустырь трубы, Жора принес инструменты. Он потрогал пальцем, полимерный нарост. Тот был тверд, как камень.

– Тут замучишься долбить, кремень не полимер. – Он для верности постучал по трубе металлическим скребком. – Видишь, даже цапапин не оставляет.

– Слушай, Юрка! Кажется я придумал! Набери-ка травы сухой. Мы сейчас этот полимер мигом выжжем. Он же горит, как порох.

Друзья поползли по пустырю дергая пучками прошлогодние травы.

– Так, достаточно, наверное. Нам лишь бы разжечь, потом само запыляется.

Жора обложил травой самую грязную трубу и зажег. Кучка промасленных труб забитых полимером действительно разом занялась жарким пламенем. К небу взвился черный столб дыма.

– Юрка, давай кучней подкладывай, пока горит, – командовал Жора.

Юрка суетился вокруг – где ногой, где обрезком трубы сдвигая трубы плотнее. Тяжелый органический дым, оседая на потных щеках, перепачкал его лицо, превратив его в негра из какого-нибудь Мозамбика. Увлечшись, он не заметил, что Жора куда-то исчез.

Вдруг из-за треска и гула пламени послышался вой сирен и к пустырю прямо по бездорожью примчались два пожарных автомобиля. Пожарные в серых брезентовых костюмах, выскочив из боковых дверей салона, бросились разворачивать рукава. Почти следом прикатила черная «Волга», откуда вылез разъяренный Юркин отец.

– Ты что такое подлец здесь вытворяешь?.. – накинулся он на остолбеневшего Юрку. – Ты мне производство спалить хочешь?.. Да я тебя... Да я тебя подлеца сегодня же уволю!

– Пап! Ты же дома никогда не материшься, я думал что ты не умеешь? – совсем не впад вылетело у изумленного Юрки.

– Юрка?.. Это ты что ли? Тьфу, ты! Не узнал, – смутился Седаев старший. – Мне сообщили что здесь пожар... Разберитесь сами! – махнул он рукой набежавшим руководителям, сам нырнул в переднюю дверь «Волги» и укатил в направлении главной конторы.

Глава 3. ВОСХОЖДЕНИЕ ЗВЕЗДЫ БУРАЕВА

Раздутые волны при борьбе за генеральское кресло Седаевым незаметно улеглись. Сасин укрепил свои позиции в министерстве и с опозданием взялся наводить порядок в ведомстве. Сразу всплыло, что родственные связи с Брежневым надуманы и партийные власти спохватились. Хитроумный Шпильман получил выговор. Он тотчас принялся действовать, подключив все рычаги в обкоме. Надо реабилитировать партийный престиж, но сделать это с максимальной выгодой. А тут, кстати, назрела нужда найти замену руководителю республиканского объединения. «Овцы должны быть целы и волки сыты»! – решил Шпильман. Он немедленно звонит секретарю обкома.

– Очень удачная ситуация замять наш с вами промах! – льстиво намекает он секретарю обкома. – Мы Седаева снимем! Там снимем, но давайте назначим начальником республиканского объединения. –

Убиваем двух зайцев: для Сасина сняли, при местной кухне повысили. Кой разберутся, все само по себе устаканится.

– Ну чтож, мы как раз подбираем кандидата. Если считаете другого выхода нет, присылайте! Мы утвердим, – последовал ответ.

Седаев с удовольствием засобирился в республику. Бураев летит в Москву.

– Министр ждет вас Прокофий Федорович! – немногословно сообщила референт.

Войдя в кабинет министра, Бураев застал его одиноко сидящим у стола совещаний. Перед лицом лежал лист печатной бумаги.

– Как с одобрением? – благожелательно спросил Федоров. – Достигли желаемого миллиона?

– Да, Виктор Степанович! Миллион тонн для нас пройденный рубеж.

– Хорошо, хорошо. Подробности работы в космической отрасли мне постоянно докладывают по официальной линии. Я тебя пригласил по другому поводу, – он перешел на ты, что выказывало самое дружеское расположение. – Вот познакомься. Есть решение назначить тебя генеральным директором. Сасин настоятельно рекомендует. Говорит, там где Бураев руку приложил, там дела идут на лад. Это правда так?

– Отец меня этому учил, а как на самом деле, со стороны видней! – уклонился от прямого ответа Бураев.

– Ну, ладно, ладно! Развивай отцовскую традицию. С ЦК вопрос согласован, с обкомом тоже. – Он подвинул Бураеву лист, который оказался приказом о назначении. – Кстати, сразу не уезжай! Сасин просил зайти, – сейчас я ему позвоню.

– Михаил Федорович, Бураев у меня, я направляю его к тебе?.. У себя, ждет – обернулся он к Бураеву. – Ну ступай с богом, – бросил он вместо напутствия.

Бураев на лифте спустился на нужный этаж и прошел в кабинет заместителя министра.

– Ну здорово, здорово земляк! Как ты повзрослел. Дай я тебя обниму по русскому обычаю, – Сасин необычайно постаревший, но не утративший энергии тесно прижал Прокофия к груди.

– Давай рассказывай, как там ребята. Как химзавод, – не давая вставить слово, тараторил он, одновременно нажимая кнопку звонка.

Вошел помощник министра, юркий ухоженный парень лет тридцати.

– Организуй нам по соточке коньячка, да салатик с чаем. В кабинет никого не пускать, мы с земляком побеседуем, – дал он указания референту и вновь обратился к Бураеву.

– А мне здесь тоскливо без вас. Всюду кланы, всюду связи. Только накатишь на подлеца, тотчас звонок из Кабинета министров или еще хуже из ЦК. Устал я биться с ветряными мельницами. Домой в Белогорск ужасно хочется.

Референт внес разнос с коньяком и салатом, но друзья даже не прикоснулись к рюмкам. Они, перебивая друг друга, вспоминали былое.

– Помнишь, как первый цех не шел? Бутиловые спирты с центрифугой. Хорошо, энергетики с шурупами выручили.

– А миллион тонн с узбеками это ты нарочно придумал?

– Конечно нарочно, иначе вас не расшевелить! – засмеялся всегда суровый Сасин. – Эх!.. Все дела бросил бы и в Белогорск.

– Ну так поехали, должность моя еще сырая, переиграть не поздно.

– Ты не разбрасывайся должностями. Генеральские погоны не каждый день дают! – сурово, совсем как когда-то в операторной катализаторной фабрики, погрозил рукой Сасин. – Я же пошутил. Куда мне теперь ехать, обросли мы мохом. Дети, внуки все здесь обосновались. Кто учится, кто работает. Нет, я осел тут навечно. Но помогать буду. Ты обращайся.

Глава 4. СТАРЫЙ ЗНАКОМЫЙ

Юный Бураев вступая в конфликт с Жорой в молодежном общезжитии, ни сном ни духом не ведал, что их стычка примет столь затяжной характер. Уже на должности генерального директора, первое уголовное дело, которое ему довелось распутывать, стало дело Привалова. И благодаря этой случайности он узнал, что Привалов вовсе не тривиальный Жора, а имеет простое русское имя Егор.

С Приваловым он расстался девять лет назад, после памятного бунта в первом цехе. Больше их пути не переплетались, и он совсем забыл о его существовании.

А Егор Привалов после памятного выжига труб с наездом генерального директора спокойно трудился в товарной группе производства ширпотреба. Работа, конечно, физическая, но в группе много женщин, среди них немало разведенки и время Егор коротал неплохо.

Продукт пользовался большой популярностью, спрос был высоким и на карманные расходы денег всегда хватало.

Особенно докоряли наглые узбеки и кавказцы.

– Паслюшай дарагой, брось пару мешков сверху. Ведь дорогой порвутся несколько, чем я возьму убыток, – просит его какой-нибудь потребитель.

– Я брошу, но у меня сверху начальники есть. А кой хватятся? Нет, браток за просто так совести рабочего человека марать не стану.

– Ты подбрось, я в долгу не останусь, – уговаривает потребитель и кажет красный червонец в ладошке.

Так одному пару мешочков, второму три и привык Жора к левым деньгам.

В один прекрасный момент в цех назначают нового начальника по фамилии Кашкин. Немолодой, но с иголки одетый руководитель наметанному глазу Жоры показался отъявленным хлюстом. Жора тоже не прочь принарядится, поэтому они выделили друг друга из общей массы работающих. Несколько лет они приглядывались, имея шапочное знакомство. Постепенно завязалась внеслужбная дружба.

Однажды, будто совершенно случайно, встретились соратники по цеху в ресторане. Жора гулял после очередной подачи. Угощение было щедрым, и Жора заметно охмелел. Именно тут к нему подсел Кашкин.

Чувствуя, что «клиент созрел», Кашкин исподволь начал его обработку:

– Слушай, Жора! Вагон в выходные загрузить надо. Ты не найдешь мне пяток надежных ребят? Срочный заказ, а грузить некому, – попросил его начальник.

– Сколько дашь?.. Я не торгуюсь, но я должен товарищам цену сообщить, – спросил Жора. – В выходной день за одну зарплату и дурак работать не будет.

– Ставка обычная, двойной тариф и два отгула.

Людей Жора, разумеется, нашел. Не ведал он подоплеку этой двусмысленной истории, не знал, что вступает на прямой криминальный путь.

А зачиналась история элементарно просто.

Отдыхая на сочинском курорте, Кашкин забрел познакомиться к директору местной фабрики.

– Я начальник цеха ширпотреба, моя фамилия Кашкин! – скупое представился он.

– Вай, вай, вай!.. Дорогой товарищ. Знаю, конечно, знаю. Такая известная фамилия. Проходи, садись, будь как дома. Сейчас мы коньячку по стопочке армянского, да ароматного. Уважаешь «Арагви» или «Арагат»?

– Нет, не уважаю. Я не тот, ни другой просто не пробовал. В наших краях такой продукт не водится.

– Как хорошо, что ты зашел знакомиться. Мы это дело поправим. Скажи правду, у тебя есть неликвид?

– Весь склад забит. Триста тонн полистирола балластом лежит. – Кстати, Кашкин не трепался. Недавно запущенный цех полистирола завалил все склады браком.

– Ну вот, у тебя неликвид, у меня дефицит. Если сложить вместе, то очень правильно ты зашел. Я в математике не силен, но минус на минус плюс дают. Так, кажется? Я к тебе пришлю своего человека – ты отгружаешь товар. Прибыток пополам. Тебе хорошо – нет брака. Мне хорошо – есть сырье. Нам хорошо есть доход.

– Прекрасно, – ответил Кашкин. Коньяк возбудил в нем самые азартные струны души. – Я буду думать. Для пробы пришлю вагон подставной, затем решим, как быть дальше.

– Мы люди деловые и работаем на доверии. Чтоб тебе лучше думалось, прими небольшой аванс! – грузин встал, достал из сейфа пачку купюр и отсчитал тысячу рублей.

Прибыв домой, Кашкин долго обдумывал, как ему отправить партию неликвида. Первый барьер, на который он наткнулся – технический контроль.

– На брак документ не дам! – четко и недвусмысленно заявил начальник ОТК.

Не знал он Кашкина, не тот это человек, чтоб отказаться от солидного куша.

Обо всем этом Жора Привалов при всей своей жуликоватости не слышал и попал на крючок в качестве подставного живца.

Вагон закидали за два часа, но лица ответственного за отгрузку не было и накладную оформить оказалось не кому. Тут появляется Кашкин с подписанной каким-то чином накладной и дает команду:

– Закрывайте вагон. Ты пломбируй заводской пломбой, а ты Жора проставь фамилию на месте отпривителя и роспись за кладовщика.

– Нет, я свою фамилию не поставлю, – Жора знал, чем это ему может грозить.

– Ты распишись, что ты груз сдал, ты же видишь – в накладной указаны домашние вещи, фамилия моя стоит. То есть я отправляю на известный адрес своему товарищу спальный гарнитур. Я материально ответственное лицо, твое дело подтвердить правильность и наличие пломбы.

Кашкин достал из кармана пачку розовых купюр и, отсчитав четыре, вложил их между бланками. Сломленный железной логикой подкрепленных финансово доводов, а вернее хрустом новеньких купюр, Жора подписал не только накладную, но еще несколько лежащих под ней документов. Кашкин немедленно исчез, он спешно заполнил подписанные Жорой липовые накладные с его фамилией, порвал и бросил в урну верхний экземпляр со своей фамилией и сдал документацию приемщику. Вагон ушел по назначению, а Жоре из рук в руки перешли четыре четвертные купюры. От такой щедрости он разом забыл про рабочую совесть и в тот же день просадил половину в ресторане.

Вдохновленный безнаказанностью Кашкин готов был грузить неликвид и далее, но мебель вторично не пошлешь, будут подозрения. Надо узаконить отгрузку. Однако, начальник ОТК уперся – не позволю брак отгружать и баста!

– Стоп! – вспомнил Кашкин одного ресторанный знакомого. – Колосов! Колосов, вот кто мне поможет.

– Колосов! – тут же звонит он директору опытного завода, – дело есть. Да, да на сто тысяч... не в деревянных рублях, а в долларах. А ты не смейся, действительно в зеленых, – улыбаясь, отвечал он в трубку. – Я вполне серьезно предлагаю. Ты можешь организовать гомогенизацию моей бракованной продукции? ...Сколько? Да сколько сможешь. Назови её каким-нибудь тривиальным именем и пробей технические условия. Ну пускай не паспорт, техусловия пойдут. Лишь бы отгружать позволили. Я в долгу не останусь, сам знаешь!

Колосов организовал смешивание и пробил на вновь изобретенный продукт название «Полипрен». Кашкин через Сасина помог двум его сотрудникам кандидатские степени на этом смешении защитить. Поток нелегальной отгрузки узаконился и доход ручьем потек в карман Кашкина.

Нить следствия пришла из далекого курортного города Сочи. Там обнаружили подпольную фабрику, на которой штамповали левые кассеты для модных магнитофонов. Соответствующие органы стали искать поставщика сырья. Долго искать не пришлось. Производство полистирола оказалось единственным в стране, и нить притянула следователей в славный город нефтехимиков. Конюхов быстро вычислил отпустившего груз кладовщика по фамилии Привалов, он продолжал трудиться в товарном складе.

Эта шумная история с крупным хищением задела даже генерального директора Бураева. Он выступал на суде в качестве пострадавшего от лица предприятия. Там, наконец, случилось ему узнать, что Жора не есть Жора, а Егор Привалов. Суд присудил Егору шесть лет лишения свободы.

Конюхов прекрасно понимал, Привалов подставная пешка, однако хитроумный Кашкин, разумеется, лишился должности, но благодаря хитрой комбинации с подписью подставного кладовщика, остался на свободе.

Он, не дожидаясь огласки, уволился и укатил в Москву, к высокому покровителю.

Глава 5. ТАКТИЧНАЯ НАВОДКА

Решительный и авторитарный Сасин, держа курс на космическую отрасль, еще в свою бытность руководителем предприятия вышел из-под контроля обкома. Отрасль перешла к Бураеву, который оказался на развилке: один хозяин в Москве, другой в Уфе. Переведенный в региональное объединение заводов Седаев решает прибрать Бураева к рукам первым.

– Прокофий, ты бы заехал в объединение, представить тебя коллегам хотелось бы, – звонит он Бураеву. – Сегодня случай под-

ходящий, в шестнадцать часов совещание по планам развития нефтехимии, давай подскакивай.

Бураева звонок застал в операторной цеха пластмасс. Он посмотрел на часы. Часы показывали без нескольких минут половину третьего.

– Машину к цеху пластмасс! Срочно! – строго распорядился он и, бросив опешивших соратников, поторопился на выход.

– Ну, Петро, гони! – приказывает он, садясь в салон к водителю.

– Куда и к которому часу? – угадав по краткости команды четкую задачу, уточнил исполнительный водитель.

– В шестнадцать быть в объединении, – кратко информировал Бураев, закрывая глаза.

Он подозревал, что правила движения верным прислужником будут временно забыты! С сего момента его судьба полностью находилась в руках водителя.

Когда он открыл глаза, «Волга» подруливала к высокому крыльцу монументального здания головной конторы. Для верности посмотрел на часы – без четверти шестнадцать и резво поднялся по ступеням. Мертвенная тишина, свежевывмытые ковровые дорожки и исходящий от мраморных стен холодок навевали мысль о глубокой бюрократичности заведения. Зал совещаний Бураев нашел по гудящему шуму голосов и угодил как раз в канун открытия собрания.

Сути своего присутствия на форуме Бураев на всем его протяжении так и не уловил. На трибуне мелькали незнакомые лица, кто-то отчитывался, кого-то ругали. Все шло обычным чередом, и Бураев из любопытства краем глаза наблюдал за сидящим в президиуме единственно знакомым человеком Александром Седаевым. Тот чувствовал себя весьма раскованно и спокойно. О чем-то перекидывался словами с соседями, давал указания и вольно бросал реплики в сторону ораторствующих. Даже выступил с заключительной речью, где была масса цифирь и огромный перечень мероприятий.

Однако, при всей важности и респектабельности, по завершению форума, он по-свойски подждал Бураева у выхода из зала.

– Ну здравствуй, коллега! – с чувством обнял он земляка, – как тебе мое хозяйство?

– Хозяйство не знаю, а контора солидная, – дал оценку Бураев.

– Пойдем ко мне. Кофейком угощу, побеседовать есть о чем.

– Приготовь нам по чашечке кофе, да пошустрее, – бросил он мимоходом референту и повел Бураева сквозь просторную приемную в кабинет.

Почти следом вошла секретарь с двумя маленькими чашками черного кофе. «Вот как построил, как будто ждала команды, – подивился Бураев расторопности столичных помощников».

– Ко мне наука вот-вот должна подойти. Мы не пойдем в гостевую комнату, здесь поговорим минутку. – Он вытащил из потайного кармана брюк видимо дарственные карманные часы. – Сколько времени осталось? Да, брат. Чем выше должность, тем дороже миг. Четверть часа всего в нашем распоряжении. А поговорить бы о многом хотелось! Как там, ребята: Панченков, Кашкин, Шпильман? Скучаю по всем. Да, кстати, ты к Панченкову присмотришь, пора парня в главные двигать. На химическом заводе он один дока остался. А тебе придется этот воз до-о-лго еще тащить! – он значительно растянул наречие.

– Даже не знаю, как лучше поступить: то ли его там директором оставить, толи ближе к себе взять, чтоб под рукой был в качестве советника, – откровенно признался Бураев.

– Там Талгата Хайбуллина передвинь – помню его по цеху ширпотреба, очень инициативный руководитель. Финансы прекрасно знает. За битого двух небитых дают. Панченкова приближай. Двух знающих специалистов по заводу иметь будешь! На других заводах опытные люди работают, там есть на кого положиться. А тут сам знаешь, Сасина задел. Достанет он тебя, громоотвод готовь заранее.

– Наверное ты прав. У кого больше прав... в общем знаешь поговорку, – пошутил Бураев, из экономии времени не договорив её. – Но резон в твоём совете есть. Да есть. – Он глотнул последний глоток, отодвинул чашку и подумал: «Не затем его приглашали, главного он еще не слышал».

– Ну вот и поговорили. Извини, Прокофий. Понимаешь, в республике созрело желание вывести твоё предприятие из союзного подчинения. Сам пойми, зачем прибыль в центр отстегивать? Самостоятельность и суверенитет шагает по стране! Надо трезво смотреть на вещи. Я не тороплю с ответом, через недельку встре-

тимся, подумай. А сейчас извини, кофе кончилось, – элегантно отшутился Седаев. – Я не выгоняю, ученые в приемной ждут. Идем, я тебя провожу.

Седаев предупредительно распахнул дверь и вышел с гостем в приемную. При виде его со стульев по-военному вскочили три представительные фигуры.

«Видимо это и есть ученые, – подумал Бураев». Он простился с товарищем и направился к выходу. Разные думы теснились у него в голове. «С одной стороны республиканское подчинение вроде удобнее. Да Москва мощнее. Нет, не пробить нам столичных бюрократов. Само время диктует – на мировой рынок придется выходить. А без Москвы туда нет путей. А Панченкова надо завтра пригласить, – подумал он, окунаясь в мутную дрему».

Глава 6. КУРСОМ В КОСМОС

Неуемный Сасин не любил кабинетной бюрократии. Привычный постоянно находиться в гуще событий, он нередко посещал родное предприятие. Напористый и неугомонный, он в каждый приезд доставлял массу хлопот. Зная все ходы и выходы, инспекцию начинал с низов. Посетив опытный завод и объекты новостроек, он появлялся в кабинете генерального.

– Прокофий! Ты напрасно тянешь с реконструкцией в гептильном цехе. У меня пакет заказов от военных на топливо. Сам Устинов вплотную интересуется. Намедни прямо пообещал: получишь опытную партию «продукта два», сразу финансирую строительство нового производства. А я тебе свое слово даю, Сасинское: сто тонн получишь, везу в Байконур на запуск посмотреть! Они новую ракету осваивают челнок многоразовый, «Буран» назвали.

– С людьми плоховато, Михаил Федорович, – устало пожаловался Бураев. – Распылили мы народ по многим стройкам. Всюду некомплект.

– Ты не плачь, ты конкретно проси – что нужно?

– Социалку нужно, что ж еще! На жилье очередь далеко отстала от производства, санаторий бы пора организовать, медикам помочь.

– Медикам и на санаторий без разговоров дам. Вернусь в Москву, подошли Хайбуллина. На жилье по титулу. Получишь гептил, завяжем новое производство, под его титул дам зеленый свет строительству жилья. – Сасин вдруг о чем-то вспомнил. – Кстати, а чем у тебя Гафаров занимается?

– Парткомом командует. Мы же с вами его на карбамидах секретарем предложили.

– Ты присмотришь получше. Не гоже такую мощную фигуру в идеологах держать. Он же прирожденный организатор. В трест его посади, вот он тебе всю стройку потянет.

– Там тоже место острое. Мы карбамид с аммиаком объединили в одно хозяйство, там лидер нужен мощный. Директору масса технических хлопот свалилось, пока освоится, помощь нужна. ... Но я к нему присмотрюсь.

Бураев ценил мнения старших товарищей. Очень пригодился молодому генеральному директору совет Седаева о громоотводе. Представительного вида и широкого интеллекта, главный инженер Панченков умело переводил стрелки в нужные направления. Столичные чины с удовольствием с ним общались, освобождая генерала для текущих дел. А заделов оказалось много, шло массовое строительство установок «продукта два», приходилось мотаться по столичным кабинетам неделями.

Не менее внимательно прислушался Бураев к совету Сасина. Тот знал толк в людях, но стройку пока лихорадило, администратию надо было поддерживать и Гафарова он не трогал. Однако жизнь неумолимо вносит коррективы и случай подвернулся. Область забрала легендарного управляющего трестом на повышение. Бураев немедленно приглашает на беседу Гафарова.

Как все крупные люди немного стеснительный и дисциплинированный Гафаров, прибыл на четверть часа ранее назначенного срока. Он бы сидел в приемной, когда случайно вышел Бураев и удивленно спросил:

– Давно сидишь, Биктимир?

– Нет, только подошел. Мне на пятнадцать тридцать назначено.

– Так не пойдет. Такой уважаемый человек и ждешь когда назначено. Заходи, побеседуем.

Войдя вместе, они сели по разные стороны длинного стола совещаний.

– Как думаешь, Биктимир. Не пора тебе прекратить лозунги по зданиям развешивать по революционным датам? Может на стройку вернемся? – с улыбкой спросил Бураев.

– Вы знаете, Прокофий Федорович, сплю и вижу кирпич, раствор, кельма, леса дощатые. Я ведь в партком тогда пошел только из уважения к вам.

– Теперь из уважения ко мне возглавляй трест. Цапкина у нас забирают, а он развернулся во многих направлениях. Там крепкая рука сейчас нужна. Кроме тебя нет кандидатов.

– Как-то неожиданно это, – Биктимир помолчал в раздумье. – Пятьдесят два ведь уже. Кандидаты, конечно, есть. Я всех наперечет помню: Банокин, Стовбыра, Мосеев. Очень уважаемые мной люди. Мне будет неудобно ими руководить.

– Эх, Биктимир, бежит времечко. Мне хотя поменьше, но тоже полтинник приближается. А в общем ты неправильно рассуждаешь. Сам большой, а ум короткий. Ты справедливо руководи и будет удобно. Считай дело решенное. Завтра принимай трест и на спец-производство. Сасин торопит.

Глава 7. КОНФЛИКТ НА ОПЫТНОМ ЗАВОДЕ

– Космическая продукция требует щепетильного подхода и бдительного присмотра от науки, – пояснил Бураеву Панченков. – Давайте, я по привычке стану курировать космический сектор, а вы присматривайте за всеми остальными производствами.

Таким образом, сложилась негласная традиция: производственные векторы в генералитете руководства предприятием определились в двух направлениях.

После темного дела с отгрузкой пластика, Конюхов не находил себе покоя. Детище Сасина – опытный завод по инерции продолжал работу в космической отрасли. Но почему он взялся за гомогенизацию пластиков? Нет ли здесь лазейки для хищений? Конюхов пригласил для разъяснений директора.

– Я полгода за вами наблюдаю, и пришел к выводу, настало время для объяснений.

– Иван Михайлович! – директор завода, делая вид что не понял цели беседы, обращается с просьбой, – помогите застарелый конфликт один разурлить!

– А что там у вас стряслось? – участливо поинтересовался Конюхов. Опытный оперативник, он догадался, что тот пытается направить беседу в иное русло.

– Засилье военных у нас на заводе приключилось. Они и командуют.

– Какие такие военные могут здесь быть? У нас завод исконно гражданский, – чрезвычайно удивился Конюхов.

– Прошлые. Шпильман насажал. Секретарем партбюро много лет работает майор запаса, председателем профкома – капитан запаса. Кроме этого в рядовых операторах их куча – от капитана до подполковника. Естественно это люди обиженные Хрущевым, который им сломал карьеру. Теперь они различными путями стремятся утвердиться на производстве. По производственной линии им карьера не светит, они трясут медалями да давят на директора по партийной и общественной линии. Особенно это касается деятелей, облеченных общественными полномочиями.

– Очень долго рассказываете, – прервал его Конюхов. – Вы чего собственно просите? Чтоб их уволили, так для этого нужны серьезные нарушения. Есть к ним претензии?

– Есть! Я вхожу перед Днем Победы в одну из лабораторий, и вижу застолье, в центре которого секретарь парткома. Я напомнил, что партбюро предприятия приняло решение прекратить пьянки на рабочих местах, и приказал разойтись. А секретарь нагло заявляет: «Рабочий класс сам примет решение».

После праздника я побеседовал с членами партбюро, проинформировал и собрал партбюро. Однако, секретарь передал все секретарю горкома в извращенном виде. Шпильман немедленно квалифицировал это «как попытку директора давить на партию». Это случилось еще при Сасине. Мне бы доложить об этом Сасину. Но Сасин укатил в Москву, а с Бураевым нам трудно разговаривать.

– Хорошо, я передам вашу просьбу Бураеву, – холодно сказал Конохов. Ему казались достаточными полученные сведения. Опять вездесущий Шпильман. Но как к нему подступиться?

Но Бураев неожиданно сам проявил инициативу.

– Валентин Николаевич, – обращается как-то он к Панченкову. – Похвалился бы чем твой «Наукоград» занимается. За что мы ему бешенные средства отваливаем.

– Там же директор есть, почему бы вам с ним не побеседовать? – почувствовав в вопросе упрек, возразил Панченков.

– Был у нас конфликт давнишний. Времени, конечно, достаточно много минуло, да не хочется дальше отношения портить. Ты меня знаешь, если непорядок увижу – сразу вспылю. А ему покажется, что я старое вспомнил. Давай уж лучше ты меня поводи по тому хозяйству.

– У вас время есть немного? Тут даже объяснить суть дела очень сложно. Военный люд заполонил завод, и порядки свои проталкивает.

– Какие военные? Из военпредства что ли? – удивленно отреагировал Бураев.

– Да нет. Сокращенцы Хрущевские остались, вот и верховодят директором.

– Валентин Николаевич! Как могут подчиненные давить на руководителя? – переспросил Бураев. Будучи жестким руководителем, он всегда вел суровую политику единоначалия. – Тут что-то не так, надо разбираться. ...Ну-ка поехали к Колосову, – решительно скомандовал он.

Тактичный Панченков незаметно попросил секретаря предупредить Колосова о внезапном визите генерального директора. Тот встречал их на входе в здание управления завода. Лицо его было мрачным, он нюхом почувствовал, что может раскрыться его афера с липовым полипропиленом. После суда над Кашкиным, он давно не спал ночами.

– Давай, Колосов! Показывай свое хозяйство, – распорядился Бураев.

Они осмотрели лаборатории, побывали в операторных установках, даже заглянули в заводской склад. Бураевым по мере продолжения осмотра все больше овладевало чувство глубочайшего раздражения. Но он держался изо всех сил.

– Хватит! – сердито буркнул он наконец. – Мне все ясно. Пока вы решаете, кто в доме хозяин, тут творится настоящий бардак. Вытяжка в лабораториях не работает, мешки с реагентами плавают в воде и портятся, автоматизация на установках дедовская. В чем дело, товарищ Колосов?

– Прокофий Федорович! Идем в кабинет, я сразу напишу заявление и уйду с должности, – отводя взгляд в сторону, вымолвил Колосов.

– Нет! Уйдешь только после того, как наведешь полный порядок на заводе, – сказал, как отрубил Бураев. – Валентин Николаевич, У меня злость кипит, я не могу его слушать. Ты останься, обсудите с руководителями, что можно сделать. Наметьте мероприятия и определите требуемую сумму. Денег не пожалею, но порядок будете наводить сами.

Порядок на заводе все-таки навести не успели. Спустя пару недель на одной из установок прогремел взрыв и погиб человек. Конюхов, бесспорно, доложил Бураеву о возникших у него подозрениях.

Взбешенный Бураев немедленно примчался на завод, и, схватив за грудки без того перепуганного директора, принялся вытрясать с него дух.

– Ну что подлец, доигрались?.. Пока власть делили, человека сгубили. Под суд у меня пойдешь! ... А с завода чтоб не один инженер не выходил, пока установку не восстановите! Ставьте в кабинетах раскладушки и живите.

Суровый всплеск гнева отразился на интеллигентных рабочих опытного завода трагически – Колосов ночью покончил с собой в собственном кабинете. После визита Конюхова он не сомневался, комиссия при расследовании выйдет на его преступную сделку с Кашкиным.

– Это вы его угробили, Прокофий Федорович! – высказал свое мнение главный инженер Панченков. Разумеется он не знал тайных пружин подоплеки и мыслил прямолинейно. – Вы своей грубостью довели человека до суицида.

– Да, моя вина тоже есть. Я слишком поздно хватился, – резко возразил Бураев. – Прибудь я сюда неделей раньше и трагедии не произошло бы. Кстати, вы тоже виновны – почему не сигнализировали о беспорядках? Вам одни звания да диссертации нужны были, вот и докатились до пропасти.

Панченков уже работал над диссертацией и напоминание об этом воспринял обидчиво. Он тут же позвонил и пожаловался Сасину. В кабинете Бураева раздался ответный звонок по министерскому проводу.

– Прокофий Федорович! – говорит Сасин. – Ты что так сильно надавил на опытный завод, люди даже в петли бросаются?

– Болото там. Настоящее болото развели! Куют одни диссертации, а за порядком элементарным последить некогда. Вот пришлось активно вмешаться.

– Ты там сильно не перегибай, люди науки они твари нежные, – посетовал Сасин. – Дров не наломай. А восстановить установку я помогу. Пиши хорошую докладную, необходимые средства немедленно выделю.

Глава 8. РИКОШЕТ

Дело ученых рикошетом вернулось к Бураеву. После гибели Колосова между двумя первыми руководителями предприятия пробежала черная кошка. Отношения их надолго разладились. Конфликт усугубился тем, что кто-то опубликовал анонимную статью в областной газете о грубости генерального директора.

В кабинет стремительно влетела Людмила и бросила на стол газету. Ошеломленный Бураев удивленно поднял глаза.

– Сидишь, корпишь! Думаешь о благе подчиненных. А подчиненные тебя подсиживают. На!.. Читай, что пишет областная газета. Не иначе помощника работа.

Бураев глянул на статью. Она распростерлась на всю полосу, и читать он не стал. Достаточно было беглого взгляда, чтоб понять её ругательский смысл.

– Ты думаешь тут без Панченкова обошлось? Напрасно. Я прочла от начала до конца, там такие цифры и факты приведены, которыми только он владеет. А почерк явно Сереброва, я его стиль хорошо знаю. Вот разберись-ка с ним! Я говорю давно меня пора назначить редактором. Где-где, а редактором газеты свой человек должен работать!

– Хватит тебе зудеть! Тоже редактор нашлась. Иди занимайся своими делами, сам разберусь! – сурово одернул он Людмилу. Сам подумал и пригласил Панченкова.

– Валентин Николаевич! Твоих подчиненных рук дело? – сурово заявил Бураев, бросив перед Панченковым газету.

– Возможно моих, а скорее всего ваших! Сегодня писать никому не запретишь... – он прочел несколько строк. – Да, здесь явно Сереброва рука чувствуется, – он ваш или мой ставленник? – глубокомысленно парировал Панченков.

– Ну, что же. Я следствия заводить не буду. Но вычислю этого писаку – по стенке размажу, – хлопнул кулаком по столу Бураев.

Проводив взглядом Панченкова, он открыл шкаф и достал оттуда подшивку газет. Прочел несколько статей подписанных Серебровым.

– А ведь она права, – вслух подумал он. – Стиль Серебровский. Явно клин между нами забивает. Права и в том, что своего человека надо на газету назначить.

На всякий случай он снял редактора и назначил главным редактором Людмилу. Это назначение было крупной тактической ошибкой и доставило ему впоследствии массу неприятностей. Новая редактор газеты, даже получив кандидатскую степень, осталась в душе грозненской продавщицей. Оказавшись крайне пронырливой и наглой, она ловко раздувала конфликт в управленческих кругах. Она всячески выпячивала свою связь с генеральным директором, устраивала доносы на главных специалистов и разжигала неприязненные отношения в верхнем эшелоне. Внеслужебная связь как гидра выползла на поверхность.

Шпильман немедля решил воспользоваться ситуацией. Он пригласил Людмилу на дачу. Он принял её в кабинете, меблированном по ореховое дерево. Книжный стеллаж кабинета занимал всю стену. На журнальном столе хрустальная ваза с абрикосами и налитыми виноградными лозами. Венчала царственное благополучие распечатанная бутылка армянского коньяка. Ошарашенная роскошью апартаментов, Людмила тотчас забыла Бураева. Несмотря на возраст, выглядел Шпильман вполне презентабельно – благородная седина на висках, могучие плечи и ароматный коньяк «Арарат» завершили беседу постельной сценой.

В постели Людмила простодушно проболталась о связи с Бураевым.

На первом же бюро горкома, Шпильман ставит вопрос о поведении Бураева.

С целью подмять упрянца под себя, он устроил показательный разнос.

– Как вы смеете, первый руководитель заниматься любовными похождениями! – кричал он в лицо Бураеву. – Вы растлеваете не мораль, вы позорите партию, честь коммуниста. Я поставлю вопрос о вашем пребывании в партии. Затем в должности.

– Ну и снимайте, хрен с вами! – обозлился Бураев. Но он прошел слишком большую школу, чтоб сдаваться. Тем более нутром чувствовал, это не соперник! Это государственный враг, который мешают, когда зачатых работ полон воз. Он моментально взял себя в руки: – Не вы меня назначали и не вам снимать, товарищ Шпильман! Меня Москва поставила. С меня Москва топливо требует, а вы бабские сплетни обсуждаете на горкомах.

– Ну-у!.. – удивленно протянул Шпильман. Он помолчал-мешавшись при столь энергичном отпоре. – Москва и к нашему мнению прислушивается! Вот Валентина Николаевича предложу и поставим! Честный и порядочный семьянин. Хватит в заместителях ходить, давно перезрел уж.

– Извините, вы сами назвали меня «честный и порядочный». Как честный и порядочный человек, я по трупам в карьере не шагаю. Мне кажется, вы товарищ Шпильман очень круто взялись, – заступился за начальника главный инженер. – Сегодня много говорят о защите частной жизни. Семейные отношения – это частная жизнь. Тем более ему до пенсии три года остается. Дадим доработать...

Панченков исконно слыл добропорядочным семьянином, ему претили возникшие отношения между Бураевым и Людмилой, но он ценил начальника как руководителя. Тот кстати, дал ему полную волю в техническом творчестве. А некоторая натянутость в отношениях не мешала, а помогала в производственных делах.

– Ну что же. Прислушаемся к мнению помощника. Я выношу на голосование предложение объявить Бураеву строгий выговор! – на сей раз уступил Шпильман.

Выговор за выговором, он надеялся запастись терпением и точить камень капля за каплей. Пока нужно привлечь в помощницы жену Бураева. Женщины в порыве ревности гораздо коварнее мужчин и Валентина найдет способ расправиться с изменником. К его удивлению, жена Бураева к измене мужа отнеслась довольно скептически.

Исчерпав методы убеждения на местах, Шпильман просит соединить его с Кашкиным.

– Анатолий Петрович! – спрашивает он. – У тебя есть заказы на Белогорск по импорту?

– По оборудованию вообще-то рассчитался, так мелочевка осталась: – приборы, вспомогательные материалы, паспорта на аппараты еще на русский язык не все перевели... А что, поторопить надо поставщиков?

– Зачем торопить? Ты торопи, но не спеша. Пришли инструкции на немецком, пусть сами переводят. Приборы высылай частями – партию первичных, партию вторичных, чтоб монтировать не могли. Не мне тебя учить.

– А что у нас новые перестановки намечаются? Цель хочется знать, Сасин руку на пульсе держит, рисковать просто так не хочется.

– Цель в твоих интересах. Серебров видит, что партийная карьера шаткая. Ему техническую и твердую должность надо готовить. Или к себе заберешь?

– К себе заберешь, хлопот наберешь! – скаламбурил Кашкин. – Пусть там на местах поварится покруче. А просьбу вашу удовлетворю.

– Вот и поладили. Пока.

Глава 9. ТУРЕЦКИЙ УДАР

Бураев мчался по шестой улице в персональной «Волге» на комплекс получения топлива для «Буранов». Его в кабинетах всех уровней начальников по традиции именовали «продукт два». Апрельское утро было еще морозным, и автомобильные шины ласково шуршали по подмороженным весенним лужам, навевая радость в настроение.

Комплекс был готов к пуску и хотелось к майским праздникам принести родине подарок. Это была его первая высота на космическом небосводе, и он предвкушал огромное внутреннее удовлетворение.

Войдя в зал совещаний, он опытным чутьем сразу почувствовал царившее там напряжение. Хотя люди дружно встали в уважительном приветствии и воцарилась глубокая тишина, Хайбуллин сидел сумрачный и недовольный.

– Что приуныли, друзья мои, – едва опустившись в кресло, поинтересовался Бураев. – Давайте уж, жалуйтесь. Кто доложит?

– Режут Прокофий Федорович. Поставщики режут... – пожаловался Хайбуллин.

– Какие поставщики, – недовольно перебил Бураев. – Какие поставщики, повторяю? У тебя все смонтировано. Готовь акты и к праздникам запускать будем. Сырья полное хранилище. Резервуары трещат, а он поставщиков ругает.

– Не будем. Главного нет. С приборами неувязки. Засел там этот проходимец Кашкин и не дает ходу. То левый сапог пришлет, то правый, – сострил Хайбуллин. – В общем, недопоставки приборов по внешторгу, пускать не на чем.

– Кашкин, это которого мы судили, что ли? Он что там во внешторге пристроился? – сморщив лоб, припомнил Бураев неприятную историю.

– Да, он самый. Сасин его почему-то подтягивает. – Вот и ставит он нам рогатки всяческие. То документация без перевода придет, то приборы в некомплекте. Первичники пришли, вторичных приборов половины почитай нет, а переписка с иностранцами месяцами длится. ... Горим Прокофий Федорович, просто цугцванг получается. И что он к этому проходимцу прицепился?

– Служили они вместе. «Служили два товарища... ага!» – пропел он. – Случилось у них происшествие какое-то, вот и поддерживает сослуживца. – Вспомнив гуляющую среди соратников байку, что Кашкин спас жизнь Сасину на границе, оправдал Сасина Бураев.

Он на минутку задумался. Но думал он всего минутку, ибо опыт работы в пусконаладке не прошел даром. Решение пришло само собой.

– Ну а вы что сидите?.. Макрушин! Применяй против этого бюрократа турецкий удар! У нас что, на заводе отечественных приборов

мало? Два цеха недавно закрыли, куда дели демонтированный материал? Ты вот что Александр Алексеевич! Ты не вали на дядю, бери родные приборы и ставь параллельный щит. Пока на нем поработаешь.

– Стыковать придется. Системы разные, там не только германские, другие фирмы руку приложили: и Голландия и Чехословакия... – попытался отвести грозу Макрушин.

– Системы разные, а принцип он один. Давление оно и в Голландии давление. Даю вам недельный срок. Чтоб к маю комплекс запустили. Так! Сегодня у нас пятнадцатое число? Ладно, так и быть еще три дня дам на неповоротливость. Двадцать пятого я вас еще разик навещу. Еще вопросы есть? Нет? Так я поехал. Мне еще на производстве этилена надо побывать.

Бураев встал и, провожаемый растревоженными взглядами присутствующих, вышел из зала. Там началось шумное обсуждение абсурдного с виду предложения. Но абсурдным оно оказалось лишь с первого взгляда. Демонтированные приборы дополнительных финансов не требовали. Их монтаж провели руками собственных специалистов, не привлекая немецкий шефмонтаж. Ровно неделю спустя в операторной высился временный щит управления. Громоздкий, но наш отечественный. К первому мая родина получила первую струю «продукта два».

Сасин сдержал слово. В девять часов утра к космодрому на Байконуре подкатила черная «Чайка». Из салона степенно вышли два армейских генерала и Сасин. Последним вышел Бураев.

– Так, впритык прибыли! Сколько там осталось? – уточнил Сасин у генерала.

– В космических войсках по-иному не бывает, – улыбнулся генерал, взглянув на циферблат часов. – Полюбуйтесь, ан какой красавец стоит – гордо показал он на ракету с острым шпилем и с «Бураном», как с рюкзаком на спине.

– Налюбовались? Теперь идем на наблюдательный пункт.

Едва они спустились по ступеням в подземный бункер, раздался оглушительный грохот, и на экране осциллографа засветилась огненная точка.

– Ну Прокофий Федорович! Вот результат нашего труда! – пожал ему руку Сасин. – Годы тяжелейшей работы тысяч человек здесь спрессовываются в секунды. Однако поздравляю!

Глава 10. АКЦИОНЕРЫ

И тут случился государственный коллапс. Развалился Союз, партнеры встали. Одновременно перестало поступать сырье, и отказались от продукции потребители. Предприятие очутилось на грани развала. «Продукт два» временно приостановили, ибо стране стало не до освоения космоса. Бураев мучительно искал выход. Ему вспомнилось предложение Седаева о самостоятельности, и он собрал соратников.

За столом совещаний сидят крутолобые помощники Бураева. Главный инженер Панченков поджав длинные ноги, восседает на отдельном стуле у самой стены.

– Я собрал вас сегодня посоветоваться и решить, что нам делать дальше, товарищи, – приподнял от суточной справки поседевшую голову Бураев. Он снял очки и, повертев их за дужку, продолжил:

– Мы с вами зашли в натуральный цейтнот! Нефтехимия простаивает. Удобрения завалило все склады и закутки, нефтепереработка еле теплится. Прошу предлагать любые мнения. Наша задача спасти коллектив. Скажу больше. Есть предложение Седаева выйти из подчинения центра и перейти в его подчинение.

– Любопытное предложение, но Седаев всем нам известный удав. Попробуем найти другой выход. Прокофий Федорович, завод минеральных удобрений можно спасти! – от стены нажимая на букву «о» поделился рассуждениями Панченков. – На днях у меня были шустрые ребята из «Агрокомпании». Предлагают арендовать оборудование. Прибыль, разумеется, потеряем. Но спасем коллектив и оборудование.

– Образно выражаясь, киты все перебиты, а сырье валяется под ногами! – задумчиво произнес Смородин. Бывший директор спиртов, он руководит экономикой предприятия. – Одно подчинение менять на другое сегодня не резон. Я предлагаю неиспользованные мощности загрузить переработкой отходов. Например, насколько мне известно, на заводе спиртов рекой льются отходы. Надо привлечь науку. Кстати, ученые тоже без дел сидят, с удовольствием возьмутся. Организовать на край творческий коллектив, чтоб взбодрить народ материально и работать. Давайте организуем акционерное общество и назовем его ну допустим «Полимер».

– А почему «Полимер»? Чересчур техническое название. Сегодня модно что-нибудь непонятное типа «Содис», либо «Омега», – пошутил один из заместителей.

– Правильно Смородин предлагает – мы технологи и не изменим профессии. «Полимер» так «Полимер», а кто скажет, законность как, на нашей стороне? ... Организовать, работать. С юридической точки зрения как? Не подставим мы людей, вовлекая в сомнительные группы? – Бураев хорошо помнил нагретую историю с отгрузкой продукции в Сочи.

– Не подставим. Вышел новый закон о коммерческих предприятиях. Там все касаемое запрета отменили. Кстати, можем арендовать оборудование на своем предприятии.

– Да, да! – поддержал начальник юридического отдела. – Можем. Можем дать оборудование в аренду, и организовать арендные либо кооперативные структуры.

– Ну, организуем. А нам то это что даст? – дотошно выпытывал Бураев у помощников.

– Прокофий Федорович! Сейчас у нас кроме нефтянки почти все стоит. – Смородин знал что говорил. Он составлял ту справку, которая лежала перед глазами генерального директора. – Давайте предложим директорам взять оборудование в аренду. То сырье, которое мы им представим, пусть возвращают продукцией согласно плановых нормативов. А что добудут сами или получают из отходов сверх плана, останется в коллективе. Это же громадный стимул для коллектива работать хорошо и самим зарабатывать. Желаящие, я думаю, найдутся. Вы звоните Сасину и договоритесь о временной консервации ракетного топлива. Панченков пускай пролонгирует отношение к этой затее Седаева. Все-таки наши люди, помогут на первых порах.

– Доля разумного в твоих предложениях есть, – согласился Бураев. – Но мы все-таки к этому начинанию давайте подойдем серьезно. Кулаков! Ты поезжай в Москву, подыщи там грамотных экономистов. Пусть нам обучение проведут, заодно сам немного вершков нахватается. Хлыстов! Не медля приглашай университет, пусть руководителям нижнего звена экономику почитают. Сегодня она очень запутана. Все перевернулось с ног на голову.

– А ты Александр Алексеевич, – обернулся он в сторону Смородина, – коли предложил на спиртах группу организовать, вот тебе

и карты в руки. Организуй. Пробуйте ребята. Все пробуйте, я поддержу. Анна Ивановна! – обратился он к секретарше, – наберите мне Сасина и Седаева, – скомандовал он по прямой связи секретарше.

– Михаил Федорович! Мы тут заседаем как раз. Ваше мнение хотелось бы послушать... – он в двух словах пересказал суть беседы. – Так, значит не возражаете. А чем можете помочь? Хорошо, «Внешторгимпорт» это уже хорошо, наши-то партнеры встали. Ладно, пока и на вещи согласны. Приоденем народ. Спасибо Михаил Федорович.

– Где там Седаев? – спросил он секретаршу. – Что ждет?.. Давай, соединиай,

– Александр Иванович! – повторил он тот же диалог. – Нам бы с Агрокомпанией живую связь наладить. Шустрые там ребята есть, предлагают завод сохранить. Как вы на это смотрите?

– Я предлагаю тебе ввести должность заместителя по внешнеэкономическим связям. Да-да, уфимцы уже вводят! Пора привыкать к самостоятельности! Даже кандидатуру могу подсказать – Талгат Хайбуллин. Завод-то все одно простаивает, его и назначь! Я положительно настаиваю.

– Положительно? Ну хорошо, мы посоветуемся. Завтра я подошлю человека, выведете его на компанию. Другие проблемы через Сасина снимаем. Крутимся, видимо все сегодня в таком положении? Уфимцы тоже тонут? Ну вот, каждый спасает сам себя. Спасибо за совет Александр Иванович.

– Ну вот ребята. Принципиальные вопросы мы сняли. Теперь проработаем детали и не унывать! Прорвемся! Где Бураев за дело взялся, любое дело наладится! Так завещал мне отец.

Глава 11. ЗЕЛЕННЫЕ

Всколыхнувшая души обывателя перестройка в теплый день 10 мая вылилась в шумный митинг. На площади Ленина казалось яблоку негде упасть. Секретарь горкома Шпильман наблюдал в окно и от удовольствия потирал руки: сегодня непотопляемого Бураева снесут! Там и сям раздавались озлобленные выкрики:

«Вон они стоят, им что получают бешеные деньги и травят горожан как кроликов!.. Смотри ухоженные какие, в бартерных костюмах... На других предприятиях заплату по полгода не дают, а они за счет народа жируют...»

– Как выступать будем Прокофий Федорович? – встревожено спросил Панченков. – Народ ужасно заведенный.

– Вот тут у меня подборка... Анализы, цифры статистические... – показал приличную пачку заготовок начальник отдела охраны природы.

Бураев молча глядел на беснующееся людское море. Смотрел и думал. А думал он вовсе не о цифрах. «Вот, всю свою трудовую деятельность отдал, чтоб улучшить производство. Чтоб дышалось легче и жилось лучше. Строим, внедряем, обновляем. И вот он мрачный итог: повесить, линчевать... Да разве в том что на других предприятиях руководители нерасторопные я виновен? Мы на своем бьемся, вертимся, ищем самые разные пути. Ошибаемся, но находим. У нас рабочие получают зарплату. Получают одежду по бартеру, продукты питания. И вот тебе благодарность, товарищ Бураев».

– Товарищи. Я многим вам известный врач, – меж тем гремел усиленный микрофоном голос очередного выступающего. – У нас в городе каждый второй ребенок тиккер. У нас экология в сотни раз хуже чем в Уфе или в Самаре. Каждый год вводится новое производство, в атмосфере сплошная нефтехимия...

– Прокофий Федорович, может вы после него слово возьмете? – снова обратился Панченков. – Оправдаться надо. Ведь совсем не то говорит, людей с толку сбивает.

– Нет! Пока не время. Пусть эти болтуны пар выпускают, затем мы выйдем. Терпи и слушай. – Бураев принял решение и четко знал, что и когда сказать.

– Товарищи!.. Это первая волна нашей заботы о детях. Я предвижу вторую волну. Я давно убеждаю городское руководство, надо комбинат перенести за гору... У нас роза ветров север-юг... – гремел последующий выступающий.

– Слышишь, Валентин Николаевич? Это уже откровенный демагог! – несмотря на напряженность ситуации, усмехнулся Бураев, – он в нашу с вами пользу аудиторию разворачивает.

– Товарищи! – разнесся усиленный микрофоном голос следующего из заводил митинга. – Это очень своевременно мы с вами взялись за экологию. Я вот недавно был в Москве...

И он начал долго и нудно рассказывать как он пил чай с московскими чиновниками. На площади зашелестели смешки и слышались выкрики. «Ты по делу говори. ...Надо комбинатских послушать... Что они молчат?.. Пускай отчитаются перед народом. Бураева хотим слышать! Бураева давай!»

– Вот теперь пора, – сказал Бураев и вышел к трибуне.

– Товарищи! – произнес он и сделал длительную паузу, напряженно вглядываясь в море лиц. – Товарищи, обращаюсь я к своим коллегам и соратникам. Есть среди нас работники комбината?

– Есть, есть – раздался голоса.

– Именно к вам я обращаюсь. К вам и вашим семьям. Здесь пламенно выступали музыканты, повара, доктора. Клялись в своей праведности, хулили нас – иногда заслуженно, чаще нет. Все подстрекатели одно забыли – что они паразитируют на нашем с вами теле! Да, на нас с вами, – повторил он, заслышав неприязненный гул. – Мне не трудно написать распоряжение о закрытии комбината. ...Закроем цехи, остановим установки и уйдем все. Куда?.. Ответьте мне, чем займется армия в 25 тысяч людей? А с семьями половина населения города. Кого будут учить музыканты, возить водители и лечить доктора?

– Вот ты кто по профессии? – ткнул он рукой в чрезвычайно близко подошедшего мужика.

– Аппаратчик, – смущенно ответил тот.

– А ты? – спросил Бураев другого.

– Машинист!

– Чем вы умеете заниматься, кроме своей работы? Куда, торговать или воровать пойдете?

– Нет, торговать я совсем не могу. Я на своей работе привык, мне другой не надо.

– Тебе не надо, другому не надо. Что же вы позволяете всяким крикунам беспардонно мутить народ! Скажи вслух, где ты работаешь газу много? Задыхаетесь вы там?

– Да нет у нас никакого газу. У нас анализы отбирают. Кислород тоже всегда в норме.

– А вот товарищ, передо мной выступал, утверждает, что у нас в сотни раз превышения! Он, видимо, лучше знает. А спроси у него – где находится северная проходная? – он не ответит. Дурят вас дутыми цифрами, подтасованными фактами. Вы слышали, врач пример приводил: «За неделю родилось половина детей-тиккеров». Плохо. Но я уточнял в родильном доме. Да два ребенка родилось на неделе. Один тиккер, потому что отец беспробудный алкаш. Причем здесь Бураев, причем машинист или аппаратчик? И причем половина?.. Эх вы! Развесите уши и слушаете, как вас проходимцы от всяких партий дурят. Им должности нужны, карьера. А вы помогаете в их грязных целях. – Бураев еще раз осмотрел притихшее людское море. Там царил полный штиль.

– Пошли товарищи, нам здесь делать нечего, – пригласил он своих помощников и, несколько минут спустя, машины с руководителями тронулись от площади.

После его эмоционального выступления народ стал в глубокой задумчивости расходиться. Разговоры разговорами, а семьи кормить действительно надо.

Бураев по натуре не был консерватором. Уже в первых числах июня он собирает круглый стол с участием своих заместителей, представителей прессы и общественности.

– Вот что, друзья мои! – произнес он, начиная выступление. – Нам нельзя сидеть и слушать всяких болтунов. Надо давать им отпор. Не в фарватере идти, а вести упредительную разъяснительную работу. Каков тираж нашей газеты? – уточнил он у редактора. – Ну вот. Надо работать через прессу, и в первую очередь использовать свою газету. Давать объективные материалы. Ты Владимир Петрович, – обратился он к заместителю по строительству, – опубликуй сведения по капвложениям в городскую социалку и жилье, ты Богданов, просвети по бартерным товарам. Мы с вами одели половину города? Одели!.. Так почему одетый горожанин об этом не знает? Совхоз наш бесплатно кормит тысячи рабочих, это снимает напряжение с продуктами, тоже надо показать.

Бураев внимательно оглядел своих подчиненных, с которыми прожил десятки лет на предприятии. Он видел и чувствовал, здесь его соратники, они его понимают.

– Все свободны, прошу работать!

Глава 12. КОНЮХОВ ПЕРЕХОДИТ В МИЛИЦИЮ

Работы добавилось всем. Расцвело хищение и мошенничество. Бартерные караваны, чужие фуры, разъезжающиеся по территории, все это ужасно нервировало работу службы охраны. Конюхов не успевал не только расследовать непорядки, он не успевал даже досматривать транспорт на проходных. В эту минуту он мчался на грузотакси в сторону товарного парка, где обходчик обнаружил левую врезку в трубу, с целью расхищения топлива. Зазвонил радиотелефон «Моторолла».

– Да, слушаю вас, – ответил Конюхов и нажал кнопку приема. «Молодцы все-таки иностранцы, – подумал он. – Здорово придумали. Едешь и на ходу разговариваешь!»

Но лучше бы иностранцы придумали велосипед. То, что он услышал, заставило его забыть о нелегальной врезке.

– Иван Михайлович! – скрипуче прозвучал искаженный радио голос начальника автомобильного цеха. – ЧП!.. В Казани наш «КамАЗ» угнали вместе с грузом!

– Как угнали? – у Конюхова едва трубка не выпала из рук. – Кто угнал? Объясни толком. «КамАЗ» не велосипед, чтоб его угнали!

– Пока водитель оформлял в конторе груз, вышел, а машины тютю-тютю! Надо срочно мчаться туда, искать по свежим следам.

Утром Конюхов был на заводе в Казани. Но перепуганный шофер ничего пояснить не мог. Он знай твердил, словно заведенный:

– Пошел оформлять документы, вышел – машины нет. Побегал – нигде нет!

– А чем грузился? Груз какой был?.. – упорно добивался Иван Михайлович вразумительного ответа.

– Я почему знаю! В сопроводительных бумагах написано неразборчиво. Вроде бензин и не бензин. В бочках, а бог знает, что там такое.

– Дай-ка сюда накладные.

Водитель трясущимися руками вручил Конюхову картонную папку. Соседствуя с командировочным удостоверением, там лежали накладные на груз и паспорт качества.

– Так так!.. Перекись бензоила! – изучал Иван Михайлович сопроводилровку. Не силен он был в химических веществах, но название насторожило. – Ну, брат!.. Все ясно! Перекись...

– Местные уже смотрели, сняли отпечатки протектора, да руками развели и уехали. Никому нет охоты явный висяк на себя брать.

– Ладно, посмотрим! Тут похоже крутая каша заварена. Все-таки грузовик, да еще с грузом не так просто угнать. Это что-то новое. Ты поезжай домой, а я расследованием займусь, – распорядился Конюхов. – Здесь мы ничего не найдем, явно чеченцев работа. Пойду местных подниму на ноги.

Конюхов пошел по кабинетам местной милиции. Но там действительно развели руками.

– Тут своя мафия не дает покоя, а ныне чеченцы с завода глаз не спускают. Оперативники не раз видели у проходных подозрительных людей кавказской национальности. Зачем они там трутся? Не на работу же устраиваться приходят!.. Такой опасный груз получаешь, охрану надо было организовать, – вместо утешений выговорил ему местный следак.

Иван Михайлович позвонил оперативному дежурному и попросил указаний, что ему делать дальше.

– Срочно вылетайте в Грозный! В районе Гудермеса обнаружена колонна незарегистрированных автомашин, – был ответ.

Из Казани Иван Михайлович вылетел в Грозный. Но там не встретил ни сочувствия, ни содействия. Назревала первая чеченская война и его розыскные действия вызывали у местных властей лишь необъяснимую агрессию. Потолкавшись напрасно в Гудермесе и Грозном 10 дней, он вернулся домой с пустыми руками.

Подошел декабрь месяц, и вот причуды истории. Дома его ждал приказ военного комиссара: «Конюхова Ивана Михайловича направить в служебную командировку в зону вооруженного конфликта. Как наиболее подготовленного в борьбе с боевиками и знакомого с местными условиями».

Будучи в командировке, Конюхов не ведал, что кандидатуру его предложил именно Шпильман. Вне сомнения, Шпильман кошачьим чутьем своим ощущал неуклонное продвижение Конюхова по его следу. Вот и решил убрать слишком ретивого следопыта

на передовую, что было благоприятным способом избавиться от дотошного следователя. В столице республики формировался сводный отряд содействия, Конюхова назначили командиром. Послушный присяге, Иван Михайлович в декабре месяце уже повторно находился в Гудермесе.

Утром конца декабря проведя с подчиненными тренировку по сборке-разборке личного оружия, Иван Михайлович построил отряд. Он получил приказ организовать охрану железнодорожного моста у станции Червленная и оборону на направлении станиц Калиновская и Надтечная. Разбив отряд на три группы повзводно, Иван Михайлович определил позицию первому взводу на отроге Терского хребта южнее села Толстой Юрт.

– Вы товарищ лейтенант правее дороги, вон там в складках предгорий рассредоточивайте подразделение, – указал он командиру первого взвода. Стайка офицеров, приставив к глазам бинокли, рассматривала местность.

– Там небось грунт скальный, солдат вымотаем с окопами! – возразил взводный. – Лучше бы здесь, в ложине окопаться.

– Здесь населенный пункт в сектор обстрела попадает. Гражданское население пострадать может! А на спуске, где мы стоим, поставь с десятков противотанковых мин. Да чтоб незаметно было...

– Товарищ командир, вы всерьез что ли воевать вознамерились? Это же наши советские люди. ... Я здесь пять лет тому назад по путевке отдыхал!

– Прекратите разговоры и выполняйте приказ! – строго прервал рассуждения Конюхов.

Два взвода окопались на стрелке между каналом Наурско-Щелковская ветвь и рекой Терек. Короткий зимний день прошел в будничных солдатских приготовлениях. Имеющий опыт борьбы с партизанским сопротивлением, Иван Михайлович не давал бойцам покоя. Он лично разметил места расстановки постов и скрытых секретов. Затем прошел позиции всех трех взводов, проверил секторы обстрела и рассредоточил двух гранатометчиков. Намотав за день десятка три километров, к отбою он сморился и спал как убитый.

Пробуждение было жестоким. Едва засерел рассвет, раздались выстрелы с позиций первого взвода.

– Не стрелять! Не стрелять, не обнаруживать позиций! – кричал Иван Михайлович, на бегу застегивая ремень с кобурой и перекидывая через плечо планшет.

– Танки, танки! – кричал один из выставленных часовых. – Вон из-за горы танки прут!

– Отставить панику! – завопил Иван Михайлович, – командир взвода ко мне! Откуда здесь танки, вы что дезориентируете солдат!

Также внезапно разбуженный командир взвода из бывших участковых подбежал с докладом о прибытии. Приставив к глазам бинокли, офицеры определили, что со стороны Аргуна вдоль Терского хребта движется колонна из шести автомобилей. Во главе колонны ползли три жукообразных бетеэра. Дорога опустилась в лощину и раздваивалась: одна шла на запад к селению Толстой Юрт, другая заворачивала на север, к реке. Видимо боевики тоже заметили движение со стороны бригадильцев. В колонне несколько раз блеснуло стекло окуляров, и бронетранспортеры на ходу развернулись в боевую шеренгу, лицом к сопке с окопами. С них посыпались пулеметные очереди.

– Не стрелять! Готовь гранатометчиков к бою, – приказал Иван Михайлович взводному, сам побежал к штабной палатке.

– Первый, первый, – закричал он в трубку «мотороллы». – Вижу движение неприятеля в количестве десятка машин, прошу поддержки. Третий! Разворачивайтесь к бою и готовьтесь к отражению атаки в направлении юго-востока. Будете поддерживать огнем со стороны селения Брагуны. Второй оставаться в резерве и ждать указаний!

Звук пулеметной очереди прервал его команды и заставил залечь. Предстоял первый бой, и сердце билось учащенно. «Да, подумал Иван Михайлович. Жарко будет сегодня. Хорошо, что позицию удачную со складками местности выбрал». Он вскочил и бросился к передовой. Но густое жужжанье пуль заставило его вновь залечь. Он по-пластунски подполз к окопам гранатометчиков. Из окопов одиночными и очередями густо палили автоматы. Теперь пули летели с обеих сторон, сшибая стебли торчащих из снега редких бустылей разнотравья. Конюхов понимал, для поднятия духа солдат в первом бою, нужна впечатлительная победа.

– Давай-ка сержант, может я не подгажу! Дай-ка я вдарю первому под гусеницу. Да не торопись, еще настроляешься, у меня опыта поболее!

Он хорошенько прицелился, сержант едва успел отпрянуть в сторону, как из трубы гранатомета полоснул сноп пламени. В ушах зазвенело от грома и металлического грохота.

– Ура-а! Попал! Попал! – заорал сержант. Первый бетеэр встал и задымил черной копотью. Вслед за ним напоровшись на мину, задымил другой. Оставшись один, третий бронетранспортер приостановился. Конюхов передал гранатомет хозяину.

– Огонь, – закричал Конюхов метаясь меж окопами. – Огонь! – он будто забыл все другие слова. – Но выпущенные в спешке гранаты не угодили в пятившийся задом бронетранспортер, зато загорелся грузовой автомобиль.

Бой был коротким, но жестоким. Некоторое время спустя выстрелы раздались из лощины со стороны третьего взвода. Вероятно, боевики тоже не обладали боевым опытом. Видимо поняв, что угодили в засаду, машины развернулись и на бешеном ходу помчались обратно, в сторону Аргуна. На поле боя остались два бронетранспортера и подожженная гранатой автомашина.

– Ур-ра! – разнеслось над затихшем полем. – Ура, мы победили!

Выиграв свой первый бой, даже немолодые офицеры бесшабашно кидали вверх фуражки и громко изливали признаки радости. Несколько человек, в том числе Иван Михайлович, не сдержав эмоций, бросились на дорогу посмотреть трофейную технику. Каково было удивление Конюхова, когда на дверце обгоревшей кабины он разглядел эмблему своего родного автомобильного цеха в виде спаренных крыльев. Он достал из планшета книжку и открыл капот. «Вот это сюрприз! – присвистнул Иван Михайлович». Номер двигателя говорил, что перед ним был «КамАЗ», угнанный из Казани месяц тому назад.

Многое испытал бывший фронтовик на истребительной войне. Его отряду довелось с боями брать Шали и Курчалой. Это был совсем иной фронт. Пришлось потерять два десятка товарищей, сам горел в бронетранспортере и получил контузию при разрыве мины.

В феврале месяце полковника Конюхова со сводным отрядом отозвали с фронта и назначили начальником городского отдела милиции. К двум медалям прибавился новенький орден Мужества.

Глава 13. СВАДЬБА

Шел третий год разрушительной перестройки. Только что развалилось огромное государство СССР, но все продукты распада с черными вторниками и приватизациями находились еще далеко впереди. Народ, не осознавший негативных прелестей от последствий распада шестой части суши, усиленно веселился. Все пускали пыль в глаза, пытаясь показать себя в глазах таких же нищих знакомых, богатыми и преуспевающими. Именно поэтому модными стали всевозможные банкеты, юбилеи персональные, юбилейные торжества в организациях и многочисленные свадьбы. Народ как бы обезумел от пьянящего духа свободы.

Рита Борисовна с утра заняла очередь в парикмахерском салоне и терпеливо ждала приглашения. Была суббота, она должна быть к обеду в городском Загсе на свадьбе внука. Закончив авиационный институт, он надумал жениться на своей столичной однокурснице. Невестка была из знатной семьи, по слухам младшая дочь первого секретаря обкома.

– Бабулечка, ты уж покрась пожалуйста свою седую шевелюру, – попросил внук. – Солидные люди будут на праздновании. Вот тебе телефон салона, теща дала.

– Ты что внучек, я в салоне сроду не была. Там сегодня новые русские чай прихорашиваются.

– Вот и ты сходи! Теперь не аппаратчик, небось, жена полковника! Сходи, да хорошенько там подчекрынься. Нечего в грязь лицом ударять.

Дети, согласуясь с новыми веяниями моды, настроились заткать роскошную свадьбу в только что открывшем двери модном ресторане «Торина».

В небольшом, отгороженном от рабочих комнат сухой штукатуркой коридорчике было немногочленно, но тесно. На стоящих вдоль стен холодных мраморных скамьях ждали своих мастеров

два мужчины и три женщины. Все молча разглядывали блеклые изображения красоток с пустопорожними инструкциями для посетителей. Едва мастер пригласила очередную клиентку, Рита Борисовна скромно присела на её место. Минутное замешательство, связанное со сменой очередников прошло, и в коридорчике вновь воцарилась тишина.

– Вы что-то сказали? – неожиданно с любопытством обернулась к ней впереди сидящая дородная женщина неопределенного возраста.

Из мужского зала доносился нудный стрекот машинки, приторно пахло сладковатым настоем духов, и вопрос застал глубоко задумавшуюся Риту Борисовну врасплох.

Не нашедшись что ответить, женщина с минуту тупо смотрела на расплывшееся в угодливой улыбке лицо соседки. Это лицо ей не понравилось с первого взгляда, уже когда она занимала очередь. В нем было что-то отгалкивающее красивое и надменное. Она недоуменно встрепелась и смутилась. Только теперь осознала, что вслух повторяет свои свадебные поздравления. В этот год в ходу были царские указы и боярские наказания молодым и их ближайшим родственникам. Они и вертелись в распаленном уме Риты Борисовны.

– Нет, нет! Извините... О своем думаю. На свадьбу тороплюсь, – сконфуженно ответила она соседке.

– На свадьбу?.. Если не секрет к кому же, уж не к Шпильману ли? – оживленно полуобернулась соседка.

– Да, только с другой стороны. Я бабушка жениха.

– Да, ну? – настолько удивилась женщина, что даже встала. – Вот где судьба свела. Я ведь мать невесты. Ну давайте познакомимся. Людмила Шпильман меня величать. А вы как я понимаю, Маргарита Борисовна? Слышала, как же. О Конюхове Михаил Григорьевич часто вспоминает. Он же у вас начальник милиции?

– Да, совсем недавно стал. С командировки вернулся и назначили.

Людмила с любопытством разглядывала будущую родственницу. Её так и подмывало брякнуть о её пролетарском происхождении, но она сдержалась. Все-таки родственные связи назревали.

– А моего в Уфу перевели. Так плохо жить стало – ни друзей, ни знакомых, – пожаловалась она. – Поэтому и решили свадьбу в

Белогорске играть. Думали, тут нас не забыли. Понимаете, народ вообще какой-то гнилой стал, не благодарный! Только уехали из города и уважение сразу пропало. Бывало едва порог переступишь, сам директор выбегает: вам укладку, стрижку... Как все изменилось.

– Да я, вообще-то сама себя крашу, услугами парикмахерской и то редко пользуюсь. Дороговато в салонах, да и прихорашиваться нет причин.

Маргарита поддерживала разговор, сама думала о другом. Ей положительно не нравилась новая родня. При одном слове – Шпильман, её почему-то одолевало внутреннее беспокойство. «Привыкли греться в лучах власти, а народ виноват! – подумала она, – не народ гнилой, ваша идеология гнилая!»

К счастью подошла очередь, и новоявленная сваха скрылась в зале.

Глава 14. САКСОНСКАЯ ЛИНИЯ

Огромный и неуклюжий комбинат трещал по швам. В тот жаркий июльский день доклад диспетчера походил на сводку с места боевых действий: при выводе на режим после длительного простоя установки синтина случился пожар. Едва устранили пожар, как прогремел взрыв. Есть двое погибших и двое рабочих слегли в больницу с ожогами.

Бураев был явно не в духе и подчиненные, постоянно присутствующие на утренней оперативке, сидели в напряженном молчании. В кабинете висела гнетущая тишина. Бураев напряженно думал, как спасти предприятие? Не дать ему развалиться и оправдать надежды людей. Сегодня это становилось главной целью его жизни – сохранить предприятие, чего бы это не стоило!

– Ну, делитесь Виталий Александрович секретами, как вы научились советских людей по два человека в день гробить? – Бураев намеренно и тщательно растянул обращение на вы, давая понять, что каша заварилась крутой. – За организацию работ вы пойдете под суд, это понятно. Но может быть технические факторы какие перечислите?

– Вы меня заранее под суд не сдавайте! Следствие разберется и установит кто в чем виноват, – довольно дерзко возразил из динамика голос директора завода. – Вы всё готовы на директора свалить, а мы – то пускаем, то останавливаем установки. То сырья нет, то сбыта нет! Вот вам причины. Даже надзорная инспекция массу оборудования нарыла с полученными при простое дефектами. Где ржа разъела, где вандалы детали отвертели. Вместе под суд пойдем.

– Смотри, он еще виновных ищет! – вскипел Бураев. – Валентин Николаевич, – повернулся он к главному инженеру, – надо помочь следствию в работе. Назначь своим распоряжением комиссию. Пусть тщательно расследуют оба происшествия.

Высокий и подтянутый главный инженер по-военному встал.

– Я был на месте и разбирался. Организационные промахи там налицо. Комиссию я уже назначил.

– И что же так уж плохи дела, как он рисует?

– Да! Частые пуски и остановки лихорадят. Технические факторы со счетов сбрасывать тоже не надо. Ну обвиним мы директора, засудим. А дальше что? Простой действительно не идет на пользу. Растащили соседи многое, там ведь импортное оборудование. Мы еще после митингов решили нужно менять основные фонды, ведь износ дошел до 70 процентов. Это, как выражаются следователи первые «звонки», потом еще будут. Надо Москву теребить!

– Ты меня не учи, сам знаю! – сурово зыркнул глазами Бураев. Вопрос техперевооружения вставал не впервые. Москва лишь разводила руками, там кипели политические страсти. – Мишенев, ты где? Вот, что, Владимир Петрович, готовьте письмо, поедем в Госплан к Гусеву. ...Нет! ...Два готовьте, с просьбой о выделении централизованных капитальных вложений в строительство новой установки для получения топлива. Вчера сам Горбачев звонил, просил помочь. «Энергию» ему заправлять нечем. Не решит Гусев – к Рыжкову пойдем, в Совет Министров. Будем доказывать, стучать во все двери, пока не добьемся выделения средств. ...Другие предложения есть? – хмуро окинул он взглядом притихших соратников.

– Есть! – из-за стола приподнялся недавно назначенный заместитель по внешнеэкономическим связям. – Есть предложение! И оно на мой взгляд надежнее...

– Ну давай, свой план, только короче. Без маятниковых колебаний цен.

– Извините, я главный торговец, без цен не могу, – несмотря на напряженность обстановки, усмехнулся Хайбуллин. – При всех негативных сторонах в колебании перестроечного маятника, один фактор положительный у нас имеется: за счет низкой стоимости сырья и энергоносителей, наша продукция оказалась конкурентоспособна на мировом рынке.

– По существу говори, это каждый аппаратчик давно знает.

– Прокофий Федорович, вы все-таки выслушайте. На экспорт за валюту гоним продукцию? Гоним – и все в Германию. А на мировых финансовых биржах, что сегодня выше котируется? Отвечаю – американские доллары и западногерманские дойчмарки. Про Америку я говорить не стану, а с Германией у нас связи неплохие налажены. Поверьте моему слову, не поднимутся государственные структуры. Надо самим выходить на международный рынок.

– Понял. Ну, что же. Прекрасно, мы едем к Рыжкову, а ты проработай этот вариант. Все, товарищи. Работайте. Хотя нет! С сырьем еще не решили, завтра ж лечу в Казахстан к Назарбаеву! Сам полечу.

– Тут Прокофий Федорович свои заморочки, – опять встрял Хайбуллин. – У себя мы вертолет заправим, но на обратный путь топлива не хватит! А керосин в Казахстане по заоблачной цене – миллион на заправку только надо.

– Если надо возьмем мешок с рублями, – усмехнулся Бураев. – Я под личную ответственность распоряжусь!

Пробежали три месяца. Бураев с заместителем по капитальному строительству обращаются в Госплан и в Совмин СССР, лично к его председателю Рыжкову.

И согласие было получено, и Рыжков распорядительное указание своему заместителю Гусеву опустил. Только не успело предприятие воспользоваться зеленой улицей. Теперь не требует пояснения почему, но денег выделено не было.

Бураев не забыл предложенного заместителем варианта. Он пишет письмо начальнику ВПО «Союзнефтеоргсинтез» Дюрику с просьбой «...Оказать содействие в выделении квот на экспорт продукции объединения под объем реконструкции».

Надобно сказать, обращение возымело действие: правительство выделило квоты, и вопрос был решен договоренностью, названной впоследствии «Саксонской линией».

Делегация республики, возглавляемая Бураевым и замами по внешней экономике и строительству, побывала в Саксонии. Главная задача – заключить соглашение о выделении кредита на 100 миллионов дойчмарок.

Совещание проходило в круглом кабинете здания земельного банка Саксонского Лантага.

– Господа! – начал свою речь Бураев, после краткого взаимного приветствия. – Инициатором этой встречи является наше предприятие и более никто. Поэтому будем беседовать по существу. Добро республиканского руководства есть, а вышли на Ваш земельный банк мы сами, в результате благоприятного сотрудничества. Не злоупотребляя вниманием, мы предлагаем товар, вы напрямую выделяете деньги под реконструкцию.

– И много ли господину Бураеву денег надо под реконструкцию?

– Много. У нас есть два проекта. По нашим расчетам необходимо выделить первый транш в двадцать миллионов дойчмарок. – Бураев намеренно скрыл наименование засекреченного продукта.

Моложавый мужчина с волнистыми седыми волосами и прямым носом протер стекла очков и взглянул на Бураева. Очки сильно увеличивали его зрачки, делая похожим на сову.

– Уважаемый господин Бураев, – негромко произнес он. – Мы Вас знаем как надежного партнера. Тем более продукция ваша вполне конкурентна по качеству. Но местные законы не позволяют нам оперировать такими суммами.

– Мы можем вас заинтересовать предложением взаимного бартера? – вставил реплику Хайбуллин.

– А что вы подразумеваете под словом «бартер»? – уточнил мужчина с седыми висками.

– Так у нас натуральный обмен назвали, – тотчас пояснил Бураев, почувствовав в этом некоторую зацепку для продолжения и развития беседы.

– А-а!.. Это «ченч» по нашему, – улыбнулся седовласый и вновь протер очки. – Здесь присутствует руководитель промышленно-

го сектора. Вашу продукцию мы знаем. Что бы вы хотели иметь от нас?

– Если позволите, я дополню уважаемого Фридриха. Промышленный сектор здесь представляю я – Вильгельм Донстер. Мне не послышалось, что господин Бураев намерен строить две крупные установки?

– Да. Я это подтверждаю. Мы уполномочены брать кредит на строительство двух производств. Проектные институты давно озадачены, ждут решения финансового вопроса.

– А как смотрит господин Бураев на то, что его предприятие в случае положительного решения будет приобретать оборудование изготовления Саксонских предприятий?

Бураев несколько мгновений напряженно размышлял. Он понимал, что такое разнообразие оборудования саксонцы не охватят. Но не спешил с отказом. Слишком завидным был выигрыш от заключения договора.

– Владимир Петрович, ты более подготовленный специалист, – обернулся он к напряженно вслушивающемуся заместителю. – Возможно, ты сможешь объяснить товарищам невыполнимость их пожеланий?

– Господа! Вы сами, бесспорно, понимаете. Мы строим не установки, а производства. А это десятки наименований разнообразных аппаратов, агрегатов, машин и насосов. Владея структурой ваших заводов-производителей, я откровенно беспокоюсь, что уважаемые компаньоны не охватят всей палитры изделий. Изготовить весь объем столь сложного оборудования вам просто не под силу. Мы у себя размещаем заказы на десятках заводов.

– Наши партнеры у нас что-то частично заказать планируют?

– Да. Мы традиционно закажем у вас аппараты высокого давления. Они себя прекрасно зарекомендовали. Приборное обеспечение закажем, еще кое-что.

– Ну, что же господин Бураев. Ваши коллеги нас убедили. Мы готовы помочь. Готовы! Да, извините. Есть бюрократические элементы в проведении наших финансовых потоков. Даже затрудняюсь ответить, как их можно решить.

– Коли основной вопрос решили, бюрократов как говорил Маяковский «волком выгрызем», но обойдем. Так в чем же проволочка?

– Мы с вами решили. Но есть одно затруднение: кредит в 20 миллионов дойчмарок (первоначальный взнос) должен утверждать «Внешторгимпорт». Вы понимаете, это приведет к длительной бюрократической волоките согласований.

– Прокофий Федорович! – негромко шепнул Бураеву Мишенев. – «Внешторгимпорт»! Там же Кашкин небезызвестный сидит. Надо что-то другое придумать – изведет он нас пустопорожней перепиской.

– Ну что вы господу шепчетесь! – усмехнулся Бураев, – Ну и что небезызвестный Кашкин окопался! Мы его обойдем элементарно просто! Давайте 19 миллионов! Этого нам достаточно, но как видят господу не двадцать и никем утверждать нет надобности.

Присутствующие одобрительно зашумели. Аккуратные немцы не могли даже предположить столь элементарного разрешения щепетильного вопроса. Оформили кредит в 19 миллионов дойчмарок без выхода на Кашкина.

Глава 15. РЭКЕТ

Программа, разработанная акционерами медленно, но приносила положительные плоды. Строительство новых производств Бураев повел на иностранный кредит, отчисления из прибыли решил потратить на приобретение бартерного товара. На этот раз с посредничеством Кашкина закупили крупную партию американских курток, джинсовых брюк и костюмов.

Кашкин немедленно ставит в известность Шпильмана.

– Михаил Григорьевич, вы не упустите! – звонит он Шпильману. – Бураев немало отоварился, вы пощипайте его хорошенько! Товар по оптовой цене, барыш немалый наварить можно.

– Спасибо что предупредил. Мы подумаем, – многозначительно ответил Шпильман. Он не любил разглашать свои планы даже преданным сподвижникам. После долгого обдумывания, кто же будет исполнителем, он пригласил на дачу Серебровва. Беседа состоялась тет-а-тет. – В нынешнее время все организации бартером занимаются. Ты не сможешь мне доложить, сколько товаров вы получаете по бартеру?

– Мне трудно это объяснить... Бураев своим распоряжением отлучил профсоюз от распределения. Теперь все держит в собственных руках, никому не доверяет.

– Ворует?

– Сказать не могу. Прикидывается праведником, ...все рабочим, все передовикам!..

– Привалову еще много сидеть осталось?

– Шесть давали. Еще почти два года. А что соскучились?

– Да! Без него нам хана. Даже дело поручить некому.

– Ну... Вы обижаете, что надо сделать? Мы тоже не лыком шиты.

– Что с тебя взять, ты ведь с уголовниками не дружишь. – Шпильман некоторое время молча обдумывал что-то. Видимо ему пришла новая идея. – Слушай... У тебя спортсмены знакомые есть? – неожиданно спросил он. – Ну хотя бы на уровне тренера, желательна борьба или единоборство какое-нибудь.

– Был один мастер спорта, но он в Уфу укатил. Тесно в Белогорске стало.

– Так это ж еще лучше, – обрадовался Шпильман. – Ты вот что! Ты поговори с ним, сообща прижать Бураева попробуем. Только имей ввиду – кроме нас троих карты никому не раскрывать. Спортсменов вслепую использовать будем.

Понятливый Серебров немедленно помчался в Уфу и встретился с тренером. Тот начал сколачивать группу. И случилось Юрке Седаеву заниматься именно у него борьбой самбо. Неожиданная поездка из Уфы в Белогорск целой группы спортсменов вызвала у молодого человека тревогу.

– Пап, – на всякий случай поделился он подозрениями с отцом, – Наш тренер группу мордovorотов набирает. Ребята шепчутся, уговаривает в Белогорск ехать. Мне не сказали за чем, но якобы пугнуть хотят крупного директора. Ты по своим каналам, предупреди коллег. Может на дядю Прокофия накат готовится.

Многоопытный Седаев старший угрозу оценил высокой. Он ненадолго задумался. Сложность их личных взаимоотношений все-таки уступила корпоративной этике. Он не стал размазывать информацию по службам, а сразу набрал номер и попросил соединить

с министром внутренних дел республики. Выслушав внимательно, тот немедленно созвонился с Конюховым.

– Мне просочились сведения, что против Бураева рейдерский захват запланирован, – без обиняков сообщил он. – Вы там разберитесь, да в корне пресечь надо бы...

– Очень хорошо, что предупредили. Некоторое шебаршение по линии разведки проходило, но не так адресно. Теперь мы подготовим прекрасный прием.

Конюхов, не выходя из кабинета, приглашает начальника уголовного розыска и ставит задачу:

– К Бураеву гости наведаться решили, надо бы захватить рэкетиров врасплох. Да так, чтобы впредь неповадно было. Надо разгадать три загадки: что, где и когда. Ясно?

– Да-а!.. Времечко! – присвистнул подчиненный. – Задача, конечно, не из легких.

Действительно, особенностью операции по захвату был дефицит времени и полная анонимность заказчика. Все-таки почему тренер решил везти банду из Уфы? Такое поведение для оперативников было ещё не привычно.

Одно просматривалось ясно и точно: предпринимается попытка угрожать расправой за нежелание «делиться». Главное русло бартерного потока проходило через Бураева. Вектор направления выбран правильный, да время поджимало.

В течение нескольких часов Конюхов изучал ситуацию, в том числе с выездом на место будущих событий. Составил план мероприятий, обозначив его как учения в структуре министерства, согласовал его с руководством предприятия. Ввиду недостаточности собственных сил, попросил организовать взаимодействие с охраной предприятия. Всё это в условиях цейтнота и строжайшей секретности.

И ещё одна особенность его пугала. Ожидавшаяся бригада рэкетиров состояла из лучших спортсменов по борьбе карате, среди которых оказались обладатели чёрных поясов, свидетельствовавших о высших квалификациях. По-другому, не только разрядники, но и кандидаты в мастера спорта и мастера спорта. Этих голыми руками не возьмешь! Времени на подготовку имелось всего считанные часы. Поэтому подготовительные мероприятия вершили

почти бегом. В спешке, но все-таки провели рекогносцировку на местности. Не мудрствуя лукаво, наметили места расположения участников операции в соседних подъездах, переодев всех в штатское, замаскировав оружие.

Конюхов появился в кабинете Бураева, и стал наводить справки о подозрительных клиентах.

– Кто и по какой надобности намерен прибыть к вам в ближайшее дни из Уфы? – уточнил Конюхов.

– У меня за день десятки людей бывают! – развел руками Бураев. – С самыми разными проблемами. Кажется и из Уфы клиенты напрашивались, но время прибытия не сообщили, – ответил Бураев.

Ясности не появилось, осталось обговорить правила связи. Определили условный сигнал, который им будет подан в случае начала захвата. Тем временем, все заняли отведённые места, и время потянулось еще медленнее. Никаких подозрительных движений не фиксировалось. Прошёл час, затем второй, начался третий, когда Бураев дал отбой, так как ему позвонили из Уфы и сказали, что приезд переносится на другое время. На какое конкретно ему не сообщили.

В связи с тем, что организовывать круглосуточное дежурство – удовольствие дорогостоящее, обговорили условия срочной секретной связи. На этом день завершился. Звонок раздался на следующий день. Бураев условным сигналом сообщил о нашествии в кабинет нескольких рэкетиров. От тайных агентов пришло параллельное сообщение, что часть преступников находится во дворе.

– Ну, с богом ребята! – дает команду Конюхов. – Зарядите холостыми, да побольше шума и стремительности. Но боевые тоже держите про запас, да людей берегите.

Инструктаж прибывших новых сотрудников УВД проводился по ходу движения в автобусе. Действовать пришлось по обстановке, а не по разработанному плану. Последнее сыграло на руку оперативникам, так как иногородние бандиты решили вначале прощупать окружающий ландшафт. Их агенты обследовали подъезды соседних зданий на предмет возможной засады. Убедившись в её отсутствии, часть поднялась к жертве, остальные расположились во дворе.

Не зная истинного положения дел, количества прибывших, в отсутствие данных об их личностях, владея лишь сведениями

о физической подготовке и скудной информацией на текущий момент, на ходу было принято решение использовать эффект неожиданности.

По расчетам Коныхова произвести шумовой эффект, направленный на парализацию воли, а именно: дать очередь в воздух из нескольких автоматов, что и было сделано.

Задуманное действие сработало непрекословно. Группа крепких парней после шумовой стрельбы вверх и не помыслила о сопротивлении, спортсмены как овечки по команде улеглись на землю. Одновременно контрразведчики в штатском, проникшие в кабинет Бураева, не привлекая к себе внимания скопившихся на улице обывателей, задержали «гостей».

Уже после операции выяснились некоторые детали слишком послушного поведения рэкетиров. Приезжие были не только шокированы стрельбой, но и напуганы предположением, что на них нападает группировка от руководителя комбината Бураева. Являясь в данной ситуации рейдерами, они предполагали наличие вооруженной группы у жертвы и ожидали самых жестких мер с её стороны.

Группу взяли, решив только два вопроса головоломки – где и когда. Коныхов сидел и мучительно вычислял, кто стоял за организацией налета! Ведь оставался вопрос, что ему надо?

Расследование, проведенное со всей тщательностью, показало слабую организацию рэкетированной группы. Говорить об организованной преступной группе не пришлось, так как никогда ранее ничем подобным спортсмены не занимались. Характеристики на спортсменов от руководства и с мест работы судом получены положительные.

К поездке спортсменов склонил тренер, своим авторитетом убедивший в отсутствии какой-либо опасности для них. Необходимость их присутствия объяснил желанием оказать психологическое воздействие на бизнесмена и не более того.

Однако до истинных корней следствие не докопалось. Поступило странное указание из областной администрации ограничиться условным наказанием тренера, как организатора и нескольких членов группы. «Не раздувайте дело! Нечего пугать население организованной преступностью!» – прозвучало в директиве.

Интересной была реакция жителей домов и случайных прохожих, уставших от разгула преступности. Из их уст слышались одобрительные возгласы в отношении действия силовых структур. Даже раздавались призывы к применению более жёстких мер к задержанным.

Положительный результат неожиданно отразился на биографии Конюхова. За прекрасно разработанную операцию, полковник Конюхов получил звание генерала и возглавил министерство внутренних дел республики.

Глава 16. ЗАГОВОР

Для Шпильмана митинг зеленых оказался стартовой площадкой. На волне его популистских речей он взлетел в обкома инструктором по промышленности. Улеглись волны неудавшегося митинга, и Шпильман прибыл в Белогорск. Упорная жизнеспособность комбината не давала ему покоя. Он собрал тайных приближенных в кабинете Сереброва. Отправив референта за коньяком, он поторопился поговорить без свидетелей. Оказавшийся среди заговорщиков Жора Привалов, казался лишним. Но при своем малом весе, он был непотопляем словно большой противолодочный корабль. При любой ситуации выходил из воды сухим и с рыбой в зубах. Потеряв своего главного патрона в лице Кашкина, он сошелся с молодым партийным лидером Серебровым. Он знал, что Серебров ставленник самого Шпильмана и более надежен. К сожалению, партия коммунистов уже явно доживала свой век, и лидеры не гнушались любыми средствами обрести представителей от народа.

Будучи пригретым Шпильманом, Серебров после перевода Шпильмана в горком подвизался в партийных секретарях. Умея округло говорить, молодой и обаятельный мужчина, он не пропускал не единого собрания, чтоб исподтишка, либо публично не очернить Бураева. Признаться, для этого больших усилий не требовалось. Строгий и прямолинейный руководитель имел немало недругов.

Заговор зрел на виду, но Жора принимал лишь косвенное участие. Даже Серебров не мечтал заменить Бураева на посту. По на-

водке Шпильмана в генеральные директоры путчисты наметили молодого экономиста Талгата Хайбуллина. Он занимал пост заместителя по внешнеэкономическим связям, часто бывал в Москвах и поддерживал прямой контакт с Кашкиным. В задачу Кашкина входило подготовить столичных чиновников.

Подготовка шла не шибко не валко, когда лишенный элементарной политической прозорливости Бураев неожиданно совершил ход, значительно умноживший число его противников.

Путем прямой договоренности, он приобрел для завода 23 японских автомобиля фирмы «Ниссан». Стоимость их с учетом бартера была вполне приемлемой, и желающих получить за бесценок иномарку оказалось пруд пруди.

К Бураеву выстроилась очередь из главных специалистов. Каждый тряс пространным заявлением с перечислением заслуг. Бураев спокойно читал переписку, когда взволнованная секретарша доложила ему о просителях. Он приказал впустить к нему всех.

– Ну и что... Почему не работаем? – сурово кинул он своим помощникам.

– Так иномарки пришли, распределять пора, – сказал Серебров. – Общественность встревожена, кабы не ушли на сторону.

– Общественность встревожена... Любите вы прикрываться общественностью! Соедините меня с начальником труда и зарплаты! – приказал он секретарше. – Лидия Яковлевна, отчетливо произнес он в трубку, – зайдите ко мне перепишите всех присутствующих! Зачем? При расчете зарплаты вычтете у всех рабочий день. Да, не шучу. – Он обернулся к обескураженным соратникам. – Так вот, мной дано указание – автомобили распределит народ, «общественность», к которой вы так часто апеллируете! – категорично заявил Бураев.

– Что, даже себе не возьмете, – ехидно подковырнул Серебров.

– Я уже стар и на «Волге» до пенсии доезжу. Обращаюсь ко всем псевдоделегатам от «общественности». Попрошу собрать в подразделениях заявления и определить стаж работы для претендентов не менее 25 лет. Им и будем распределять.

– Но среди высшего звена специалистов практически нет инженеров с таким стажем, – заспорил Серебров.

– А кто сказал, что надо обеспечить высшее звено? – искренне удивился Бураев. – Выделять будем не по рангу, а за трудовой вклад.

– И главному инженеру Прокофий Федорович не дадите? – поинтересовался Панченков.

– Я никому ничего давать не буду. Народ решит!

Народ решил, и 23 иномарки разошлись по заводам и подразделениям. Но врагов Бураев нажил непримиримых.

В один из августовских четвергов, Шпильман снова тайно прибыл к Сереброву и пригласил туда Хайбуллина. Разговор состоялся за плотно закрытыми дверьми.

– Ну вот Талгат, твой звездный час настал. Момент крайне подходящий. В пятницу намечен обком, я буду на бюро готовить почву. В Москву поедешь ты, Хайбуллин. Там побеседуй с Кашкиным, чтоб он по ЦК и Министерством шустрее поработал. Серебров, ты прошли агитаторов по цехам и заводам. Надо довести до народа, все хождения Бураева. Подготовь выступающих. Как приеду, организуем конференцию.

– С конференцией не будем торопиться, – возразил Серебров. – Лучше проведем её в октябре. Ему как раз 60 лет стукнет и у нас козырь хороший на руках будет. Пенсионер, стар и не вписывается в современный уклад жизни.

– Наверное ты прав, – подумав согласился Хайбуллин. – Это хороший козырь в наших руках. Давай будем прощаться. Мне машину гнать в гараж. Да готовиться к отъезду надо.

– Ну смотрите ребята, я уже стар для этих дел. А вам лафа в руки идет, вы зеваете, – укорил на прощанье Шпильман.

Но Серебров думал иначе. Он совсем не желал отдавать лавры другому человеку. Партия разваливалась, и ему нужен был надежный технический пост. Он немедленно связался с Жорой Приваловым и поставил ему другую задачу.

– Жора! Сейчас же подбери пару уголовников. Поставь им задание: надо срочно мочить Хайбуллина.

– Не понял. За что Хайбуллина, он же наш в доску?

– Это не твое дело! Что будешь иметь? Тебе деньги, исполнителям отдай иномарку. А Хайбуллина свалим на Бураева. Задачу понял?

Таким образом он внес в отлаженный механизм заговора неожиданное изменение. Погнавший в гараж машину Талгат домой не вернулся. Он бесследно исчез вместе с импортным «Ниссаном»

и до сих пор преступление не раскрыто. Это преступление сильно потрясло не только небольшой городок. Как и рассчитали заговорщики, подозрение за убийство многие взвалили на Бураева.

Глава 17. АРЕСТ

Середина лета конца девяностых одарила наши края непомерно жаркой погодой. Знойный циклон прочно обосновался на территории предуралья и не намеревался покидать её. Столбик термометра до позднего вечера не опускался ниже тридцатиградусной отметки. Изнурительная жара выматывала. Редкие грозовые дожди только на время сбивающие температуру, лишь усиливали её изнуряющее действие, повышая влажность воздуха. Знойная палящая духота стояла уже второй месяц и не давала покоя днем и ночью.

В стране шел парад президентов, и инструктор обкома Шпильман решительно вступил в борьбу за президентское кресло. Компанию он привычно вел в нескольких направлениях. Бесспорно, главным вектором были действия по устранению претендентов. Убийство заместителя Бураева он ухитрился удачно использовать для своих целей.

Шпильман пригласил полковника Леонова. Он знал, что Леонов бывший житель Белогорска. Начав следственную работу с оперативной группы, тот вырос до начальника отдела по борьбе с экономическими преступлениями.

Напутствовал сыщика Шпильман весьма целенаправленно. Хотя он вплотную подошел к семидесятилетнему юбилею, но также ловко устранял конкурентов в предвыборной компании.

– Ты Леонов разберись там внимательней! – наказывал Шпильман. – Там мафия орудует, а во главе сам директор комбината. Ты, как бывший житель этого города, не хуже меня знаешь, что такое комбинат. Градообразующее предприятие и держит в руках город. Вот письмо от коллектива, где раскрываются хищения группой руководителей. А лучше собери и привози их сюда. У нас быстрее заговорят.

С таким наказом Леонов уже не имел собственного мнения. Он понимал, это большая политика и он рядовой исполнитель. Дело облегалось хотя бы тем, что сам главный мафиози прямолинеен и не признает интриг во власти.

Вытребовав себе кабинет, Леонов с группой неделю напролет усердно проверял бухгалтерию последнего десятилетия. Промакхи к счастью лежали на поверхности. Лихие девяностые то выплескивали одну волну законов, то другую прямо противоположного толка и ловкие дельцы умело пользовались мутным законотворчеством. Плодились фирмы однодневки, которые получив продукцию, бесследно исчезали. Неплатежеспособные государственные структуры вообще не рассчитывались. И папка Леонова быстро вспухла от улик и финансовых прегрешений.

– Готовьтесь, ребята! – с любезной улыбкой прощался он пятничным вечером, – в воскресенье отдохнете, а в понедельник всех вас посажу.

Вряд ли кто принял его слова всерьез – даже посмеялись немного, но понедельник и впрямь оказался день тяжелый. В город прибыло пять оперативных групп, в том числе с заданием по задержанию бывшего генерального директора.

Прирожденный технолог Бураев никогда не имел политических пристрастий. В это время он сидел в кабинете и тщательно изучал отчетные показатели. Когда в кабинет тесным строем вошла тройка молодых людей, он приподнял голову и удивленно уставился на непрошенных гостей. Первый из вошедших, коренастый мужик с высоким лбом и короткой стрижкой, наклонившись и опершись одной рукой в стол, другой рукой подает раскрытые красные корочки удостоверения.

«Подполковник милиции Быков», – напечатано в удостоверении. Двое других, обойдя стол с другой стороны, тоже тянут руку в карман. Бросается в глаза, что у каждого на поясе подвешена кобура.

– Да, ладно, что вы!.. Я вам верю! – небрежно махнул рукой Бураев. Признаться, обещания всех посадить он не слышал, поэтому встретил гостей весьма лояльно.

Его немного кольнуло, как они пристально осматриваются. Сам он привык к обстановке. Кабинет выглядит аскетически. Две

угловые тумбочки, за спиной ряд книжных шкафов и длинный письменный стол. На столе стопка бумаг и черная деловая папка с обрамленными в желтый металл углами.

Надо сказать совершенно недавно был проведен ремонт, на стенах розовели свежие, геометрического рисунка обои!

– Вы по какому вопросу? – поинтересовался хозяин.

– Мы по вашему, личному делу! – отвечает Быков, по всей видимости, он старший.

– По-моему? – удивленно поднял брови Бураев.

– А что, у милиции не может быть вопросов для вас лично? – с язвительной ухмылкой отвечает Быков, ехидно улыбаясь, и начинает распоряжаться:

– Пригласите сюда двух понятых, вот у нас ордер на проведение обыска. ... Впрочем, один уже есть, пригласите секретаря! А вот и другой. Заприте пока дверь и никого не впускайте – скомандовал Быков перепуганной секретарше. Другим оказался случайно вошедший Серебров.

Двое помощников тем временем тщательно перебирают книги и ощупывают стены. Заметив бугорок, один из них тянет на себя линолеум.

– Линолеум хотя бы не тревожьте! ... Только что ремонт сделали! – повысив голос, возмущенно прикрикнул он не в меру ретивому оперативнику. Он послушно прекращает.

Бесспорно, обыск желаемого результата сыщикам не дал, даже лишних денег обнаружено не было. Да их у Бураева много никогда не скапливалось. Видимо для количества взяли наброски записей с зарубежного круиза (там имелись названия иностранных фирм) и сертификат на покупку акций нашего предприятия. Евгений Борисович (так представился позже Быков) разводит руками:

– Извините, мы люди подневольные. Нам приказано доставить вас в Уфу. Вы оденьтесь на всякий случай попроще, у нас всякое может случиться, могут задержать на несколько дней.

Глава 18. КАМЕРА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Шесть часов продолжалось изнурительное испытание вопросами.

– Это ваша подпись?

– Моя.

– Вы помните почему подписали документ по Саксонскому кредиту минуя Внешторгимпорт?

– Разумеется, помню. Такова была необходимость.

– Не помните или скрываете! Вы брали кредит на обновление химического завода, а средства пустили на развитие нефтепереработки!

– Мне нечего скрывать. Я в год 20 тысяч документов просматриваю и подписываю, большинство из них финансовые! Разве я могу такую массу в голове держать. Космические программы правительство свернуло, а кредит мы целевым образом использовали на техпереворужение...

Наконец дознаватель небрежным кивком головы пригласил Бураева на выход:

– Поехали! – они вышли на улицу и сели в темносинюю «девятку».

Ехали молча, каждый думал о своем несколько необычном положении. Дела назревали серьезные и могли иметь самые неожиданные и наихудшие последствия.

Автомшины въехали в какой-то двор и, визгнув тормозами, остановилась, все вышли. Из соседней машины, хлопая дверьми, вышел один из секретарей обкома. Разминая затекшие ноги, Бураев подошел и поздоровался.

– Вам что предъявляют? – спросил он у бывшего босса, теперь соратника по несчастью.

– Мне? В общем-то абракадабру настоящую!.. Создание коммерческого предприятия!.. Ничего не понимаю, я ведь ему пообещал, что в политику не полезу! – он в глубоком недоумении пожал плечами.

«Плохо вы знаете Шпильмана! – подумал Бураев, – это его происки! Чем непонятнее абракадабра, тем дольше будут держать».

Но говорить вслух не стал, стальные решетки в палец толщиной не обещали ничего хорошего.

Нырнувший в дверь дознаватель возвратился и пригласил войти. «Ба! Да это настоящая тюрьма!» – молниеносно пронзила мозг грустная мысль. Металлические двери во всех направлениях, бетонные бункера, как мышеловки, захлопнутые сверху металлической решеткой и надзиратели в синеватой форме. Приказы краткие и беспрекословные. Следак с извиняющимся видом подсовывает лист бумаги:

– Подпишите здесь, это ордер на арест. Вы посидите немного, что бы к вам на воле не приставали! – доверительно шепчет он, наклонившись ртом к уху. – Я еще раз говорю, вы проходите как свидетель.

Загремело железо, и пучок света выхватил четыре сидящих на нарах полуголых фигурки. Дверь с громоханием закрылась, проскрежетал ключ. Ступив через порог, Бураев окунулся в густую полутьму. Тусклая лампочка над дверью давала минимум света.

– Откуда тебя старый хрыч, с работы что ли привезли? – услышал он пропитый голос.

– С работы, – ответил он в никуда. – Где тут можно приткнуться?

– Хачик или ханурик?.. – Возникла тишина. Затем спрашивающий видимо сам понял, что дедок не понимает их тюремного жаргона. – Да ладно, иди прямо вперед, мы потеснимся, – сказал тот же голос.

– С завода я, – немногословно отвечал Бураев. Хотя он в тюремных кругах не вращался, но правило знал: лучший друг там молчание.

– Первая ходка наверное? И откуда тебя доставили?

– Из Белогорска!..

– Во как! У вас что в Белогорске камер нет? Или уже не хватает? – удивленно расхохотался спрашивающий. Глаза Бураева постепенно привыкали к темноте и он нащупал ими седого тощего мужчину, с жилистым торсом. А тот уже млел от приятных воспоминаний.

– Сидел я там! Эх!.. Помнится кормежка до отвала, кино крутили. Выпивку сами надзиратели приносили. Это еще по первой

ходке было. Кстати не слыхал, Шпильман со мной сидел, говорят шишка у вас какой-то. Ох и верткий проходимец. Да потворили мы с ним дела, покуралесили. Жаль говорить об этом нельзя. Не знаешь случаем живой он или сгинул уже?

– Какой это Шпильман? Михаил Григорьевич что ли? Он в обкоме давно, инструктором работает.

– В каком обкоме ты тронулся что ль? Он же бендеровец ярый! Да и фамилия у него совсем другая. Как бы не спутать: Шуке... Шухевич кажется. Ему ж вышка светила, спасло лишь то, что вышку отменяли временно.

Столь неожиданная новость так оглушила Бураева, что он решил на эту тему больше не заговаривать. Он молча сел на нары и стал раскручивать цепь случайных событий. Взрыв, пожар, головомойки в горкоме. Все вставало на места. Вот он враг. Враг коварный и матерый. Стоп! Главное спокойствие. Достать его пока не по силам, надо не выдать себя и выждать.

Дверь на свободу распахнулась неожиданно. Десять дней спустя около шести часов вечера через кормушку раздается приятная команда:

– Бураев! ...С вещами на выход!

Наутро умытый и тщательно выбритый Бураев сидел в кабинете министра внутренних дел Конюхова. После удачно проведенной операции по предотвращению рекета, Конюхова перевели в столицу. Министр отчасти чувствовал свою вину перед земляком, потому вел себя немного агрессивно.

– Бураев! Вы пожилой человек и третий руководитель! Неужто так ничего и не поняли: вас закрыли на всякий случай! Прошли выборы президента и вас отпустили, – пряча взгляд, пояснял ему министр.

– От тюрьмы и сумы не отрекайся. Посидел немного на ваших харчах, я не в обиде. У меня очень секретные сведения на Шпильмана появились. У вас по картотеке Шухевич не проходил в пятидесятых?

Конюхов нажал кнопку прямой связи.

– Принесите мне дело Романа Шухевича за 1947-50 годы, – распорядился он вошедшему старшине. Старшина тут же вышел, Конюхов развернулся лицом к Бураеву.

– Был такой! – немного подумав вспомнил он. – Я еще лейтенантом на Украине эту фамилию слышал. Сам как-то не встречал, но фамилия приметная. Потом в списках осужденных её видел. Националист ярый, его к вышке присуждали. Помню, ему голову урки отрубили. Неприятности тогда у меня были, да туда ему и дорога.

– А вам не приходило в голову что Шухевич и Шпильман одно лицо?

– Бураев! – Конюхов привстал и резко понизил голос. – Вы отдаёте отчет своим словам? Вы понимаете о каком уровне речь ведете?

– Факт выплыл застарелый. Неплохо бы проверить. Кстати вашу жену кажется Маргарита Бенциановна величают?

– Ну вот, уже и меня во враги народа вписываем? Да она отсидела несколько лет, но потом на вашем же заводе героя труда получила! Вы что забыли? Умерла супруга. Уже два года как умерла.

– Вы уж меня простите за назойливость. Но мне один старый зека поклялся, что писал ей письма и там о перевертыше Шпильмане есть подтверждение.

Пока они таким образом беседовали, старшина внес несколько фотографий Шухевича. Конюхов нетерпеливо схватил одну и пригляделся.

– Смотрите! Точно. Копия и лицо и волосы. – Министр скрипнул зубами. – Он иуда. Надо ж как ревоплотился!

Оба собеседника ошеломленно помолчали. После продолжительной паузы Конюхов попросил Бураева:

– Вы пока молчите. Сами понимаете, тут нам не по силам его одолеть. Надо в Москву звонить. Я сообщу кому следует, подберем документы. Тут арапом не возьмешь, птица слишком велика.

Конюхов доверял Бураеву, но не доверял словам прожженного заключенного. После обеда он появился в изоляторе и попросил привести подследственного из восьмой камеры. Удивлению его не было предела. Это был тот самый бендеровец, с которым они столкнулись в жестокой схватке почти сорок лет назад.

– Назеренко?! – как будто они только расстались, воскликнул Конюхов. – Вот ты какой стал.

– Да! Таким стал по вашей милости! – он зло сощурил глаз. – Когда бы моя взяла, ты б таким стал!

– Ладно, Назеренко! Коль мы узнали друг друга, давай поговорим о давно минувшем. Ты точно Шухевича знал?

– Я враг, но я не сексот!.. – осклабился Назеренко. Он немного помолчал, туго вращая мозгами. Но желание свободы видимо победило. – Без гарантий ничего рассказывать не буду.

– Даю слово офицера, при подтверждении фактов, обещаю полную свободу.

– Обещала бабка, да... – уныло сострил Назеренко. – Не стал бы говорить, да самого злость точит. Я нары тридцать лет протираю, а он, продажная шкура, в роскоши при власти купается. Не надо мне твоих гарантий, он теперь не ваш, а мой враг! Он наше дело предал, Иуда, продажная! Я вам так все расскажу, может хоть вы покараете.

То, о чем поведал Конюхову Назеренко, одновременно потрясло и прояснило многое из цепи забытых событий. Стали ясны причины забытого пожара в конторе комбината, нелепый взрыв в цехе и прочие неприятности.

– Слушай, Назеренко, а подтвердить тебе нечем? Документов, скажем, нигде не сохранилось изобличающих? – спросил Конюхов.

– Какие документы, начальник? – усмехнулся Назеренко. – Какие документы если я тридцать лет на тюремных нарах просидел. – Он сделал паузу, о чем-то вспоминая. – Хотя была одна женщина. Любил я её по молодости, письма ей горячие слал. Мейер её фамилия, Маргарита кажется Бенциановна. Я её еще Ритой Борисовной Меркиной переименовывал. Поищите её, может она сохранила письма. Хотя вряд ли. Кто будет держать явные улики от врага народа?

Но Конюхов его уже не слушал. У него перед глазами плавали прозрачные круги. Слишком много совпадений: Маргарита, Меркина, Борисовна... Он встал и вызвал надзирателя.

– Ну а как будет с гарантией, начальник? – спросил, криво сморщившись Назеренко.

– Слово офицера! – ответил Конюхов и пошел к машине. Он приказал водителю, минуя службу, отвезти его домой. Сердце билось утешенно, в голове шумело, будто её сдавили тисками.

Домой заходил он последнее время через силу. Вид осиротевшей квартиры навевал жгучую тоску, и он большую часть суток старался проводить на службе. Там на людях казалось легче. Дома он пользовался только кабинетом, где и работал и спал. Но сегодня он решил войти в спальню жены и перетрясти её вещи.

Мы не будем утомлять читателя описанием поиска, скажем лишь, что тщательно перевязанный пакет с письмами он все-таки обнаружил. И всю ночь читал, то обливаясь мужскими слезами, то проклиная давно ушедшую из памяти войну. Упоминания о Шпильмане на пожелтевших страницах сохранились, и он упаковал их в отдельную пачку.

Первым утренним рейсом Конохов уже летел в Москву.

Глава 19. ПЕРЕВЫБОРЫ

Тем не менее сценарий Шпильмана продолжал работать. Наступил второй акт фарса. Памятная конференция открылась обычным годовым отчетом генерального директора. В просторном докладе Бураева привычно мелькали перечисления построенных, введенных объектов и прочие итоговые заслуги предприятия. Ситуация разворачивалась по мирному руслу. Но взявший в прениях слово Серебров, неожиданно смешал все карты.

– Товарищи делегаты! – обратился он к залу. – Мы с вами прослушали набор парадных цифр и лозунгов. Не то сегодня время. Давайте поговорим начистоту. Бураев груб! Все помните, как он Колосова до петли довел. Смерть Талгата Хайбуллина тоже на его совести. Он нечист на руку. Прикидывается пайнкой, а сам два мешка денег в Казахстан вывез...

Докладчик не жалел красок и чернил своего руководителя так густо, что на первых порах делегаты впали в коллективный ступор.

Сам Прокофий Федорович привычно сидел в президиуме и по его строгому лицу даже тень не пробегала. Он молча наблюдал и видел, враги есть, но основная масса работников сидящих в зале просто не понимает о чем идет речь.

«Да, – подумал он, – демократия коварная штука! Пред самой пенсией подстерегла генерального директора и устроила унизительную проверку». Очень необычный для административно-командной системы управления факт, но сегодня предстоит пройти сквозь суровое испытание.

Отступим немного назад. В угоду веяниям моды, он сам в конце 1988 года в подразделениях приказал на отчетных конференциях провести обсуждение демократических новаций. На расширенной конференции предприятия в дополнение к профсоюзным комитетам избран новый орган самоуправления – «Совет трудового коллектива». Председателем Совета избрали одного из ставленников Шпильмана. У генерального директора число соглядатаев прибавилось, но в буче тех бурных лет это не ощущалось. Теперь их стало три: партия, профсоюз и Совет трудового коллектива. Аналогичные Советы появились и в подразделениях, причем этот орган считается по статусу наивысшим, и имеет полномочия утверждать первого руководителя. Все в точности напоминает семнадцатый год – те же советы, то же двоевластие в управлении. Проведены подтверждения должностных лиц на всех руководящих постах, но, к счастью, все опытные руководители остались на местах.

Тем временем, на трибуне появился второй заготовленный оратор. Он вспомнил некоторых уволенных суровым генералом специалистов и активно расхвалил их деловые качества. Призыв был един: теперь демократия, переизбрать генерального директора! Третьим выступил врач поликлиники. Он привел неизвестно откуда почерпнутые цифры пострадавших от сердечных приступов. Ораторы выходили один за другим и огорошенным работникам казалось, что в зале подобраны сплошные ненавистники Бураева.

Но всеобщий ступор уже прошел. Сначала по залу прокатился недовольный рокот. Затем к трибуне добрались заступники. Повернуть фонтан очернительных речей удалось изрядно постаревшему, но неутомимому Гафарову.

– Товарищи делегаты! – произнес Гафаров, встав лицом к залу. – Да что же мы позволяем чернить наш труд всяким демагогам. Вы посмотрите кто здесь выступает. Секретари, функционеры, бюрократы. Они не правду ищут – выгоду! Они не Бураева чернят, коллектив поносят! Наши заслуги поливают грязью.

– Мы с вами не все знаем. У них, – он махнул рукой в сторону заговорщиков, – есть причины ненавидеть Бураева. Вспомните его приказ – заработную плату руководителям выдавать в последнюю очередь. Или распоряжение иномарки распределить рядовым работникам...

Поднаторевший за годы партийной работы в ораторстве, Биктимир слово за слово раскрывал коварную суть заговорщиков. Надобно заметить, что конференция, посвященная перевыборам гендиректора, прошла на редкость шумно и эмоционально.

– Эх! Опять не на ту лошадь поставил! – вздохнул Серебров, чувствуя, что инициатива бесповоротно уползает. – Вот кого надо было замочить! – шепнул Серебров Привалову. – А ты что сделал?

– Что приказали, то и делал, – отмахнулся Привалов.

Строгий и требовательный руководитель имел немало недоброжелателей. Прекрасно подготовившись, поначалу организаторы подвергли его личность острому остракизму. К счастью, сами критикующие оказались людьми малоавторитетными, их требования необоснованными, а призывы популистскими и демагогическими.

После выступления Гафарова в зале раздались аплодисменты и послышались выкрики: Бураев! Бураев! Теперь горячо выступали защитники, и чаша весов откровенно склонялась в пользу Бураева. Здравый смысл возобладал и Бураев остался первым руководителем. Просто добавил себе седины в волосах и продолжил жесткую линию на выживание. Мстить, или выяснять отношения ему было некогда, жизнь требовала активных действий по стабилизации производства.

Потом Советы трудовых коллективов как-то незаметно отошли в тень и умерли. Советы умерли, а предприятие работает.

Народ отстоял своего генерала, а он смог удержать коллектив на плаву, не дал ему рассыпаться на мелкие подразделения и не закрыл ни единого производства. В тот же день прибывшая из Москвы опергруппа арестовала Шпильмана. Две параллели судеб, превратившись в параболы, пересеклись в одной точке. Теперь линия судьбы Шпильмана пошла вниз, линия Бураева загнулась вверх.

ЭПИЛОГ

Спустя три месяца на подобной конференции Бураева проводили на пенсию по возрасту. Пока ведущий читал список в три печатных листа возведенных при нем объектов, Бураев смотрел в зал, а по щеке его катилась слеза. В голове, словно в кадрах кинохроники мелькали сцены пуска установок, пожаров и взрывов, жестоких подковерных схваток и семейных скандалов. «Вот он смысл моей жизни, – думал он. – Вот он долгожданный успех. Только зря говорят, что успех приходит. Это беда может прийти неожиданно. А успех всегда завершает работу! И завершает ту работу, которой были отданы все силы, весь жар твоей души!»

P.S. Конюхов сдержал слово. Он освободил Назеренко и принял его в штат вахтером. Сын Конюхова Глеб Иванович не стал летчиком. Спустя несколько лет он возглавил предприятие. Так закончилась хроника семьи Конюховых и продолжилась беспокойная династия генеральных директоров одного из крупнейших комбинатов.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог	3
Юбилейный экскурс	4
Часть первая. Точка схода	9
Глава 1. Трудный разговор	9
Глава 2. Странные гости	11
Глава 3. Знаковое решение	14
Глава 4. Случайная встреча	17
Глава 5. Десант	20
Глава 6. Начало	23
Глава 7. Перевертыш	27
Глава 8. Новогодний пожар	30
Глава 9. Рита и Назеренко	35
Глава 10. На шаткой чаше весов	38
Глава 11. Рита знакомится с Конюховым	43
Глава 12. С разных концов света	48
Глава 13. Диверсанты	52
Глава 14. Сызранский техникум	55
Глава 15. Направленцы	59
Глава 16. На приеме у Фиалетова	66
Глава 17. В Грозном	70
Глава 18. Кавказские устои	73
Глава 19. С заданием пустить завод	76
Глава 20. Кризис на катализаторной фабрике	80
Глава 21. В преддверии пуска	85
Глава 22. Хулиганский налет	87
Глава 23. Пуск катализаторной фабрики	89
Глава 24. Сасин в Уфимском нефтяном институте	94
Глава 25. Шпильман	97
Глава 26. Под танковой броней	102
Часть 2. Любой ценой	105
Глава 1. Бураев в цехе перегонки	105

Глава 2. Бураев встречается с Биктимиром	110
Глава 3. Жора организует пожар в резервуарном парке	114
Глава 4. Переворот в сознании и технологии	118
Глава 5. Партконференция	120
Глава 6. Конюхов меняет профессию	123
Глава 7. Конец эры Кленовского	125
Глава 8. От начальника цеха до главного инженера	128
Глава 9. Шпильман на посту секретаря парткома	132
Глава 10. Реформы по Шпильману	134
Глава 11. Очередное назначение	138
Глава 12. В пусконаладке	139
Глава 13. Жора Привалов	142
Глава 14. Двоевластие	144
Глава 15. Бунт	148
Глава 16. Такие разные задачи	154
Глава 17. Прыжок к Олимпу	158
Глава 18. Парторг Гафаров	161
Глава 19. Почин Конюховой	164
Глава 20. Знакомство с Панченковым	165
Глава 21. Даешь миллион тонн!	170
Глава 22. Шпильман затевает козни	173
Глава 23. Конюхов младший	177
Глава 24. Накануне трагедии	180
Глава 25. Взрыв	184
Глава 26. Генеральный директор	187
Глава 27. Кашкин	190
Глава 28. Топливо для «Салютов»	192
Часть 3. Сквозь тернии перестроек	195
Глава 1. Сложный путь в генералы	195
Глава 2. Юрка и Жора	197
Глава 3. Восхождение звезды Бураева	199
Глава 4. Старый знакомый	201
Глава 5. Тактичная наводка	205

Глава 6. Курсом в космос	208
Глава 7. Конфликт на опытном заводе	210
Глава 8. Рикошет	214
Глава 9. Турецкий удар	217
Глава 10. Акционеры	220
Глава 11. Зеленые	222
Глава 12. Конюхов переходит в милицию	226
Глава 13. Свадьба	231
Глава 14. Саксонская линия	233
Глава 15. Рэкет	238
Глава 16. Заговор	243
Глава 17. Арест	246
Глава 18. Камера предварительного заключения	249
Глава 19. Перевыборы	254
Эпилог	257